

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД

Мухаммад АЛИ

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Анатолий БАУЭР

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Раим ФАРХАДИ

Николай ИЛЬИН

Вика ОСАДЧЕНКО

Баходыр АХМЕДОВ

Раиса КРАПАНЕЙ

Сергей МИРОНОВ

Главный редактор

Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора

Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь

Дилором МУРОТОВА

Редакторы

Ольга ГВАРДИНА

Елена ДОЛГОПолова

Республика Узбекистан
Ташкент

Георгий ПРЯХИН

публицистика

ЖИВОТНОЕ НАЧАЛО

Странное явление: социализация животных, похоже, усиливается... Вон и одичавшие собаки сбиваются в своры! Людское же сообщество все больше разьедаемо индивидуализмом. Возможно, в этом повинны новые цифровые революционные технологии, которые значительно расширяют возможности отдельной личности, делают ее сильнее и независимее. Да и сама виртуальная действительность все ошутимее теснит действительность реальную.

Возможно.

Умида КАРИМОВА

ПОЭЗИЯ

Встреч скупых противоречия...

***

Прилечу на крыльях счастья
И забудусь на мгновенье.
Под суровой маской власти
Нет лица – лишь отраженье.

Ожидание – безумие,
Встреч скупых противоречие.
Простота благоразумия –
Первый признак бессердечия.

Хабиб СИДДИК

переводы

И СМЕХ, И ГРЕХ...

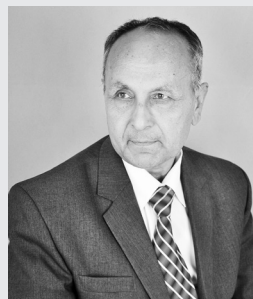
По специальности

– Сейджан, бросив работу по специальности, перешел в торговлю?

– Почему?.. Он по специальности в магазине работает.

– Неужели?.. Разве он окончил кооперативный институт?

– Не-ет, он окончил сельскохозяйственный – поэтому заведует магазином сельхозпродуктов.

КАМЕЛАНСКАЯ ЧАСОВНЯ

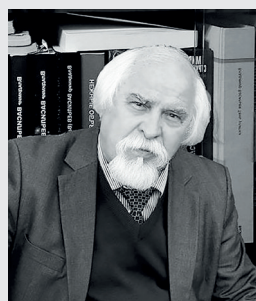
Рассказ

В Ташкенте, недалеко от старого мусульманского кладбища, стоит христианская часовенка, которую называют Камеланской. За свои 133 года часовенка пережила разные времена. До революции она была одной из исторических достопримечательностей города. Ее непременно посещали приезжающие, а потом рассказывали о ней в своих мемуарах. Ни один путеводитель по Туркестанскому краю не обходился без ее описания.

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Не торговал я словом...

Не торговал я словом,
А стало быть, душой...
Был приговор суровым:
На рынке я – чужой.

Спустился с пьедестала
И сам пошел в народ,
Где уяснил устало:
Народ меня не ждет.

УЗБЕКСКАЯ ТЮБЕТЕЙКА – СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА

Тюбетейка, являясь главным аксессуаром национального костюма, заняла значимое место в ряду вековых ценностей, превратившись в своеобразный знак, символ. Тюбетейка не только элемент национальной традиции и менталитета. Это головной убор, который, являясь произведением искусства, воплощает в себе все достоинства народа – отвагу и гордость мужчин, красоту, изящество и нежность женщин. Иначе говоря, она является символом самобытности мировоззрения и мироощущения народа, его традиций и образа жизни, сформировавшихся на протяжении тысячелетий.

СОДЕРЖАНИЕ
ПУБЛИЦИСТИКА

Георгий ПРЯХИН. Животное начало. 5

ПРОЗА

Баходир ДЖУРАЕВ. Дыхание театра. Рассказ. 12
Динора АЗИМ. Письмо из прошлого. Рассказ. 34
Алишер ФАЙЗУЛЛАЕВ. Этот безумный, безумный мир... Рассказы. 43
Валерий СТАХОВСКИЙ. До этого были еще цветочки... Рассказ. 65
Евгений СКЛЯРЕВСКИЙ. Наш вечный Вавилон. Очерк. 86

ПОЭЗИЯ

Умида КАРИМОВА. Встреч скупых противоречия... 25
Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Все начинается с любви. 31
Владимир ДОЛГУШИН. Будто я заблудился во времени... 38
Владимир ВАСИЛЬЕВ. Не торговал я словом... 53

НОВЫЕ ИМЕНА

Элеонора БОБРОВА. С горьким вкусом утрат... 72
Галина ШВЕДОВА. Мандариновый поцелуй. Рассказ. 118

ПЕРЕВОДЫ

Кучкар НАРКАБИЛ. Дед Чингачгук. Рассказ. Перевод с узбекского Гузаль Махмудовой. 81
Дильбар ХАЙДАРОВА. Песня старости. Рассказ. Перевод с узбекского Ольги Прилуцкой. 101
Хабиб СИДДИК. И смех, и грех... Перевод с узбекского Кодиржона Носирова. 124

МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА

Ах, война, что ж ты сделала, подлая... 77

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Гульбахор САИДГАНИЕВА. Возвращусь ли я?... 59

КАРАВАН ИСТОРИИ

Татьяна ВАВИЛОВА. Камеланская часовня. Рассказ. 28
Владимир ФЕТИСОВ. Дерзкий рейд. 97
Лейла ШАХНАЗАРОВА. Как мы делали «пушкинскую» газету. 107

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Нигора ЯДГАРОВА. Я люблю тебя, Самарканд! 127
Дилором МУРОТОВА. Узбекская тюбетейка – символ национального достоинства. 136
Донат ИНОГАМОВ. Философская субстанция современной музыки. 144
Наврўзбек СОБИРОВ. Аспекты общности тюркских музыкальных инструментов. 146
Шерзод УМАРОВ. Творческие аспекты дирижирования. 150

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Дильноза ЖУМАЕВА. Бессмертный сюжет. 121
Наргиза ИБРАГИМОВА. В поисках феминного дискурса. 131
Маргарита ШИН. Постмодернизм – массовый паралич реальности. 141

На 2-ой и 3-ей странице обложки журнала картины художника Р. Тимурова, на 4-й стр. – национальные узбекские тюбетейки.

Звезда Востока

2020 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

zvezdavostokazv@umail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1200 экз. Заказ № 4

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.

Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе объемом **не более 50 страниц**.

Набор текста в любом формате с приложением электронной версии и распечатки.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Письменные заключения не даются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ЖИВОТНОЕ НАЧАЛО

Георгий ПРЯХИН

Я вырос с животными. И, забегаю вперед, признаюсь, что мои взаимоотношения с ними далеко не всегда носили идеальный характер. Во всяком случае, я хорошо помню, как выглядит животная злоба.

Да и животный страх тоже – его не раз можно было увидеть в моих собственных глазах.

Летом я часто жил в более благополучном, чем наша засушливая Никола, пойменном Прикумском селе Красный Октябрь (знай наших!) у двоюродной бабушки с не менее выразительной, но теперь уже не политической, а литературной, писательской фамилией Брихунцова (полученной, правда, от собственного батрака, к которому бабушка моя, в девичестве Руднева, вполне зажиточная красавица, перебежала чуть ли не на следующий день или на следующую ночь после законного замужества с вполне себе состоятельным односельчанином с куда более благочинной фамилией – любовь, как известно, зла, особенно первая и особенно тайная). Своих детей и, соответственно, родных внуков у бабушки Марии, в отличие от Марии библейской, не было – не то батрак оказался бесплодным, не то, увы, она сама. И всю свою новую, позднюю материнскую, последнюю любовь бабуля обрушила на меня. Пребывая в Красном, я даже чувствовал себя неловко перед теми дальними, но родными-родными, оставшимися в бедной нашей Николе, перед мамою и еще двоими младшими детишками: я жировал здесь в куда большем достатке и довольствии, почти что в холе, нежели они там, на скудном, сухостойном подворье многодетной матери-одиночки в недавно еще ссыльном овечьем селении.

Мало того что харчи у бабушки Мани с ее изобильным, рясыным, спускавшимся почти что к самой речке Куме садом-огородом, да еще и с непревзойденным, нарасхват дедам-плотником (это только в советской расхожей литературе батраки изображались непременно с вилами да косами. Дед Брихунец не знал ни того, ни другого, рябые мастеровитые руки у него были как у пианиста), да еще и с почти что полным отсутствием вечно, как

Георгий ПРЯХИН – политик, журналист, писатель и издатель. Член союза писателей России. Родился в 1947 г. в России, автор нескольких книг, лауреат всероссийских и международных премий, академик Академии российской словесности. В настоящее время – директор издательства «Художественная литература».

у птенцов, раззявленных ртов, были куда обильнее и слаше (широкогорлые стеклянные банки с вареньями тускло генеральскими парадными шеренгами блестели под кроватями), чем у нас дома. Здесь, в Красном, с меня слезала, как змеиная линялая шкурка, сразу туча забот, которые докучали мне в Николе, причем заботы были там на вырост: мать пропадала то в поле, то на ферме, а хозяйство, немудреная наша «худоба», оставалось во многом на моем малолетнем попечении. Тут же – никаких тебе хлопот, гуляй, ветер...

Кроме одной.

Пригонять из стада по вечерам корову. Это дома нашу Ночку я не только принимал вечерами у пастуха, но и сопровождал спозаранок, досыпая на ходу, к месту сбора деревенского стада. Тут же после утренней дойки корову «вываживала» сама баба Маня, тоже дородная, правда, не дойная, давая мне вволю позоревать. Я же должен был только забирать буренку в конце долгого летнего дня. Не в пример Ночке эта, чужая, корова почему-то недолюбливала меня и сама вызывающе независимо правила домой, не обращая на меня, шкета, нахлебника, на ее же молоке жиреющего, никакого внимания: бредет, мол, где-то сзади козявка с прутиком, ну и пусть себе шкандыбает. Ни холодно ей, ни жарко.

И путь наш, в меру все же совместный, каждый раз лежал по выгону мимо одного и того же двора, точнее, одних задворков, в которых проживал, томился на цепи бешеный здоровенный пес. Причем корова всякий раз то ли назло мне (чувствуя, что я отчаянно трушу этого битюка), то ли самому волкодаву назло норовила пройти, продефилировать величественно и презрительно как можно ближе, плотнее к «загате», колючей живой изгороди, окружавшей это чужое подворье. Ну а я, как на нитке, следовал издали за нею, опасливо вслушиваясь в рев кобеля, остервенело метавшегося, почуяв и завидев нас, на своей якорной цепи.

И каждый вечер меня до похолодания пяток терзало страшное предчувствие: сорвется, зараза! Либо разорвет, либо разгрызет свои постылые оковы. И тигрой вымахнет из-за дерезы: тут мне и каюк! Конечно же, мне – корова павою так и поплывет дальше: даже ему, волкодаву, она все же не по зубам. И на ее защиту, выручку мне рассчитывать нечего: это не Ночка... Та бы и на волка, на матерого бирюка бы рогами кинулась, обороняя меня. Для этой же я чужой, пасынок.

Кобель и сорвался. И кинулся действительно тигрою, раздирая колючую городьбу, на меня!

Хотя ничего плохого я ему не сделал, даже не дразнил, не обозвал, подлеца, ни разу.

Вот эту зоологическую злобу в бешено выкатившихся, лихорадочно блестящих янтарных зенках, вот эту ошеренную клыкастую пасть с судорожно вырывающимися из нее желтоватыми полоумными клочьями пены я и запомню навсегда.

А вокруг, как на грех, ни души. Коровы так даже не обернулась на мой шенячий – не телячий же! – истошный вопль.

Что увидел сокрушительно несущийся на меня кобель в моих глазах, я не знаю. Но догадываюсь: животный, зоологический страх.

Но он его не впечатлил: страх никогда и никого не впечатляет, вот ненависть – другое дело.

Но за что же эта тварь, зверюга эта так возненавидела меня?

За мою слабость и мою малость?

Ума не приложу.

Так мы заглянули друг в друга, и шуп этот, эхолот прошел глубоко-глубоко, у меня так до самых пяток.

Выручил прутик, тот самый, смородиновый, из бабы Манина сада. Я не стал убегать – бесполезно, да и ноги не слушались, – а присел в затравевшей ложбинке, где настиг меня кобель, и стал отчаянно отмахиваться от него. Прут гибкий и хлесткий, а отчаяние придавало и сил, и меткости. Вражина, хрипя, прыгал, наседал на меня и получал исключительно по морде. По сусалам! Прут вжикал в моих руках, и на собачьей морде, на черном твердом носу, вскипали багровые рубцы. И тогда разбойный рев псины на мгновения оборачивался почти шенячьим визгом. Моя же рука, как ни странно, крепла с каждым удачным ударом... С тех пор хотя бы перед собаками страх в моей жизни исчез. Правда, перед всеми другими млекопитающими остался.

Самое главное – не измочалился бы, не обскубался бы прутом, морды ведь сегодня у всех почти кирпичные...

Кто нас разнял, не помню. Не то хозяин битюка, не то баба Маня, всполошенная тем, что корова ее явилась ко двору в полном одиночестве. Прибежали на выгон, отогнали от меня барбоса, обремененного каторжной своей цепью и колом, на который цепка эта и насажена: может, сия арестантская колода, лишавшая его естественной маневренности, и спасла меня.

Цепь не перегрыз, а вот кол сумел выдрать.

Сейчас же я думаю: а ведь если и человека посадить на цепь, да еще и на кол, то ведь он тоже наверняка озверееет и станет кидаться на кого ни попадя. Особенно на слабых да малых. Где-то в дневниках Достоевского вычитал такой экзерсис: опаздывающий офицер (фельдгегерь), подгоняя маршрут, изо всей дури долбит кулаком в спину боязливо угнувшемуся кучеру в дырявом армяке. Кучер же, хоть и угнулся раболепно, но умудряется при этом остервенело и методично хлестать батогами и коренника, и пристяжных. И Достоевский делает вывод: каждый удар по бедной лошади, по скотине, вылетает из удара по кучеру.

А ведь кучер – человек. Что уж говорить о собаке?

Насчет кучера и Савраски. Пожалуй, самый пронзительный рассказ – этюд гениального интеллигента Чехова о том, как старый ямщик печалуется подле кабака своей доходяге-кобыле, именно к о б ы л е, по поводу смерти своего сына. Сыночка. Ничего менее литературного и вместе с тем более потрясающего и художественного в русской беллетристике я не знаю. Диалог несчастного человека и самой несчастной природы...

Увы, человек ожесточает все вокруг себя. Флору, разве что за исключением своих «соток» или, в зависимости от достатка, гектаров, испохабливает, фауну же – особенно вследствие им же, человеком, вызванных пожаров и других искусственных катаклизмов – не только истребляет, а, что еще хуже (это как незаметная для человеческих органов чувств оседающая радиация), ожесточает.

У самого меня бывали, и не только в детстве, и куда более нежные истории с животными. Одну зиму под кроватью у меня, мальчишки, жил, спасаясь от морозов новорожденный поросенок. Ему так нравилось играть

со мной, что по утрам, проснувшись раньше меня, он начинал подпрыгивать под моей солдатской, с металлической панцирной сеткой, на вырост, кровати и весело торкаться розовым молотившим пятчком снизу, с исподу, в мой тюфяк: мол, вставай, подымайся, лежебока, пора играть! А собственная моя овчарка, выпоенная мною смальчик из бутылочки, без сучки, по ночам не уходила в конуру, а спала солдатиком, натопырив треугольные уши, на улице в любую погоду, строго под тем окном, возле которого внутри, в хате, стояло мое облупившееся ложе. Охраняла! Берегла.

...Та зима выдалась снежною и холодною. Пятьдесят третий – пятьдесят четвертый. Холодным оказалось тогда не только лето, но куда холоднее и зима. Бескормица, к тому же и мать заболела. Чтобы прокормить корову, она за воз соломы (нашу накануне по шалости спалили младшие несмышлениши братья) отдала овчарку, тоже кобелька, которого я за шоколадный окрас нарек Орлом, местным чабанам. У них кто-то повадился таскать из кошары овец. Орел никого не подпускал к себе, и мама, сама чуть не плача, заставила меня, именно меня, привязать, приторочить цепью любимую собаку мою к той самой чужой телеге, на какой мужики привезли солому. Как рыдал я! Как рыдал виноградными слезами из карих-карих (даже карее моих) глаз Орел! Он подчинился, хотя и упирался крепкими лапами, и пароконная упряжь, храпя, словно Орел и был тем ворюгою-волком, сорвала-таки его с родного двора.

Прошло несколько месяцев, воровство на кошаре, может, благодаря моему четвероногому дружану, пресеклось. Как ни обещались чабаны, домой нам пса они не возвращали. И я сам пошел на другой конец села, на чужой «куток», к старшему из них за своим Орлом, по которому тосковал совершенно нестерпимо. И нашел его. Во дворе у того самого, старшего.

На цепи.

Перелез через огорожу, подошел, ласково, со слезами, окликая его.

И Орел, друг и защитник мой сердечный, что вечерами после второй смены, бывало, провожал меня в такой тьме, что хоть глаз коли, из школы в степь до птичника, в котором в пристройке, прилепившейся к кудахтающему и гомонящему за стенкой «корпусу», поставив на подоконник маячком в безлюдной (безлюдной ли?) степи семилинейную керосиновую лампу, ждала меня мать, мой Орел... взъерился на меня!

Шерсть шоколадная дыбом, клыки жутко оскалены! Рвется с цепи, на которой увозили, утаскивали его от меня, столь любимого и нежно-нежно охраняемого им.

Я остолбенел. Не от страха. Повторяю, после случая в Красном собак я вообще перестал бояться. От обиды.

Друг... Предал...

Хотя по большому счету первым ведь предал его я. А друг не простил. Не забыл. Не заспал.

Впрочем, что-то подсказывает мне: вот что значит хотя бы три месяца просидеть на цепи, которую и привезли для него чабаны с собою! Раньше, у меня, он ее, окаянную, отродясь не знал. Волен был, как степной ветер.

А потом: смена хозяина – это и смена облика. Как минимум – внутреннего. Хозяина пса (моего обидчика) в Красном, вспоминаю, тоже недолюбливали односельчане: звероватый мужичок был.

Тут же, в Николе, хозяин выскочил сразу. Чабан, известный тем, что ходил у нас по дворам (тогда, опасаясь налоговых инспекторов, которых звали у нас «агентами», почти как иностранцев, скот резали, не зажигая света, по ночам). Так этот чабан очень ловко всаживал прямо под сердце на убой приготовленным овцам-свиньям-бычкам (телушек берегли как зеницу ока) длинный тесак, стилет, и в качестве дополнительной платы непременно требовал кружку дымящейся свежей крови... Стало быть, хозяин вскоре тоже выскочил из дома на порог. Услыхал нашу возню.

Чабана этого тоже побаивались, сторонились на селе. Может, еще и потому мать, на которую я, дурень, надолго затаил смертельную обиду (даже глухонемым, способным только реветь благим матом, придурился на целую неделю), и отдала моего доселе верного пса.

Да, выперся на порог сам хозяин в расстегнутой до пупка рубашке...

В общем, я был позорно изгнан с чужого двора отборным, грозным матом сразу из двух огненно разинутых пастей: человеческой, бледно-красной, и собачьей, полночно-черной.

Собачья звучала для меня оскорбительнее. И поплелся я вон, не сопротивляясь, уже не через ограду, а через калитку, глотая виноградные, горькие-горькие слезы.

Еще неизвестно, что въедается глубже и разрушительнее – природные инстинкты животных или качества, перенятые у человека, а то и привитые им?

«Что ни боров, то – норов...» Это не только о борове. Это об извечном: и борове, и человеке.

«Расчеловечивание» природы – та еще кровоточащая сегодня тема.

Я же нынче хочу повернуть дышло в другую сторону.

Почему мы, люди, почти ничему не учимся у животных?

Чему учиться?

В первую голову – чувству собственного самосохранения.

Вот скажите, кто главный враг у волка?

Вовсе не волк!

А вот человек человеку – волк. Никто так яростно не истребляет себе подобных, своих же собратьев, как человек. Хомо сапиенс. Сапиенс!

У животных индивидуальное чувство самосохранения неразрывно связано с видовым. Нет вида – нет и индивидуума. Вид до последнего защищает отдельную особь, особь же, не шадя живота своего, защищает семью, стаю, стадо, вид.

Странное явление: социализация животных, похоже, усиливается... Вон и одичавшие собаки сбиваются в своры! Людское же сообщество все больше разъедаемо индивидуализмом. Возможно, в этом повинны новые цифровые революционные технологии, которые значительно расширяют возможности отдельной личности, делают ее сильнее и независимее. Да и сама виртуальная действительность все ошутимее теснит действительность реальную.

Возможно.

Исчезновение с лица земли в последние века многих видов животных связано не с агрессией других зверей, а почти исключительно с человеком. Как и резкое снижение численности отдельных человеческих популяций,

увы, тоже дело рук человеческих.

Рук? Головы? Души? – или отсутствия ее?

Даже с п а с т и с ь – не в онтологическом, а в апокалиптическом, я д е р н о м понимании – человек все больше надеется по отдельности. С этим, уверен, связаны и участвовавшие безбашенные умствования об ограниченных, «точечных», ядерных ударах, ядерной «анестезии», региональных зарядах и т. п. По крайней мере, мировой истеблишмент, как политический, так и экономический, втайне, но все явственнее и явственнее надеется выжить, спастись автономно от всего остального, заранее обреченного человечества... (Никто, конечно, не градуировал, не подсчитывал, сколько бедных и сколько богатых сгинуло, скажем, во Второй мировой. Но что-то подсказывает мне, что их количество, особенно с учетом людоедского холокоста, в принципе, одинаково. Да даже гибель одного человека, твари божьей, кем бы ни был и каким бы он ни был, влечет за собою трагический разрыв во всей нашей пока еще живой муравьиной цепочке...)

Как-то услышал теорию, от которой вздрогнул. Мол, в России, особенно в Сибири, слишком... много населения. Не мало, а много! Надо, мол, просто выстроить аракчеевские поселения вдоль Транссиба для обслуживания международной коммуникации и – баста. Иначе ведь все равно всех не прокормить...

Ну да, кормить, как и обслуживать, есть резон только богатых, хотя я лично не припомню ни одного гения, спасителя человечества, включая и самого Главного, который произошел бы из «элиты». (У нас она сегодня определяется исключительно по банковскому или просто «коробочному» счету). Для справки же сообщу, что в моей приснопамятной Николе тоже существовала прекрасно, щедро прикармливаемая со всех заинтересованных сторон своя элита. Бугай-производитель, шедший в деревне прямо нарасхват. Правда, элитность его определялась даже не крутым загривком, а исключительно тяжестью чугунных ядер, висевших, мерно покачиваясь, у него между задними ногами – вот уж действительно животное начало!..

У животных надо учиться, нет, не жалости, там ее практически нету, а пониманию, что без д р у г о г о , даже того, что валяется под забором в собственной юдоли и блевотине, ты не то что неполон, не то что несостоятелен, ты более уязвим. Еще более смертен, чем с ним.

Мне нравится, что звери, да даже домашняя скотина, сбиваясь в стада, стаи, гурты, самых слабых, увечных и просто малых кучкуют, сгребают в серединочку, в средостение, за пазуху, выставляя по охранным периметру наиболее сильных и здоровых. У людей, в человеческом сообществе, особенно при «пастьбе», все наоборот: слабые да сырые кормят, да и охраняют, берегут «гладких» да, как говаривали во все той же Николе, «гладючих».

Мир поставлен на кон. Ребром. Как необдуманно-рваческими усилиями человека, так и глобальными, н е ч е л о в е ч е с к и м и , галактическими катаклизмами, не зависящими ни от нас, ни от каких-либо морально-этических (боюсь, и религиозных) категорий. Тем острее и настоятельнее стоит нам сегодня вспоминать о нашем животном, животворном, первоспассительном начале и теснее, если не стадом и не опростоволосившейся, нарочито скомпрометированной нынче коммуной, то популяцией, космическим биоценозом притулиться друг к дружке.

Притулиться.

Только тем, мнится мне, и спасемся. И в духовном, и в самом что ни на есть смертном, органическом смысле.

Когда-то для самого себя я вывел, выносил дефиницию: человек отличается от животного только одним, фундаментальным – наличием чувства сострадания. И долгие годы считал эту истину непогрешимой. Исповедовал и даже старательно проповедовал. Пока не увидел нечаянно картинку из жизни львов (последние лет десять сморю по телевизору только «Nat Geo Wild»). Львиный прайд завалил буйвола... (Вот еще один характерный мазок. Годами следуя по пятам, по хвостам одного и того же буйволиного стада и попутно «отбраковывая» его, львы никогда не доводят кормящее их стадо до полного уничтожения. Опять же по своей исчезающей вслед за окружавшей когда-то ее обильной фауной Николе знаю: те же сайгаки, прекрасным, теплым, струящимся степным маревом в избытке водившиеся когда-то в ее окрестностях, изведены, как и в соседней Калмыкии, как и в отдаленном Казахстане, вовсе не прожорливыми волками. Сайгачье чарующее марево исчезло, грубо уничтожено в основном своим же старшим (старшим ли?) двуногим братом. Может, следствием чего является и то, что сегодня маревом исчезает и сама Никола: впритык к ней уже, угрюмо распугивая все окрест, расположился... танкодром.

...Вернусь, однако, к жестокой картинке. К прайду и буйволу. Львы рвут поверженного бедолагу-исполина (случаются и такие парадоксы) в клочья. К ним робко присоединяется старая львица, самка, со сломанной челюстью. Она отчаянно голодна, но ни холку, ни хребет добычи грызть не может – не осилит. И прайд, сгрудившись, вовсе не по-львиному, не по-царски, а прямо-таки пердячим паром упираясь, переворачивает буйвола (честно говоря, мне его даже жалче, чем оголодавших львов, он ведь так похож, хоть и божественно рогат, на мою комолую Ночку). И подставляет старой, искалеченной львице брюхо буйвола. Мягкое и куда более податливое, доступное ее оставшимся желтым клыкам. И даже на какое-то время отходит, оставляя ее, доходягу, один на один с едой.

Сострадание? Или понимание, что без этой старухи-нишебродки, хотя бы без ее горького и многолетнего опыта, они, молодые и шалавые, в большей опасности, чем с нею?!

И сострадание, и просто с т р а д а н и е той же несчастной изодранной жертвы, и голод неумолимый, и неутолимая жажда жизни – все слилось, связалось кровавым узлом...

Как и бывает повсеместно в жизни. Бывает, покамест мы живы. Пуповина, даже человеческая, она ведь также в крови.

Тоже животное начало. То есть просто начало жизни. Или сама жизнь.

Еще почти сто лет назад один серьезный американский писатель заметил, что самое лучшее в человеке – это дар чувствовать свое кровное родство со всем, что живет рядом с ним на земле. Я бы осмелился добавить: не только самое лучшее, но и самое спасительное.

ДЫХАНИЕ ТЕАТРА

Рассказ

БАХОДИР ДЖУРАЕВ

В небольшом городе в здании областного драматического театра вот уж который месяц шли изнурительные репетиции трагедии Шекспира «Гамлет». Оставались буквально считанные дни до сдачи спектакля и его премьеры. Обстановка на сцене с каждым днём все более накалялась. Постановщик спектакля, он же и главный режиссёр, пребывал в таком состоянии, что к нему лишний раз боялся подойти даже директор. Не страшился его только один человек – Савелий, суфлёр и старейший работник театра. Кстати, он и предложил молодому начинающему режиссёру убить всех наповал именно этим спектаклем.

– Чтобы люди меньше вас поучали и не говорили всякой ерунды, – говорил он ему, – надо брать быка за рога. Начинайте с Шекспира, он обеспечит вам успех.

Под людьми, говорящими ерунду и любящими поучать других, имелись в виду областное руководство культурой, актёрская труппа в своём подавляющем большинстве, некоторые технические работники театра и бухгалтерия, которая считала, что лучше всех знает и понимает, что такое театр.

Савелий был чрезвычайно рад: наконец, за столько лет впервые ставится на его родной сцене не какое-нибудь там шоу или водеvilная шелуха, а серьёзный спектакль, его мечта – «Гамлет». Он знал наизусть всю пьесу и подсказывал, не заглядывая в книгу. И в процессе этой тихой, скромной и невидимой постороннему глазу суфлёрской работы он так глубоко проживал жизнь шекспировских героев, что часто вытирал глаза, из которых невольно катились слёзы. А больше всего его радовало, когда его впечатления от игры актёров, подтверждались резкими замечаниями режиссёра.

– Товарищи, товарищи, стоп, стоп! – останавливал репетицию режиссёр, – пожалейте меня, – умоляющим тоном просил он актёров, – если меня не жалеете, так пожалейте старика Шекспира. Разве с ним можно так бездумно и жестоко поступать! А вы, дорогой мой Гамлет, – обращался он к Народному артисту, играющему главную роль, – не только бездумно

Баходир ДЖУРАЕВ. Родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил отделение режиссуры ТГТХИ (ныне ГИИКУз) и аспирантуру при нем. Прошел стажировку на Московском ЦТ. Работал в ведущих театрах Ташкента и на ташкентском телевидении. Автор сборника рассказов «Тишина падающего снега».

и жестоко поступаете с гением Шекспира, вы его убиваете, а заодно с ним и меня.

- Но позвольте... – пытался возразить ему Народный артист.
- Нет, не позволю! – останавливал его режиссёр.
- Я хотел сказать...
- Не надо ничего мне говорить!
- Нет, я думал...
- А вот если бы вы думали, я бы репетицию не останавливал...

И режиссёр начинал подробно анализировать работу актёров. В эти минуты душу Савелия охватывала радость, он удивлялся и торжествовал, насколько ему точно и глубоко видится всё, что происходит на сцене. Это ещё и ещё раз наталкивало его на мысль, что на сцене и он мог бы попробовать себя в качестве актёра и осуществить мечту всей своей жизни – сыграть Гамлета, да так, чтобы вся актёрская труппа удивилась, а жена и дочь ещё крепче полюбили его.

Савелий ещё в юности хотел стать актёром, несколько раз поступал в театральные училища, все экзаменаторы были от него в восторге, хвалили его актёрские данные, но по неизвестным причинам приёмная комиссия решала его вопрос отрицательно. Неудачи не сломили его. Он устроился в театр рабочим сцены, потом работал бутафором, помощником режиссёра, попал под сокращение и, наконец, чтобы не расставаться с театром, согласился на работу суфлёра. И так год за годом... И вот теперь, когда пришёл молодой режиссёр, театр проснулся от многолетней спячки и по-настоящему заработал... Он должен был доказать всем и, в первую очередь, самому себе, что он актёр, что он может и должен сыграть Гамлета. И Савелий решил, не откладывая, обязательно зайти к главному режиссёру и открыто поговорить с ним.

Репетиция закончилась, и актёры разошлись по своим гримёрным. Савелий быстро прошёл по опустевшему коридору и постучал в дверь.

– Войдите, – слышался голос главного режиссёра. – Заходи, Савелий. Что случилось?

- Да ничего. Я к вам по делу.
- Ну-ну. Выкладывай.
- Дайте слово, что терпеливо меня выслушаете и не будете смеяться.
- Да в чём дело, Савелий? Что ты хотел?
- Вот видите, вы уже начинаете нервничать.
- Ну хорошо, хорошо. Я не буду нервничать, смеяться и даже плакать.

Но, если ты мне сейчас сообщишь, что упал кирпич на голову кого-нибудь из моих актёров, меня хватит инфаркт.

– Вы это говорите всерьёз?

– Конечно, всерьёз. Мне надо сдать спектакль, а там – кому почёт, кому слава, а кому кирпич на голову... мне уже будет всё равно.

– Если вдруг упадёт кирпич на голову нашему Народному артисту, я бы мог заменить его на сцене, – распрямив плечи, решительно произнёс Савелий.

- Не понял! – удивлённо посмотрел на него режиссёр.
- Я готов сыграть Гамлета!
- Что?!

И Савелий, ничего дальше не объясняя, одним махом, обливаясь слезами и потом, проиграл монологи «Флейты» и «Быть или не быть».

Главный режиссёр сначала возмущенно встал, попытался остановить его, что-то сказать, потом лицо его приняло удивлённое выражение, и к окончанию монологов он присел на диван, потрясенно глядя на Савелия.

– Bravo, Савелий, bravo, – прошептал режиссёр и три раза хлопнул в ладоши.

– Ну как? Могу ли я...

– Не ожидал. Можешь, вот только возраст у тебя уже не гамлетовский.

– У нас хорошие художники-гримёры, они омолодят...

– Да моя бы воля, – перебил его режиссёр, – я бы вывел тебя на сцену и даже позволил сыграть премьеру.

– Если надо театру и вам, я готов, – с трудом сдерживая бурную радость, твёрдо, по-военному, произнёс Савелий.

– Ты-то готов, а вот театр не готов.

– Но вы же главный режиссёр – хозяин театра...

– Оно-то так. Но, помимо меня, есть ещё художественный совет. Это мафия, соборище Народных артистов. Они тебя, как конкурента, возьмут на зуб, разжуют и выплюнут за пределы театра. А потом культурно объяснят, что недипломированный актёр нам не нужен.

– Но актёрами не становятся, а рождаются, – твёрдо заявил Савелий.

– Давай вот что сделаем, – режиссёр встал, несколько раз прошёлся по комнате, – если основной и дублирующий состав исполнителей Гамлета по уважительным причинам не смогут отыграть проданный спектакль, я назначу срочную репетицию и введу тебя в роль. Договорились?

– Договорились.

– Только смотри не кидай кирпичи на головы Народным артистам!

Оба от души рассмеялись, пожали друг другу руки и расстались.

Окрылённый Савелий вышел из кабинета главного режиссёра и, подпрыгивая, побежал в комнату техник к уборщице тётке Маше, которая, как родная мать, за него переживала и ожидала результата разговора. Сияющий, он залетел в комнату, напевая мелодии Штрауса, вальсом покружился, воскликнув: «Всё!» Поднял руки и остановился.

– Что, всё? – осторожно спросила тётя Маша.

– Я его убедил! Слово «убедил» у Савелия прозвучало торжественно и победоносно.

– Ну расскажи, как всё было, – усадила его за стол тётя Маша и, бросив в стакан четыре куска сахара, налила чаю.

Уже давно закончился вечерний спектакль, и театр, где разгораются и пылают ярким огнём человеческие страсти, погрузился в полумрак дежурных огней, только подвальное окошко технички, этой доброй пожилой женщины, в прошлом замечательной актрисы-фронтовички, долго ещё светилось. А когда погасло, из служебной проходной вышли два человека, открыли один большой зонт и под шум дождя не спеша пошли по улице, продолжая о чём-то громко спорить.

* * *

Проводив тётю Машу, Савелий не шёл, а бежал домой, спеша поделиться радостью с женой Аней. Чтобы немного уgomонить свою кипящую душу, отдышаться, он остановился передохнуть возле уличного фонаря, стоящего неподалеку. Этот фонарь часто капризничал и не загорался. Только Савелий знал, где и как, в каком месте надо по нему постучать, чтобы он загорелся, заливая светом большую часть улицы, освещая даже его дом и двор. В этот раз ему хотелось немного постоять в темноте. Савелий сложил зонт, глубоко вдохнул свежий влажный воздух и посмотрел на небо. Там луна и звёзды разрывали быстро летящие кучевые облака, их свет лился на мокрые крыши домов и деревья. Ему подумалось, что и в его жизни мрачные тучи теперь разойдутся.

У открытых дверей его сердито встретила жена.

– Аня, Анечка, ну к чему такой взгляд? Я, кажется, не преступник, а ты не прокурор. У меня сегодня такое произошло... не поверишь!

– А я тебе никогда не верила.

– Господи, ну к чему такие слова?

– Я говорю то, что думаю, а не то, что у вас там в театре все всю жизнь привыкли говорить словами чужих людей, делая при этом умный вид, будто они знают и понимают больше, чем другие.

– Аня, Анечка, остановись, не заводи старую пластинку. У меня сегодня такой радостный день, ты видишь, какой я счастливый.

– Вижу, вижу и знаю, почему в твоём возрасте мужчины домой приходят счастливые и так поздно...

– Ну и почему?

– Это я должна у тебя спросить.

– А я тебе скажу... У меня сегодня состоялся разговор с режиссёром, который пообещал мне в случае болезни актёра дать роль Гамлета!

В лице у Ани ничего не изменилось, спокойным тоном она спросила:

– И что, тебе за это повысят зарплату?

– Господи, при чём тут деньги?

– А при том, Савелий, что на сегодняшний день в доме осталось всего полкилограмма картошки, закончился лук, на исходе сливочное и салатное масло и уже два дня мы живём без сахара. Но это ерунда. У нас не выплачены коммунальные платежи за два месяца. И это тоже не так страшно...

– Господи, не береби душу. Выкладывай уже самое страшное.

– А самое страшное – это то, что наша дочь...

– Что наша дочь?! – испугался Савелий.

– Наша дочь будет выступать на городском отчётном концерте молодых талантов.

– Вот молодец!

– Тише. Ребёнок спит.

Савелий, всё это время стоявший с женой в коридоре, наконец, разделся и прошёл на кухню.

– Тебя кормили?

– Аня, перестань. Что за глупые намёки. У тётки Маши я попил чай, проводил её. Никто меня не кормил, но кушать я не хочу.

– Хорошо, если это правда.

– Господи, да вот тебе крест, – и Савелий трижды перекрестился.

– А тогда почему ты сытый?

– Да потому, что мне сейчас в горло ничего не полезет! Надо подумать, в чём дочь выйдет на сцену. Он встал, зачерпнул кружкой из ведра воды, жадно выпил и решительно сказал: – Я продам велосипед.

– А как ты будешь ездить на рынок? Ведь автобусом две пересадки, туда и обратно, это же немалые деньги придётся тратить, – встревожилась Аня.

– Ну не продавать же машину, – резко ответил он.

После некоторого молчания Аня осторожно, слегка запинаясь, спросила:

– Савелий, х-хочу тебя спросить...

– Я знаю, о чем спросишь, – перебил он её.

– О чем? – обиделась она.

– Смогу ли я найти выгодного покупателя на машину и решить вопрос об инструменте. Отгадал? – Жена молчала. – Так вот, могу ещё раз повторить: машине более тридцати лет, она уже своё отъездила и годна, к сожалению, только на запчасти. При тебе же приходили мастера, ты присутствовала при разговоре.

– А если привести её в порядок и продать?

– Чтобы привести эту машину в порядок, Анечка, у нас пороку не хватит. А если бы и хватило, мы всё равно до стоимости хорошего пианино не дотянули бы.

– И что теперь делать? – опустив голову, спросила жена.

– Деваться некуда, Аня. Нужен хороший, качественный инструмент, чтобы он десятилетиями преданно служил нашей дочери. Музыка – это её работа, её будущее, её хлеб. А переживать – занятие бесполезное, – грустно заключил Савелий. – Ничего. Поднакопим денег, а машина сразу уйдёт. А пока продам велосипед. Ничего, похожу пешком. Пешком полезно ходить.

– До рынка далеко – замучаешься, устанешь, – сказала Аня и заплакала.

– Ну что ты! Что ты! – Савелий подошёл к жене и нежно обнял её. – Не расстраивайся, я из разбитой детской коляски сделаю тачку и на ней буду возить продукты. На тачке, кстати, можно привезти больше продуктов, чем велосипедом.

– Над тобой люди будут смеяться, – сквозь слёзы проговорила жена.

– Пусть смеются, – спокойно произнёс он.

Какое-то время они стояли молча, обняв друг друга, потом Аня опустила руки.

– Уже поздно. Я устала. Пойду лягу, – тяжело и грустно произнесла она.

– Иди. Я посижу ещё немного.

– Ты бы поел чего-нибудь. Я же вижу, что ты голодный.

– Поем, – он ещё раз обнял её и нежно поцеловал.

Она устало посмотрела на него и ушла.

Савелий открыл кастрюлю, взял варёную картошку и вышел во двор.

Радость, которую подарил уходящий день, сменилась чувством

тревоги и вины перед женой и дочерью. Он тяжело переживал, что, как муж и отец, не может обеспечить семье достойное существование. Многие его знакомые сверстники ушли в торговлю, стали челноками или торговали перекупленным товаром. Кто-то разбогател, кто-то жил просто в достатке. Мысленно он много раз пытался расстаться с театром, убежать, спрятаться, но театр упорно не отпускал его. Он понимал, что ему очень повезло с женой. Аня, хоть ругалась и злилась, но многое терпела и очень любила его, всегда понимая, что театр для него – это тот кислород, без которого он жить не сможет.

Думая об этом, Савелий вернулся на кухню, положил картошку в кастрюлю, выключил свет, тихо зашёл в спальню, разделся и осторожно прилёг на край кровати. Аня повернулась к нему.

– Ты что, не спишь? – прошептал он.

– Сплю, – тихо отозвалась она. Они обнялись и крепко заснули.

* * *

В напряжённом ожидании сдачи спектакля шли дни. Савелий добросовестно следил за репетициями, чтобы всё хорошее и плохое, сказанное в адрес занятых актеров, хорошо обдумать и учесть в работе над своим Гамлетом.

Аня тоже загорелась мечтой Савелия, она верила в него и не сомневалась, что, если Савелию представится возможность выйти на сцену, он сможет своей игрой увлечь зрителя.

Иной раз ей казалось, что и она могла бы стать актрисой, хотя профессию актрисы считала несерьёзной и неприличной.

Но поющих людей в искусстве она уважала, и сама, обладая красивым грудным голосом, пела в церковном хоре. А когда оставалась дома одна, часто пела любимую песню «...далеко, далеко, где кочуют туманы». И Савелий, с улицы ещё услышав её голос, не спешил войти в дом, садился возле калитки на скамейку и с упоением слушал, как её душа взлетает с голосом к облакам и летит в далёкие края, «где кочуют туманы».

Музыкальное дарование Ани унаследовала дочь, двенадцатилетняя Алина, круглая отличница музыкальной и общеобразовательной школ. Аля всегда мечтала иметь свой инструмент, чтобы репетировать. Но приходилось терять время, дожидаться в музыкальной школе свободных классов и, отработав своё репетиционное время, поздно возвращаться домой. Теперь, когда музыкальная судьба дочери вырисовывалась всерьёз, проблема приобретения инструмента встала довольно остро, ее надо было решать. «Но как? Каким образом? – размышлял Савелий. – Ведь это не детская балалайка, а пианино – дорогая вещь».

Вопрос о продаже машины возникал редко, так как был давно решён. Но Савелий воспринимал его болезненно. И в минуты глубокой грусти он входил в сарай, где стояла машина, открывал дверцу, садился на заднее сиденье и погружался в далекие воспоминания. Впереди за рулём сидел отец, рядом – мать, ему виделось, как густые седые волосы отца колышет влетающий в окно встречный ветер, как аккуратно уложенные на затылке волосы матери источают запахи леса и полевых цветов. Машина для Савелия – незаменимая

память о них, о той жизни, где немало было доброго... Он жалел машину и относился к ней как к обреченному живому существу, ожидающему своей трагической участи. И пока она находилась рядом, он содержал её в полной чистоте и блеске. Иной раз, когда житейские проблемы одолевали его, хватили за горло и загоняли в угол так, что даже трудно становилось дышать и думать о чём-нибудь другом, этот выстроенный отцом сарай и купленная им машина помогали Савелию перевозмочь себя. И тогда приходили интересные свежие мысли, отступали невзгоды, очищалась душа, ум, прибавлялось сил, оживали надежды, по-новому представлялось его скромное, обыкновенное существование.

* * *

День сдачи «Гамлета» оказался дождливым. Несмотря на ливень, народ, цепляя друг друга зонтами, толпился возле театра, а к служебному входу одна за другой медленно и важно подъезжали дорогие иномарки, директор в чёрном костюме с тёмно-красной бабочкой на шее, с большим раскрытым зонтом в руке встречал важных гостей районного и областного масштаба.

За десять минут до начала спектакля Савелий незаметно выглянул из-за кулис в зал, до отказа заполненный зрителями. «Вот что значит Шекспир», – с удовлетворением подумал он.

Давно театр не собирал столько людей. Обычно премьера вызывает зрительский интерес, но сдача спектакля – это практически рабочий момент: общественность и комиссия могут принять или не принять спектакль. Ему подумалось: «А что если б самому сегодня предстояло выйти на сцену?» Эта мысль взволновала его, представив все, он ощутил слабость в коленях и не спеша, прихрамывая, пошёл на своё рабочее место, сел на стул и открыл суфлёрское окошко: безлюдная темень сцены всегда казалась ему живой. Там, в глубине с грозными очертаниями датской крепости, существовала невидимая жизнь... и сейчас все было в мужественном, напряжённом ожидании своей участи.

– Господи, – прошептал Савелий в темноту, – как мне хочется выйти на сцену, сразиться со своим страхом и волнением!

И сцена будто услышала его, заметалась бурным движением плывущих чёрных туч на горизонте, всё усиливающимся шумом бушующего океана и отчаянными ударами волн о неприступные скалы берега датского королевства. Итак, спектакль начался...

* * *

Глубоко впечатлённый, Савелий шёл домой, не чувствуя ни глубоких луж, ни мокрых ног, ни влажного плаща и промокшей головы, ни льющего как из ведра дождя, держа в руке нераскрытый зонт и шляпу. Только возле дома он очнулся, остановив неудержимый поток своих мыслей.

«Надо же, жена меня, как человека, отправила в театр, а я, как свинья, вернулся домой», – с сожалением подумал Савелий и, не решаясь сразу войти в дом, присел на ступеньки террасы.

Ладонью он вытер мокрое лицо, оглядел освещённую часть улицы и двора. В темноте шлёпал по лужам, по крышам домов дождь, создавая

монотонную грустную песню без слов. И это минорное состояние природы мысленно возвратило его в театр, к прошедшему обсуждению. Он стал мучительно вспоминать и сравнивать одно выступление с другим, тщетно пытаясь найти в словах выступающих что-то близкое, важное для себя, открыть ранее неизвестное, неизведанное, заново понять Шекспира. Вскоре он почувствовал несостоятельность и бесполезность своих попыток.

– Да-а-а, Шекспир – это не шоу, не водевиль, не сказка, – сказал он сам себе и потянулся к кнопке звонка. Звонок прохрипел, и у открытой двери появилась Аля.

– Ой, папа, ну и вид у тебя!..

– Везде лужи. Вот и результат.

– А глаза для чего человеку даны? – послышался голос Ани из кухни.

– Так здесь не глаза, а крылья нужны, – оправдывался Савелий.

Аня позвала дочь накрывать на стол, а сама вышла в коридор к мужу.

– Господи, плащ, пиджак, даже рубашка мокрые... А голова-то... как после бани.

– Эх Аня, это всё мелочи жизни.

– Потом объяснишь, где мелочи, а где не мелочи... А сейчас – мыться и ужинать.

Савелий, ощущая аппетитный запах жареного и предвкушая вкусный ужин, пошёл в ванную, умылся, красиво причесался, переоделся и сел за накрытый стол. Съев две порции котлет с макаронами, запил бокалом сладкого чёрного чая и мысленно снова возвратился к прожитому дню. Аня, хорошо чувствуя и зная своего мужа, с момента его появления поняла, что он чем-то озадачен. И сейчас, видя, что муж мыслями где-то далеко, она решила вернуть его внимание и сообщить радостную весть.

– А у нас хорошая новость.

– Новость? – удивлённо спросил он, будто давно в своей жизни ничего хорошего не слышал.

– Да, новость. Наш батюшка решил нам помочь с концертным костюмом.

– Вот молодец! – ожил Савелий – Вот что значит божий человек! А Аля-то знает?

– Знаю, папа, знаю. Я даже с мамой сегодня ходила в церковь на примерку, – послышался голос дочери из её комнаты.

– Сама матушка с церковного склада подбирала нам ткань. Это будет длинное платье из чёрного бархата с длинными рукавами и белым ажурным воротником.

– Вот что значит церковь, – сказал Савелий, стукнув ладонью по столу. – Не зря люди ходят туда и находят утешение своей душе и мыслям, – заключил он.

– Не то что твой театр, – съязвила Аня.

– Ну, ты театр не тронь, – грубо оборвал её Савелий. – У церкви своя задача, а у театра своя. Сколько говорили, что театр умрёт. Что кино, телевидение и видео убьют театр. Кто только не убивал театр, а он, как родился в Древней Греции, так и живёт.

– С тобой о театре говорить опасно, – заметила жена. – Ты лучше

расскажи, как сегодня прошла сдача спектакля?

Савелий замялся и с трудом проговорил:

– Давай завтра.

– А что завтра? Время раннее, мы ещё не ложимся... Я ждала тебя, волновалась, как там всё пройдёт.

– Эх, Аня, Аня, – после некоторой паузы нехотя заговорил Савелий. – Если в твоей церкви всё ясно и понятно, то в театре, пожалуй, это бывает чрезвычайно редко.

– Что, спектакль не приняли? – спросила Аня, пугаясь своего же вопроса.

– Да нет! Приняли. Хвалили. Хвалили всех, даже тех, кого, может, и не стоило бы хвалить. Главное – полный зал зрителей, забросали всю сцену цветами.

– А отчего же у тебя такой кислый вид? Ты что, завидуешь?

– Да дело не в этом.

– А в чём же?

– Понимаешь, Аня, не помню его фамилии, но этот человек – главный начальник, ответственный за развитие культуры в нашем крае. Так вот, в своём выступлении он сначала хвалил и даже перехваливал спектакль, а потом неожиданно для всех поставил своё же выступление под сомнение.

– Не поняла.

– Мы тоже сначала не поняли.

– И что же он сказал?

– А то, что вместо «Гамлета» надо было поставить что-нибудь другое, ближе нашему народу, ближе простому зрителю. А его помощница сказала, что нашему зрителю ни к чему трагедии других народов, когда в нашей собственной жизни своих трагедий хватает.

– Она что, с ума сошла?

– Да нет, не похоже.

– Господи, если такие люди управляют вами, что будет с культурой?

– Таких людей везде хватает.

– А как твой Народный артист? – с опаской спросила Аня.

– Ты понимаешь, Анечка, мне понравилось, как он сыграл Гамлета: ярко, живо, хорошо. Но мне кажется, что всё-таки в его работе чего-то очень важного не хватает. А вот чего? – Савелий сделал длинную паузу и тяжело, задумчиво произнёс: – Не знаю.

* * *

Осенняя непогода постепенно сменялась зимними холодами. Это движение природы, движение уходящего времени, особенно остро ощущал Савелий, когда медленно пешком шёл в театр через парк, в котором дубовая аллея с одинокими скамейками встречала его щебетом птиц и густым листопадом. Прислушиваясь к разным голосам и звукам, всматриваясь в набирающие силу и уходящие в высоту стволы и ветви оголяющихся деревьев, он успокаивался, невольно погружаясь во всеобщий сложный круговорот жизни.

Он переживал неожиданный, такой непонятный и беспричинный уход

главного режиссёра из театра и был приятно удивлён, когда в служебной проходной охранник передал ему от режиссёра пакет, в котором была размером с ладонь книга в вишнёвом переплёте. Это была пьеса Шекспира «Гамлет» с надписью «На память Савелию», подписью и датой.

«Всё-таки он в меня по-настоящему верил», – подумал Савелий и, положив книгу во внутренний карман своего потёртого пиджака, постоянно носил её у себя под сердцем.

Прошла неделя, другая, в театр пришёл новый главный режиссёр. Он собрал коллектив и поделился своими взглядами на работу театра. А когда была поднята тема репертуара, он подчеркнул значение кассовой драматургии, по залу волной прокатился ироничный смех и ропот.

– Друзья, тут ничего не поделаешь, – сказал он, слегка смущаясь. – Театру нужны деньги. Прошло то время, когда государство покрывало все наши расходы. Поэтому, если на спектакле неполный зал, значит, от него необходимо избавляться, надо работать с такой драматургией, которая будет магнитом притягивать зрителя.

– Ну-у-у, снова водевили! – выкрикнул кто-то из зала.

– А что плохого в водевилях? – сердито спросил режиссёр.

В зале на некоторое время воцарилась тишина, потом с противоположного конца послышалось:

– Два притопа, два прихлопа и срамota в придачу...

– Товарищи, товарищи, – заволновался режиссёр, – я весь репертуар ещё не просмотрел. Вполне вероятно, что кое-что там следует пересмотреть, доработать. Но вы не можете отрицать, что именно на лёгкие спектакли народ идёт. Вот я на той неделе посмотрел вашего «Гамлета». Великолепная режиссура, прекрасные актёрские работы, оформление – нет слов: всё здорово, всё хорошо. Но в зале пусто...

Савелий встал и робко произнёс:

– Да нет же, там были люди.

– Да, были, – горячо продолжил режиссёр, – но их на пальцах одной руки можно было сосчитать.

– Значит, получается, что Шекспир театру не нужен? – С трудом скрывая своё возмущение, спросил Савелий.

– Шекспир всегда нужен театру, – спокойно ответил режиссёр. – Но пока, – продолжал он, – к сожалению, время диктует нам имена других авторов.

– А я с вами не согласен, – твёрдо сказал Савелий. По залу снова волной прокатился ропот.

Режиссёр, помолчав, улыбнулся и спросил, обращаясь к Савелию:

– Простите, а кем вы изволите служить в театре?

– Суфлёром, – гордо произнёс Савелий.

– Так вот, уважаемый, я ценю вашу откровенность. Но каждый из нас имеет свои обязанности и должен заниматься своей работой. Вот когда вы станете главным режиссёром, вам доверят театр, как говорится, тогда и карты в руки. А пока я отвечаю за театр, и, поверьте мне, это не так просто и легко.

На этом собрание закончилось.

* * *

Проходили и тускнели серыми тучами дни. Оголённые деревья с первыми заморозками застыли в ожидании настоящих зимних холодов. По дорогам и тротуарам осенний ветер гонял из стороны в сторону последнюю опавшую листву. Прислушиваясь к шороху сухих листьев, Савелий нехотя медленно шёл на работу и ещё медленней возвращался домой. Осадок от прошедшего собрания не давал покоя. Исключение из текущего репертуара «Гамлета» очень огорчило его. Медленно двигаясь по аллее, он, как обычно, где-то на полпути садился на одну и ту же скамейку и долго наблюдал за большим старым дубом, который нехотя расставался со своими последними пожухлыми листьями. Глядя на эту грустную красоту, он заметил (уже дня три следил), как на самой верхушке этого могучего, почти оголённого дерева на фоне грозно плывущих тёмно-серых туч отчаянно бился и трепетал небольшой листочек. Савелий смотрел на него и думал: «Как же этот листик гордо, упрямо и крепко держится за своё родное место, не желая расставаться с ним. Было грустно наблюдать единоборство этого маленького листочка с огромным, бушующим холодными ветрами небом. Размышляя, Савелий дошёл до театра и в служебной проходной встретил тётю Машу.

– Ой, Савелий, где тебя черти носят?! – возбужденно заговорила она. – Здесь такое происходит!

– Что происходит?

– Фестиваль детских театров. Иди быстрее в зал, там школьники играют «Гамлета».

У Савелия сердце переместилось и забило в горле. Не раздеваясь, вошёл он в зал и замер у двери: на сцене дети десяти-двенадцати лет передвигались на инвалидных колясках. Они играли эпизод «мышеловка», когда Гамлет разыграл с актёрами сцену убийства отчимом своего отца. Этот сложнейший кусок шекспировской трагедии с азартом играли дети. В их ребячьих голосах пробивалась настоящая горечь, глубокий и естественный трагизм, чего так не хватало в спектакле, поставленном в его театре. Потрясённый, Савелий, затаив дыхание, до конца простоял возле пустого кресла, так и не присев в него. И когда ребята закончили играть, зал взорвался аплодисментами, а Савелий сел в кресло, опустил голову и, стесняясь своих слёз, закрыл глаза руками.

* * *

Конец осени всегда отмечен ранним наступлением темноты, эта темень многих застаёт в пути, торопит домой. Но для Савелия дорога была благодатной возможностью собраться и спокойно поразмышлять.

Увиденное сегодня в театре настолько поразило его, что он до сих пор отчетливо слышал звонкие голоса детей, видел неумело гримированные лица, ловко передвигающиеся по сцене коляски, ощущал отчаянное желание ребят жить полноценной жизнью на сцене.

Но более всего его взволновало выступление руководителя этого коллектива. Присутствующие подавленно затихли, когда она рассказывала, как из-за нехватки инвалидных колясок во время репетиции она десятки раз пересаживает детей с коляски на стул. Ее многолетние просьбы, обращения

к руководству, предпринимателям и просто обеспеченным людям остаются без внимания.

Савелий не мог забыть этого, поражаясь мужеству и выносливости этой маленькой, хрупкой, ничем не приметной, стеснительной женщины, которая намёком, извиняясь, снова просила о помощи. «Если бы она, – думал Савелий, – тогда протянула бы руку с раскрытой ладонью вперёд, то ничем бы не отличалась от нищих, которые возле церквей просят подаяние».

Сидя на кухне, вспоминая её, он вдруг непроизвольно, с горечью воскликнул:

– Господи, когда же придет конец человеческому злу и бездушию!

– Савелий, ты с кем там разговариваешь? О ком ты? – послышался тревожный голос жены.

Он вытер скатившуюся слезу и с сожалением ответил:

– Эх Аня, Аня, приземлённый ты человек...

Вскоре жена появилась на кухне:

– Ты почему это ничего не ешь, да ещё сам с собой разговариваешь?

– Я не с собой разговариваю.

– А с кем же? – укоризненно спросила Аня.

– Со своей душой, Анечка, с душой, – тяжело вздыхая, ответил Савелий.

– Мне кажется, что ты из-за своего театра понемногу с ума сходишь...

– Слава Богу, что понемногу, если бы было много, я и сам бы заметил, – с иронией произнёс он.

– Ненормальные ничего не замечают. Им кажется, что они нормальные и всё делают правильно.

– Значит, Аня, я постараюсь быть правильным ненормальным.

– Вот ты всё шутишь, а я устала переживать за всё, тем более за твоё состояние.

Он подошёл, обнял её и тихо прошептал в ухо:

– И тебе меня жалко?

– Да, жалко, но ничего не поделаешь, это издержки вашей профессии. У вас там почти все такие.

Он отошёл к окну, лицо его изменилось, стало серьёзным и грустным. Аня заметила это:

– Савелий, прости, если я сказала глупость.

– Ничего, Анечка, ты, может, в чём-то и права. Но в следующий раз ты говори обо мне всё, что тебе вздумается, но других не касайся. Эти другие, которых ты считаешь ненормальными, делают в этом мире столько доброго и прекрасного, что многим и многим остальным, нормальным, не по силам.

И Савелий рассказал ей всё, что ему сегодня пришлось увидеть и услышать в театре.

* * *

Всю ночь Савелий пролежал с открытыми глазами, ворочаясь с боку на бок, пытаясь заснуть, прислушиваясь к ровному, спокойному дыханию спящей рядом жены, старался не думать, уйти от будоражащих мыслей, но они не давали покоя, крепко владели им и отгоняли приближающийся сон.

Он несколько раз вставал, на цыпочках шёл на кухню и, не включая свет, в темноте смотрел в окно, там в свете уличного фонаря в полной тишине мерцала своими маленькими лужицами безлюдная улица. И через некоторое время он возвращался, осторожно ложился, закрывал глаза, но снова и снова они открывались и упорно смотрели в темноту.

Наконец, начало светать. С трассы доносился шум проезжающих машин и чистый, свежий, будто только что родившийся весёлый звук трамвайного звонка. Небо освобождалось от серых туч, на его сочно-голубом фоне начинал свой разбег яркий солнечный день.

После завтрака, как обычно, ушла в школу дочь, вслед за ней Аня – на уборку в церковь. Савелий, дождавшись их ухода, быстро оделся, вышел на улицу и возле калитки стал дожидаться человека, с которым ещё вчера по телефону договорился о продаже своей машины. Точно в назначенное время приехали седоватый человек средних лет с чёрными подкрашенными усами и молодой парень. Вместе они отбуксировали из сарая на улицу машину и, отсчитав деньги, уехали. Не теряя времени, Савелий вышел на дорогу, сел в такси и отправился в офис фирмы, продающей импортные приспособления для детей-инвалидов. По адресу школы-интерната оформил оплату, получил чек, радуясь, что ребята в течение суток получают двенадцать колясок. Правда, его мучила мысль о том, как теперь будет решаться вопрос приобретения для дочери инструмента... Ведь и жена, и дочь не сегодня, так завтра заметят исчезновение машины.

Шаркая по асфальту старыми потёртыми туфлями, Савелий медленно возвращался домой. Как обычно, он шёл по дубовой аллее, погруженный в свои мысли, которые быстро и легко сгорали на костре его совести, и, не заметив, как дошёл до своей скамейки, сел, чувствуя невыносимую усталость и тяжесть... Взглянув наверх, он увидел, как на фоне чистого голубого солнечного неба под тихим, спокойным дуновением ветра всё ещё трепетал и преданно держался за своё родное дерево до боли знакомый ему листок. И, невольно обращаясь к небу, к этому листку, к низко плывущему облачку, Савелий прошептал:

– Господи, помоги и прости меня, пошли мне прощение жены Ани и дочери Али!

После этих слов листочек вдруг взлетел, качнулся из стороны в сторону, закружился и опустился на скамейку рядом с Савелием. Он осторожно положил его на ладонь, вглядываясь, будто впервые в жизни видел в дубовом листке что-то особенное, необычное и важное. «Бог, услышал меня, это его знак, – подумал Савелий. – Значит, у меня всё будет хорошо».

Он быстро потянулся рукой к внутреннему карману старого пиджака, вытащил книжку Шекспира «Гамлет», раскрыл и вложил в неё свой необыкновенный листочек. Потом встал и уверенно зашагал домой.

Встреч скупых противоречия...

Умида КАРИМОВА

***

Поиграла со смертью в прятки –
Проигравшая я сторона.
У неё нынче всё в порядке –
Зря знаменья ищу допоздна.

Шаг – и в пропасть,
Удача как сполох,
Но недрогнувшей правой рукой
Оставляю на память автограф
На подоле у жизни седой.

***

Кто здесь был до меня – неизвестно.
И следы торопливых шагов
Не оставил бедняк бестелесный,
Да и я не был к смерти готов.

Горечь боли, поспешные сборы...
Сколько грустных ночей не спалось!
Мне остались на память узоры
На окне из пролившихся слёз.

***

Люди-рыбы, человеки...
Молчаливый приговор.
Голоса статистов тише,
А софиты звёзд всё выше
В обрамлении окон.

Расчеркали дождь машины,
Пролетая в темноте.
Шелестят с присвистом шины
В межсезонья наготы.

***

Прилечу на крыльях счастья
И забудусь на мгновенье.
Под суровой маской власти
Нет лица – лишь отраженье.

Ожидание – безумие,
Встреч скупых противоречие.
Простота благоразумия –
Первый признак бессердечия.

Умида КАРИМОВА. Окончила химфак и аспирантуру ТашГУ (ныне НУУз). Пишет стихи, занимается переводами. Активно сотрудничает с клубом-музеем «Мангалочий дворик Анны Ахматовой». Публиковалась в «Звезде Востока» и альманахе «Под крылом Пегаса», автор поэтического сборника «Маржон».

***

Над чёрной крышкой старого рояля
Застыл слезливый старенький тапёр.
Мелодия безмолвно умирала,
Как позабытый на снегу костёр.

Вдруг полыхнет огонь и вновь исчезнет,
Растопит сердце ми-бемольный стон,
Сумятицу бессмысленных аккордов
Легко превращая в божественный звон.

***

Взмах дирижёрской палочки,
Вспыхнувшего софита стрела...
Потрясение... чувств обострение...
Отбрасывают блики зеркала.

Что с музыкой может сравниться?
Вознесшаяся в небо птица?
Мираж иль суровый суд
Под всплеск временных амплитуд?

***

Принц на белом коне проскакал мимо хижин из снов...
Туфелька Золушки не пришлась на усталую ножку...
Звёздный круг на балу не сомкнулся...
Ну что ж,
Знать, дороже свобода действий и слов,
а не призрачный силуэт,
промелькнувший за времени окном.

Это

***

Под спудом белоснежных покрывал
Осыпалась на горных склонах глина.
Холодные обрывки облаков
Летали в оживающей пустыне.

Что за окном услышать сможешь ты,
Мой друг? До дури ошалевший ветер
Взлетел у края вечной мерзлоты,
Вдруг замирая, словно на портрете.

В пожухлых иглах сосен на земле,
В звенящих каплях, падающих с крыши,
В замерзшей ветке, льдинке на окне
Мне удалось увидеть Это... Слышишь?

Вспоминая прошедшее лето,
Когда сильно терзала жара,
Вспоминая закаты, рассветы,
Ностальгии моей вечера.

И минуты казались веками,
И с откосов журчали ручьи,
И под облачными колоколами
Наслаждались жуки-скрипачи.

На закате на облачном небе
Куполами клубился туман.
Перед новой дорогой молебен
Прочитал облаков караван.

***

Старый театр...

Тени великих актёров выходят на сцену, перешептываются, одобрительно кивают и кланяются под только им одним слышные крики «Браво!».

На сцене Старого театра они играли Отелло и Гамлета, Ромео и Джульетту, Лейлу и Меджнуна.

Нынешний театр не раз уступал вкусам публики, но всё же выжил. Словно боясь потревожить печаль духов прославленных артистов, люди входят в зал, как в храм искусства. Красная ковровая дорожка заглушает шаги. Слегка поскрипывают роскошные с багровой бархатной обивкой кресла. Первый звонок мгновенно обрывает шум в зале. Второй звонок... Третий... И вот уже тяжелый красный с золотыми позументами занавес медленно раздвигается, и зрители замирают в ожидании чуда.

***

Осень, автор дождливой пьесы, уже поменяла декорации на подмостках улиц и площадей.

Скупые блики софитов отражаются в лужах на мостовой сквозь поредевшие жёлтые кроны.

Прибитые стрелами дождя, стремительно уплывают по ливневым каналам листья-кораблики.

Грусть и покой...

Хочется остаться дома и ждать прихода зимы.

Лишь душа грустит о пролетевшем лете.

***

Прелюдия к любви

Сквозь кружево кованной чугунной лестницы тускло светила матовая лампочка. Взметнувшиеся вверх перила, неожиданно холодные, придавали подъезду некое благородство, никак не вяжущееся с дешево побеленными облезлыми стенами.

Хлопнула входная дверь, цокот каблучков по мраморным ступеням дополнил шорох плаща, нарушив тишину подъезда.

Женский голос предостерёг: «Не надо, чтобы слышали соседи... Они очень строги...» Раздался лязг ключа, открывающего дверной замок. В полутёмной прихожей пахло пылью и одиночеством. Горячие объятия быстро согрели холодную постель.

Тихий рассвет обозначил две слившиеся фигуры.

Так родилась любовь.

КАМЕЛАНСКАЯ ЧАСОВНЯ

Рассказ

Татьяна ВАВИЛОВА

В Ташкенте, недалеко от старого мусульманского кладбища, стоит христианская часовенка, которую называют Камеланской. За свои 133 года часовенка пережила разные времена. До революции она была одной из исторических достопримечательностей города. Ее непременно посещали приезжающие, а потом рассказывали о ней в своих мемуарах. Ни один путеводитель по Туркестанскому краю не обходился без ее описания.

Часовенка прочно построена из нашего вечного туркестанского кирпича и все еще держится, оберегая прах воинов, похороненных под нею в братской могиле. В том, что часовня цела, огромная заслуга жителей махалли Афтоб, выросшей в 40-х годах прошлого века на месте сада, окружающего могилу русских солдат.

Как и многие ташкентцы, я долго не знала о существовании Камеланской часовни, а когда узнала, увидела ее бесприютной, глубоко вросшей в землю, без креста, без доски с фамилиями захороненных, без надгробной плиты перед входом в часовню. Да и двери уже не было... Документальных свидетельств о том, что останки солдат при строительстве махалли перенесли в другое место, тоже нет.

По свидетельству Евгения Маркова, автора книги в 2-х томах «Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге» (1901), в июне 1865 года шли бои за город, каждый вечер трое суток подряд рыли могилы и хоронили погибших. Тела несли отовсюду. Позже все могилы объединили в одну братскую. Много лет на ней не было никакого памятника. Согласно архивным документам горожане, особенно офицеры, неоднократно обращались в администрацию губернаторства с просьбой увековечить память погибших солдат. В 1872 году ташкентское Русское общество собрало 300 рублей по подписному листу, из которых 280 было отдано за сад, где находилась братская могила. Через 2 года Русское общество обратилось за помощью в установке памятника к генерал-губернатору,

---

Татьяна ВАВИЛОВА. Родилась в 1944 г. в Ташкенте. Врач-фтизиатр, кандидат медицинских наук. Окончила Ташкентский государственный медицинский институт. Работала преподавателем на кафедре туберкулёза Среднеазиатского педиатрического медицинского института. Автор очерков и эссе об истории Туркестанского края и судьбах его жителей.

он принял положительную резолюцию.

В 1886 году на деньги, собранные по подписному листу, по проекту Ульянова была построена часовня.

К тому времени древних Камеланских ворот уже не существовало, но был большой проем между крепостными стенами. Через него шла дорога из степи в город, сбоку построили новые красивые ворота из кирпича. Боковые фигурные столбы соединяла полукруглая арка с надписью: «Души их во благих возвратятся». Арку венчал православный крест на маленьком куполе, под ним – икона.

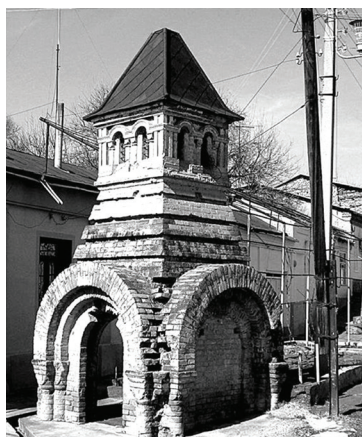

Вход в сад вокруг часовни

В тихом тенистом саду цвели цветы. Кирпичные стены часовни были выложены мраморными плитами. Надпись над дверью, ведущей в часовню, гласила: «Упокой, Господи, души усопших рабов твоих». На боковых стенах часовни были высечены слова из священного писания, на черной доске можно было прочесть: «Памяти воинов здесь лежащих, павших при штурмах города Ташкента 2 октября 1864 года и 15 июня 1865 года, сооружена в царствование Императора Александра III лета 1886 на добровольные пожертвования». Перед часовней на земле лежала двухъярусная плита из серого мрамора с надписью, по углам которой возвышались пирамидки из чугунных пушечных ядер. Напротив входной двери часовни на стене был написан лик Спасителя, а ниже золотыми буквами были записаны имена и фамилии убитых воинов. Всего 64 человека. Д. И. Эварницкий в «Путеводителе по Средней Азии. От Баку до Ташкента» за 1893 год перечисляет всех поименно. Не все были захоронены именно здесь (В. В. Обух, И. П. Месяцев, Г. Рейхард, прах которого позже был перезахоронен в часовне).

В 1887 году Синод разрешил ежегодно 15 июня проводить крестный ход к могиле воинов, а генерал-губернатор края подписал документ «О чествовании воинов, убитых 15 июня 1865 года при штурме Ташкента», в котором был расписан особый церемониал. В 8 часов утра от военного собора через весь город начиналось торжественное шествие. Впереди – все ташкентское духовенство с большим крестом, хоругвями и иконами, за ними верхом Главный Начальник края с многочисленной военной свитой, следом огромною толпою шли горожане. Шли с молитвами, заполонив улицы русского и туземного города, а с дувалов и крыш за ними с любопытством наблюдали местные жители. Женщины смотрели на редкое зрелище, откинув покрывала. Дорога, по которой двигалась процессия, была полита и убрана флагами, а аллея, ведущая к часовне, устлана мягким клевером. Беседку перед часовней увивали зелеными гирляндами и цветами. Многие горожане съезжались к братской могиле уже с 7 часов утра, по прохладе. Чиновники и дамы ехали в экипажах, простой люд добирался пешком. Крестный ход встречали ветераны-черняевцы. С каждым годом их становилось все меньше. В 9 часов утра у могилы начиналась панихида. До нее на могильной плите

2017 год

женщины и дети зажигали сотни свечей. Служило все ташкентское духовенство, великолепно пел сводный хор городских церквей.

После панихиды гремел салют. Генерал-губернатор подходил к столу, накрытому для ветеранов, отставных нижних чинов, провозглашал вечную память павшим товарищам и выражал благодарность живым участникам тех событий.

Камеланская часовня никогда не была самостоятельным храмом, но освящалась. В клировых ведомостях Иосифо-Георгиевского храма за 1905 год есть запись о том, что вместе с часовнями Жемчужниковых и Заушкевича на

городском кладбище (сейчас его называют Боткинским) к храму была приписана и Камеланская часовня. Однако в архивах Туркестанской и ташкентской епархии нет никаких указаний о том, что часовня была освящена во имя Георгия Победоносца (как пишут, например, в Википедии). В истории часовни остается еще много неуточненного. Одно всегда было очевидным: Камеланская часовня является историческим памятником и требует реставрации и сохранения.

В 2019 году было принято решение об этом. По поручению Кабинета министров Узбекистана начата реставрация Камеланской часовни. Приказом Министерства культуры от 28 июня 2019 года часовня зарегистрирована в качестве памятника культурного наследия, а проект реставрации согласован с научно-методическим советом Министерства культуры.

Работы начались 25 сентября 2019 года. Проект реставрации разработала организация Meros Chashmasi, он прошел научную экспертизу Министерства культуры под председательством заместителя министра Камолы Акиловой.

За столетие часовня «вросла» в землю на 1,5 метра. Чтобы начать работы, пришлось освободить ее от наносного слоя земли до исторической нулевой отметки. К захоронению не прикасались. Со временем от старой отделки часовни ничего, кроме кирпичей, не осталось. Поэтому по архивным планам и фотографиям восстановили фасад, купол, кровлю и шпиль с крестом, а также художественную роспись на внутренних стенах строения. Отделку стен сделали из известняка, завезенного из Бухары. Пол выложили плитами.

У реставраторов нет сведений о материалах, применявшихся при строительстве крыши часовни в 1886 году, но предположительно это медь и латунь. Поставили металлические двери.

Часовня сохранена и ей придан статус исторического памятника. Это не может не радовать и вызывает чувство благодарности.

Все начинается с любви

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ

Сель

Все начинается с любви.
Все начинается с общения,
И обращения на «вы»,
И постепенного сближения.

Но не у нас. У нас нашла
Коса на камень одержимости.
И понеслось. И понесло
На гребне острой совместимости

То ли волна, то ли поток...
Уму порой непостижимо

– Как я могла?
– Да как я мог!
И снова невообразимое.

Сель, что погубит нас двоих, –
Увы, опасное явление.
В нем нет намерений благих –
Одно жестокое влечение.

Я снова жду вас, вы – меня...
На днях как раз знобило ливнями,
В ночь к непристойному маня,
Со всеми, к черту, перспективами.

Сирень

Закрой глаза. А просто так. Попробуй.
А я открою настежь окна в сад.
Вдохни его... Ты чувствуешь особый,
Знакомый всем, пьянящий аромат?

В саду сирень! Ты угадала сразу.
Ночным дождем обласкана, свежа...
Уже потом украсит в спальне вазу
И долго еще будет хороша.

В объятиях душа твоя сомлела.
Счастливая прохлада сквозняка
Приятно обволакивает тело
И воздымает чувства... в облака.

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Родился в 1976 г. в Бухаре. Врач-офтальмолог, работает в фармацевтической индустрии. Публикуется в периодической печати Узбекистана.

Перегибы

Во мне возрастает раздражение –
Вы обронили семена
Своим несносным поведением,
Что я терпеть была должна.

Вы, как изба, что к лесу задом...
Уподобляетесь ханже.
Вопрос, зачем я с вами рядом –
Не риторический уже.

Меня достали перегибы,
Справлялась как-то же сама...
Нет, на безрыбье рак – не рыба,
А приживала задарма.

Как много в вас апломба, фальши,
И ведь нисколько не люблю!
Послать бы, и куда подальше...
Идея! Нынче и пошлю.

Любовь зла...

Амур был злым, из изуверов.
Сказал бы, что ли... Вот за что
Шмалял с двух рук из револьверов,
Пробив навывлет решето.

В крови рубашки в гардеробе,
Не заживают раны... Бред...
Любовью к Вам живу, как зомби –
Другого смысла в жизни нет.

Все вскрыты точки болевые.
Еще чуть-чуть – и завалюсь
От той же самой анемии,
А доконает меня грусть.

В глазах ли, что ли, потемнело,
Или от поила развезло?..
А вас вот даже не задело.
Бывает так. Не повезло.

Сезон листопадов

Осенний лист, увя, изжил себя:
Последний вдох, последнее влечение
Пред тем, как впасть совсем в оцепенение...
Прохлада чувств и холодность дождя
Проводят его грустное падение

К твоим ногам, чтоб скрыть собой асфальт.
Он пожелал стать частью настроения,
А не томиться времяпровождением
В колоде неспособных на азарт,
Но страждущих от жизни продолжения.

Возьми его. Он все еще красив.
И ошути начало исцеления.
Пойди сама с собой на примирение
И отпусти тоску и рецидив,
Почти что не имеющий значения.

Снегопадение

Падает. Обычный. Безмятежный.
Белый пух. Наивна красота.
Помнишь двойника? Тогда был нежный,
А сейчас на ошупь – пустота.

Чувств лишенный, медленно, безмолвно
Выстилавает память белизной.
Равнодушный или хладнокровный
К ностальгии, верно, возрастной.

Щедро осыпает с небосвода,
Не жалея, мельничный запас.
У природы нет плохой погоды,
Странная бывает – как сейчас.

В снегопаде гроздь горит рябины.
Прикоснуться тянется рука...
Ты была когда-то половиной,
А теперь невольно далека.

Маленький Феникс

В моих руках сгорают спички...
Тьму озаряет огонек,
Как будто феникс-невеличка
Жжет своих жизней коробок.

Меня, сердечный, отвлекает
От несуразных мыслей в ночь,
Которых он не разделяет,
Но хочет искренне помочь.

И потому горит так ярко,
Как не способен человек.
И мне его, пожалуй, жалко,
Вот-вот он изживет свой век.

Грусть освещая, дух испустит...
Когда бы это было впрок!..
Вы виноваты в моей грусти,
Но вам, пожалуй, невдомек.

Лучшие из лучших

Иди за мной. А хочешь – впереди.
Не бойся, я всегда тебя прикрою.
Не тронет зной тебя, и обойдут дожди,
Пока мы завоевываем Трою.

Ты можешь стать кем хочешь... Будь собой.
Мне этого достаточно, мне нужно
Всего лишь, чтобы ты была со мной,
И чувствовать, что ты неравнодушна.

Коли не так, ты знаешь, отпущу...
Недалеко. Не вздумай верить вздору!
Мы оба так привыкли к шалашу,
Что на спор даст любому раю фору.

Мы слеплены из наших половинок,
Совместный путь да будет бесконечен!
Признайся, я ведь – лучший из мужчин.
А я скажу: «Ты – лучшая из женщин».

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

Рассказ

Динора АЗИМ

*Пока человек не сдаётся,
он сильнее своей судьбы.*
Э. М. Ремарк

Кто бы мог подумать, что виртуальный мир станет настолько совершенным? Мы – люди из прошлого – можем теперь общаться с людьми из другого времени... Правда, вам не удастся меня увидеть. И в данном случае вы будете такими же бессильными, каким был я – бедный слепой малыш. Однако вы-таки прочитаете мое письмо, настигшее вас из прошлого.

Я решился написать его вам – счастливицам, живущим в XXI-ом веке, – потому что вижу, насколько цифровизация оторвала людей от земли.

Увы-увы, вы напрочь забыли о том, с чего все начиналось. Наверное, и не поверите – с обычного сапожного шила, которым мой отец исколот тысячи кожаных полотен. Именно тем треклятым шилом я и повредил свой глаз, когда мне было три года. Свет для меня померк. Матушка рассказывала, что я забрался в отцовскую мастерскую и стал перебирать его инструменты... Шило было такое острое!.. Какое-то время я еще видел одним глазом, но в пять лет свет померк, и все вокруг погрузилось во мрак. Как же она корила себя за то, что недоглядела тогда!.. Однако бедная моя матушка ничуть не была виновата... Всему виной мое неумное любопытство, преследовавшее меня с самых ранних лет.

Родители не оставляли надежды научить меня полезному и прекрасному. Мой дорогой батюшка открыл передо мною секреты своего ремесла. Он объяснил, как шить кожаную упряжь, обувь, и, одолев секреты сапожного дела, я исправно помогал ему шить домашние тапочки. А потом смог делать это самостоятельно.

Когда матушка стала обучать меня музыке, она взяла мою руку, пояснив, что теперь каждый мой пальчик превратился в нотную линию. Ведь пальцев, как и линий нотного стана, пять. Сжимая мизинец, означавший первую линию, она брала ноту «ми», касаясь второго пальца, издавала на скрипке звенящую ноту «соль», тербила третий палец, когда воспроизводила на инструменте

Динора АЗИМ. Поэт, переводчик. Автор 3-х поэтических сборников и публикаций в республиканских и зарубежных периодических изданиях.

плачущее «си». Вот так, на пальцах, матушка обучила меня нотной грамоте. А отец, доставая большие куски выделанной кожи, из которых мог бы сделать дорогую обувь, писал на них ноты. Сапожный инструментарий был ему в помощь. Он разлиновывал кожаное полотно шилом, тщательно выдавливая нотный ряд, чтобы мне было легче учиться. Вскоре я стал играть на скрипке, разучивая одно произведение за другим, поскольку с помощью моих дорогих родителей научился самостоятельно читать ноты.

Потом пошел в местную школу, где познал книги, которые мои учителя и одноклассники читали вслух. А когда мне исполнилось 10 лет, батюшка отвез меня в Париж в специальную школу для слепых. Здесь я научился самостоятельно читать книги подушечками пальцев, и это было, конечно, здорово. Однако текст книг для слепых был обеднен повсеместными сокращениями. В той краткости терялись краски, пропадал аромат литературного творения, потому что книга состояла из обрубленных до убогости фраз.

Мне хотелось овладеть чтением так же, как и музыкой. Однако шрифт Гаюи не позволял. Нужно было бежать и бежать пальцами по линиям и завитушкам, чтобы считать хотя бы одну букву. Как я и предполагал, оказалось, что автор шрифта был зрячим человеком. Его шрифт был, по сути, выпуклым повторением обычных букв. Но слепые-то читают при помощи подушечек пальцев! И зрячему человеку сложно осознать трудности распознавания букв с излишними украшениями, с наклонами, с наворотами и завитками...

Я стал размышлять и задался целью – перенести нотную систему записи в шрифт тех, кто, как и я, лишен зрения. Так появилась идея изображать буквы при помощи точек. Бесконечно благодарен я своему отцу, поддержавшему меня в этом начинании! Едва я озвучил свою мысль, как он тут же на кожаных лоскутах стал выдавливать точки нового рельефного шрифта. А ведь он мог стачать из них сапоги, сделать набор для конных скачек и продать их выгодно на воскресной ярмарке, но... не колеблясь ни секунды, отдавал он лучшие куски кожи в мое распоряжение. И я творил!

Сначала я взял четыре точки, расположив их как уголки квадрата. Но такая комбинация оказалась недостаточной для обозначения двадцати шести букв. А еще и знаки препинания есть... и цифры хотелось вписать в тот рельеф. Тогда я добавил еще две точки, и... все получилось! Я разместил два ряда по три точки, вытянув их по вертикали, как на костяшках домино. Такая форма как раз умещалась под подушечками пальцев! Отныне можно было читать легким прикосновением руки, быстро складывая буквы в слова. О, это было волшебное чувство...

Как только я стал читать пальцами, мне показалось, что зрение вернулось ко мне! Мысленно я представлял лист бумаги, наслаждаясь игрой шеститочий под четким движением пальцев. Создание шрифта было завершено, когда мне исполнилось 15 лет. Еще пять лет ушло на его доработку. В 20 лет я отважился представить его в совет Королевского института для слепых людей. Каким же это оказалось испытанием!.. Я не услышал ни единого доброго слова в свой адрес. А сколько же было злых...

Руководитель института был так возмущен предложением изменить буквенный шрифт, что в ярости покинул зал, хлопнув дверью. Оставшиеся члены совета стали объяснять мне, какой огромный материальный урон я могу нанести институту, потому что шрифтом Гаюи записано уже довольно много

книг, и если вводить новый шрифт, то все предыдущие затраты на библиотеку для слепых... обнулятся. А в каком свете я могу выставить Валентина Гаюи, основавшего наш институт? Это ведь он привлек сюда благотворительные фонды! Они упрекали меня в неблагодарности. Я, незрячий, приехавший в Париж из маленького городка, вместо того чтобы всю жизнь почитать своих благодетелей, хранить признательность за то, что меня учили, а потом обеспечили работой в Париже, вдруг пытаюсь внести хаос в действующую систему образования! Кто-то из сидевших неподалеку сказал негромко, но так, чтобы быть услышанным: «В который раз убеждаюсь – инвалиды неблагодарные и просто ни к чему не годные существа... Само небо наказывает их поэтому».

Признаться, мне нечего было сказать в ответ. Я никогда не задумывался об этом, озабоченный тем, чтобы сделать легким сам процесс чтения для незрячих.

Увы-увы, новый шрифт сочли совершенно бесполезным и неудобным. А все потому, что Попечительский совет Королевского института состоял из зрячей публики. В конце концов, когда страсти немного улеглись, кто-то предложил исключить меня из состава академии. Было принято гуманное решение – дать мне два месяца, чтобы я мог завершить свои дела.

То были трудные дни. Я до сих пор помню пустоту и безразличие, меня охватившие. Какая же тоска овладела моим сердцем! О, в моей печали утонул весь мир!

Спасением были мои ангелы-хранители – не только матушка и мой дорогой отец, но и мои одноклассники, мои ученики, мои друзья и круг единомышленников, которых я приобрел, поскольку рано стал преподавать в своей школе. Без их участия, боюсь, не смог бы я выдержать тяжкие испытания, которые выпали тогда на мою долю.

Переписывать книги новым шрифтом – кропотливый труд. Но, поскольку в процесс было вовлечено немало людей, результат обнаружился довольно скоро. Дело началось с записей небольших рассказов классиков французской литературы, потом мы постарались записать славную историю Франции. Книжки, переписанные моими друзьями и сподвижниками, вскоре стали приходить ко мне в институт. Их будто несло прихлынувшей речной волной. Впрочем, скорее морским прибоем... А потом мы придумали пересылать друг другу самодельные книги почтой, и нам даже удалось наладить книгообмен. Бывало, какую-то книжку читало так много людей, что перфорация забивалась. И тогда приходилось книгу обновлять. Словом, новым шрифтом стали пользоваться мои друзья из парижской школы. Мы обменивались с ними письмами. Они признавались, что учат письму на рельефном шрифте слепых детишек в своей округе. Вот тогда я уверовал: время для моего шрифта еще придет! Так оно и случилось.

Нет, мне не довелось при жизни увидеть, как мой шрифт применили во Франции. Восемь лет старались не вспоминать о нем в родном Королевском институте. Но после множества обращений учеников и их родителей, когда уже собралась солидная библиотека самодельных книг, рельефно-точечный метод письма, наконец, был принят Советом. Его стали использовать на занятиях, печатать им книги и ноты, обучать целые поколения воспитанников.

Надеюсь, я сослужил неплохую службу слепым людям: шрифтом

пользуются в разных странах, его приспособили для самых разных языков! Говорят, почетное место в библиотеке американского писателя Хемингуэя занимала книга «Старик и море», изданная на русском языке моим шрифтом в 1956-м году.

Однако (чего уж никак я не мог предвидеть!) использованный мною метод перфорации в азбуке для незрячих был применен в... информатике. Да-да, именно так стартовал век информационных технологий. А вы спросите-ка ваших дедушек! Наверняка они помнят компьютеры первого поколения, величиной... с небольшой дом. Вычислительный центр в те времена мог занимать добрый квадратный километр! Было инициировано строительство сверхпрочных многоэтажек с высокими потолками под такие вычислительные «машинки». Очень скоро мир перешел к настольным компьютерам. Принцип перфорации карт, на которых писались программы, на которые заносилась информация, был заимствован как раз из разработанной мною азбуки.

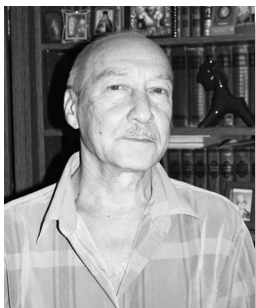
С затаенной улыбкой я наблюдал, как «древние» айтишники добавляли забытые отверстия в перфокартах – первых носителях информации. Вы не поверите, нередко вручную, дыроколами, удивительно напоминающими шило или коженную бритву!.. А иногда, наоборот, пытались залепить лишнее отверстие, чтобы не менять всю перфокарту. И тогда я чуял запах сапожного клея.

Так что не торопитесь заклеить кого-то, выражая презрение к древнему, как мир, ремеслу, мол, эх ты, сапожник! Да-да, простой сапожник – мой дорогой батюшка – помог мне вложить смысл в игру перфорированных дырочек, прикасаясь к которым, люди, лишенные зрения, могли с легкостью складывать буквы в слова. Именно так и начиналась великая эра цифровизации – с обычного сапожного шила, коим ваш покорный слуга, слепой малый, стал создавать буквы.

И когда Вы рассказываете о том, что делаете для людей с ограниченными возможностями, вспомните: мы тоже сделали для них нечто значимое!

Соединяя знания, почерпнутые из разных жизненных уроков, старайтесь создавать нечто новое!

Мне довелось прожить счастливую жизнь, придумать дельную вещь, как знать, может быть, у вас получится еще лучше, чем у меня!

Будто я заблудился во времени...

ВЛАДИМИР ДОЛГУШИН

Кашгарка

Ночь стекает по крыше,
Как вода по стеклу.
Дворник заспанный вышел,
Приготовил метлу.

С одинокой прогулки
Возвращается кот.
Тупики, переулки –
А дорогу найдет.

Вот по рельсовым стыкам
Громыхает вагон,
А вода по арыкам
Тихо шепчет вдгон.

С желтой лампой сигнальной,
Как большая свеча,
Ваш покой персональный
Стережет каланча.

Петухи вострепнулись,
Поборов паралич.
По пустынности улиц
Пронесется их клич.

У ларька Никанора
В этот час тишина:
Ни душевного спора,
Ни бутылки вина.

На повозке облезлой
В окруженье корзин
Где-то в рупор железный
Закричит «керосин»*.

Каждый домик опрятен
И обманчиво прост.
И снаружи приятен,
И не давит на рост.

На резные пороги
Так и просится взгляд.
Тополя вдоль дороги,
Точно пики, стоят.

Не тревожно, не жарко –
Сонный рай на земле.
А ведь это Кашгарка,
Что исчезла во мгле.

Владимир ДОЛГУШИН. Родился в 1956 г. Окончил Ташкентский государственный институт культуры. Работал в этом институте на кафедре технических средств и информационных технологий, зам. начальника типографии Ташкентского института связи, публиковался в республиканской периодической печати.

---

* Керосином называли продавца керосина, развозившего его на повозке с осликом.

Улица Лахути

Если каждому по вере –
То живу в надежде.
Мне бы в Обуховском сквере
Погулять, как прежде.

Пробежаться до «Салюта»,
Осмотреть афиши –
Вот еще одна минута,
Как подарок свыше.

Лахути пройду привычно
До моста Анхора.
Мне ворона каркнет зычно
С высоты забора.

Тротуар идет все выше,
А внизу – дорога.
Насчитал на красной крыше
Голубей немного.

Часть ушедшего в тумане,
Ну да я не ною.
С горстью семечек в кармане –
Мир передо мною!

Поверну теперь на площадь
У крутого сгона.
Вон трамвай вдали полощет
Три своих вагона.

Там к окну глаза притерты –
Хорошо на воле!
Я их знаю – класс четвертый
В тридцать первой школе.

Дальше мост, внизу – скамейки.
Тишина и осень.
Только волны, будто змейки,
По воде проносятся.

Но у сна в абстрактном виде
Тоже есть граница.
Разрешите тем, что видел,
С вами поделиться.

Пусть бы тучи и нависли –
Мне достанет света.
Где такая ясность мысли,
Как не у поэта?

* * *

Почему люблю я осень?..
Осень – девушка в косынке.
То листья багрянец бросит
На забытую тропинку,
То покроет желтой краской
Тополя в моем саду...
Ранним утром, точно в сказке,
Желтым садом я пройду.

Причешусь у каждой лужи,
Что оставил дождь-прохожий,
Белый волос обнаружу –
Знак, что с осенью мы схожи.
Но задумчивой печали
Не залечь в моих глазах.
Листья, падая, шептали,
Как и сотни лет назад.

Так за что люблю я осень?..
За несмелую улыбку?..
Иль за то, что осень носит
Ветра сломанную скрипку
И играет безыскусно
На единственной струне?..
Тихо-тихо, грустно-грустно...

Неужели это мне?..

Сновидения

Мне не кажется, знаю, не кажется:
Синим кружевом сны мои вяжутся.
Вот сплетаются, вот расплетаются,
Остаются – и вновь разлетаются.

Под лавиной такой мне не выстоять.
Я пытаюсь их утром записывать.
Но мелькают обрывки лишь смутные,
Непонятные и неуютные.

Будто я заблудился во времени...
Или ногу не выну из стремени...
Или что-то с обрывом над пропастью...
Или вечер, испорченный робостью...

То наяды, из пены встающие,
То наряды, истошно ревушие,
То узоры, омытые ретушью,
То мой город, которого нет уже...

Сны, я знаю, бывают и вещими.
Разгадать бы, что мне в них обещано!
Может статься, богатство и почести,
Ну а может, печали и горести.

Иногда сквозь туманное крошево
В сны приходят родные из прошлого.
Всё такие – ничуть не состарились,
Словно только вчера и расстались мы...

Не беда, что наутро разбитый я,
Что подушка слезами пропитана.
Эти сны – как цветные фонарики,
Это Оле Лукойе мне дарит их.

За мою ли за жизнь за бесцветную,
Иль за юность мою безрассветную,
Иль за то, что отдал я по-доброму
Все, что было с собою, бездомному.

Встало солнце у точки падения.
Скоро снова придут сновидения,
Не оставят меня в одиночестве
Ни в удаче, ни в горе, ни в творчестве.

Старый базар

Сверкнул рассвет из-за высокого дувала,
Снялась с ночлега стая воробьев,
И вот слышался, как исстари бывало,
Невероятный в тишине ослиный рев.

Повсюду стронулись телеги и повозки,
Везут продукты – овощи, зерно.
Изрежьте тысячу бумажек на полоски –
Вот так и будет выглядеть оно.

Базар – витрина всех товаров, не иначе.
Вершится таинство, толкаясь и кружа.
Халаты пестрые попроще, побогаче,
А там украдкою чернеет паранджа.

Под сенью рисово-соломенных уборов
Сидят корейцы, отошедшие от дел.
И лук, и рис у них отменные без споров –
Шагай уверенно, колхоз «Политотдел»!

Артельно держатся бухарские евреи.
Мне вспоминается с невольною тоской
И двухпроемный магазин галантереи,
И закуток сапожной мастерской,

И стук чеканщика по медному кальяну,
И скрип точильщика железом по бруску.
И лихорадочно, запойно – но не спяну, –
Гоню стихами жгучую тоску.

А «горку» помните, где мясом торговали,
Тугие свертки под халатом приоткрыв?
Мы все с опаскою там, кажется, бывали –
Незабываемый ташкентский детектив.

В соседнем дворике за глиняным забором
Клепают печи, скручивая жечь,
А в чайхане с неторопливым разговором
Всегда найдется жизненная весть.

А вот достойная и древнего батыра
Награда путнику за тяготы пути:
Кто раз отведаст лепешки из тандыра,
Тому и в гору весело идти.

Еще мне вспомнился торжок перепелиный –
Пустырь утоптаный без лавок и столов.
Сумеешь втиснуться сквозь скученные спины –
Увидишь там бои перепелов.

Слепит сияющее блюдо лучезара...
Громады зданий высятся вдали...
А в узких улочках восточного базара,
Споткнувшись, время замерло в пыли.

Собиратели

А в парке Горького красиво и уютно,
Для всех он – праздничный, у каждого он – свой.
Куранты стройные пятнадцатиминутно
Все отбивают время за собой.

Часы проносятся в забавах и веселье,
И очень хочется под крики детворы
Кружиться бабочкой на яркой карусели,
В аллеях сумрачных укрыться от жары.

Приют заманчивый любого поколения –
С аттракционами, бильярдом и кино...
Уже столетие он – парк отдохновения,
И остается юным всё равно.

А воскресеньями там публика иная:
Своим открытие, для прочих – на запор.
Песок оранжевый ногами приминая,
О чем-то вдумчивый заводят разговор.

А на скамейках, как досадные огрехи
Буржуйской вольницы, что выжег гегемон,
Лежат украдкою потерянные вехи
Давно забытых судеб и времен.

Мальчишки юркие проносятся в заботах,
Из них уж многие не первый ходят год,
Листают кляссеры¹, выменивают что-то,
А значит, смена новая идет!

В сверканье солнечном резного позумента,
Сквозь полумрак естественных гардин
Спешит Чабров² «По улицам Ташкента»
И ищет «Звезды...» мощный Бородин³.

Там не в почете ни сословия, ни касты,
Ни мелких ссор, ни зависти там нет...
Несите факел, господа энтузиасты
Значков, открыток, марок и монет.

---

¹ Кляссер – альбом для марок.

² Чабров Георгий Николаевич – один из авторов книги «По улицам Ташкента» 1965 и 1971 гг. издания, коллекционер русских монет.

³ Сергей Петрович Бородин – автор исторической трилогии «Звезды над Самаркандом» и других исторических романов и повестей.

ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР...

Рассказы

Алишер ФАЙЗУЛЛАЕВ

ЭВЕРЕСТ

Наконец выдалось свободное время. В горы, конечно, на Эверест! А деньги подождут.

Тропинка, по которой он шел, вела на вершину горы. Цель близка, он это ощущал. Постепенно менялся ландшафт, усиливался ветер, разрежался воздух. Шагать становилось труднее. Но он любил горы, тянулся к ним, обожал взбираться на самый верх.

А где взять горы в центре душного города?

Ближайшие находились в трехстах километрах.

Асфальтированная тропинка заканчивалась на подступах к летней кухне. Сосед слева за высоким забором тосковал, соседка справа за еще более высоким забором подыхала от скуки. Оба страдали аллергией.

Асфальт был проложен давно, еще его отцом, известным изобретателем и промышленником.

Вокруг – травы, горные травы. Они источали особый запах, здесь все пахло горами. Горы... что может быть лучше для городского жителя?

До кухни оставалось три шага.

Всего три шага до вершины. Самые трудные. Нелегко испытывать нехватку кислорода, когда у тебя астма. Но он выдержит, он всегда выдерживал.

Пик. Сияющий.

Настоящий пик – это тот, которого ты никогда не увидишь. В повседневной жизни нет никакого пика, нет и пиковых ощущений. Инженерный и строительный бизнес процветал, он был завален заказами, каждый день приносил кучу денег, но все это его уже мало волновало.

Теперь будет спуск. В горах он опасен. С вершины спускаться сложнее, чем подниматься.

Алишер ФАЙЗУЛЛАЕВ. Родился в Ташкенте в 1957 г. В 1979 г. окончил отделение психологии Ташкентского государственного университета (ныне НУУз). Доктор политических и кандидат психологических наук, профессор. В настоящее время является профессором университета Вебстера в Ташкенте. Автор многочисленных сборников и публикаций в периодических изданиях, в том числе в журнале «Звезда Востока».

Последний шаг. Двор у них большой, целых восемь квадратных метров. Такие сейчас мало у кого. У соседа слева – два квадратных метра, у соседки справа – полтора. Когда-то у всех были огромные сады. Теперь большие дворы могли содержать лишь такие состоятельные люди, как он.

Понастроили домов. Постройки простирались до самых гор – триста километров вкряду. Начали строить и в горах. Добрались почти до вершины. Когда-нибудь доберутся и до Эвереста, взберутся и на Эверест.

Закружилась голова.

Запас воды на неделю давно кончился. Надо заказать. «Родниковую».

Не сойти бы с тропинки. Обрыв открывал страшную неизвестность. Нет, он устоит.

Кухня была пустой. Все давно приготовлено, съедено, выпито. Какой-то таракан – явно нездешний – тупо выглядывал со дна пустой кастрюли. Что, интересно, чувствует эта тварь? Тоже отдыхает? Или на пути к своему пику? Таракан чем-то напоминал саранчу. Последний налет саранчи был неделю назад. Полчища саранчи – вояки, десантники, все крупные, в бронежилетах. Падают с неба, бьются об асфальт, но с легкостью вскакивают как ни в чем не бывало. Раньше саранча была маленькой. Акселерация.

Дверь летней кухни отворилась без особой охоты, со скрипом.

Но ничего, главное – вершина покорена. Эверест, это его Эверест! Как тут потрясающе красиво!

Теперь надо подготовиться к спуску. Он осмотрел свое снаряжение. Рюкзак, аркан, зубила и ледоруб были наготове. Все новое, куплено по Интернету.

В здешних местах магазины давно исчезли, даже туалетную бумагу надо приобретать через всемирную паутину. Правда, на все есть лимиты, но значительно переплатив, можно кое-что и дополнительно заказать.

Решил захватить кастрюлю с тараканом – ведь не спускаться же с пустыми руками!

Скоро праздник, двадцать третья годовщина его свадьбы. Как обычно, решили отметить врозь: он на вершине, а она – внизу, в долине. Ей не хотелось подниматься в горы, а он и не представлял, как такое событие можно праздновать не на вершине.

Какая узкая и коварная тропинка. Следует быть максимально осторожным.

Стоп! Чуть не поскользнулся.

Вся жизнь промелькнула перед глазами. Мама, папа, школьные годы, первая любовь, первое восхождение на вершину. Тогда, можно сказать, вершина покорила его, а не он ее. С тех пор его вновь и вновь тянет туда. Но это удастся не всегда, лишь в редкие свободные часы.

Он уже почти внизу, у зимней кухни. Еще два шага – и войдет в мир жены. Недавно она предложила выбросить все ложки и вилки, мол, теперь мало кто пользуется ими. Он на всякий случай спрятал одну ложку и одну вилку в своем рюкзаке: может, когда-нибудь пригодятся в походе.

У бабушки была серебряная ложка. Где ты, бабушка? Бабушки давно нет, может, ее никогда и не было. Все равно он скучал по ней. Как она любила его! Добрая, тихая, как неприметно прожила, так незаметно и ушла в мир иной. Он скучал и по дедушке, по отцу, по матери, по своим детям. Дети

занимались строительством. Они строили быстро. Это он, потомственный промышленник и строитель, он их научил.

Осторожно приоткрыв дверь зимней кухни, он заметил спящую супругу. Она, как всегда, дремала, положив голову на обеденный стол из горного мрамора. Рядом большой нож, две-три пьяные мухи.

Ах, какие у нее кудри! Спасет ли красота мир? Пусть спит, бедная. Устала от хронической тревоги. И телевизор перестала смотреть, и компьютер, весь в вирусах, ее больше не притягивает.

Жаль, что жена не желает ходить с ним в горы, покорять пик. Было бы намного интереснее... И друзей давно не видно. Все они успешные и не менее состоятельные, чем он сам. Кто-то из них ходит в лес, кто-то в степь, но горы предпочитают обходить. Умные. Но не надо иметь большого ума, чтобы догадаться, какие у них тут лес и степь. Все искусственное, сделано из антиаллергенных материалов нового поколения.

Что делать с кастрюлей с тараканом? Кастрюлю решил оставить, а таракана забрать. Может, отпустит по дороге, ведь в горах сейчас так мало животных.

Куда делись хищники? Они исчезли, оказались беззащитными, слабыми. Однако их изображения можно видеть в городском зоопарке. Отличный зоопарк, он сам был одним из спонсоров. Занимает почти целый этаж нового жилого здания, построенного его компанией. Там даже продают открытки с изображением снежного барса. Правда, такие открытки страшно дорогие – ведь это животное давно исчезло, и никто толком не знает, было ли оно когда-либо.

Вот бы иметь горного козла, или дикую лошадь, или хотя бы домашнего ослика! И собаку завести, чтобы она ходила с ним в горы и охраняла. Он в детстве видел собаку. Он был почти уверен в этом. Та даже лаяла, кажется.

Собираются тучи. Видно, будет гроза. Лишь бы не ударила молния.

Надо одеться как следует, лучше всего в теплый комбинезон. Жаркое лето – не помеха. Клин клином, как говорится...

Пора идти. Впереди непростая дорога – горная тропинка, благодаря которой он не сошел с ума. Пусть сумасшедшие всецело остаются в своем безумном мире, а его мир – это мир горной вершины.

Решил выбрать новый, самый сложный маршрут – по южному склону. Это более крутой склон, по нему можно лишь медленно карабкаться. Риск огромный.

Предстояло одно из самых сложных восхождений в его жизни.

Опасения подтвердились. Какой был ужасный мороз! Его поджидали неожиданная лавина, коварный камнепад, мощный ураган, шаровая молния, проснувшийся вулкан, запредельное землетрясение. Он падал в ледяные озера, отражал нападение хищных животных, отдыхал в темных пещерах с опасными грызунами. Но ничего, все выдержал.

Взобравшись на вершину, он вдруг почувствовал головокружение – то ли от счастья, то ли от кислородного голодания.

Эверест Петрович начал осторожно спускаться вниз, чтобы, вдоволь подышав, вновь устремиться к пику. Дела инженерно-строительного конгломерата «Джомолунгма» могли подождать еще минут пятьдесят.

ЗОНА ПАМЯТИ

С годами Бик становился рассеянным, часто забывал нужные вещи. Особенно плохо обстояло дело с запоминанием имен и фамилий. Порой он записывал, что необходимо сделать в течение дня, но потом терял записи и даже не вспоминал о них. Это было странно для сорокалетнего мужчины, тем более что Бик не болел, не пил и занимал приличную должность на крупном мебельном заводе. Вчера, например, он собирался сходить в парикмахерскую, взять свой пиджак из химчистки, купить, по просьбе жены, литр молока и килограмм мяса, но начисто все забыл. И на работе кое-что не успел сделать по причине своей забывчивости: не позвонил важному клиенту, не отправил срочное письмо, не переговорил с начальством о неотложном деле, хотя такая возможность была. Как совестливый семьянин и ответственный работник, он очень переживал за свои досадные провалы в памяти.

Что же делать? Бик пробовал заняться тренировкой памяти, но мало чего достиг. Постепенно отчаяние сменилось безразличием. Он понимал, что по этой причине вряд ли сможет сделать хорошую карьеру, вести активную социальную жизнь. С его-то образованием он мог бы достичь в жизни намного больше. «Ну и что? – порой утешал он себя. – Разве лишь карьерой жив человек? Убиваться из-за того, что не можешь сразу вспомнить номер своего мобильного телефона, день рождения жены, год окончания университета или имя однокашника? Главное – быть физически здоровым и вести нормальную, достойную жизнь». Слава богу, многое, в том числе свое имя, он еще помнил. Но тем не менее в глубине души Бик не переставал мечтать о блестящей памяти.

Ежедневно утром Бик отвозил шестилетнего сына в школу. Затем офис, поездки к клиентам, переговоры с поставщиками, а в обеденное время он успевал привезти отпрыска домой. Далее, до позднего вечера, опять работа, беготня. Словом, обычная, ничем не примечательная жизнь.

Но настал день, когда в жизни Бика произошли большие изменения. Был понедельник, самый напряженный день недели. Наспех позавтракав, Бик отвез на своем новеньком «Форде» сына-первоклассника в школу. Пробок было меньше, чем обычно. Попрошавшись с сыном и посмотрев на часы, Бик решил заехать на бензозаправочную станцию неподалеку. «Успею», – подумал он.

Заправив автомобиль, Бик еще раз бросил взгляд на часы и, убедившись, что время еще есть, припарковал «Форд» на стоянке торгового центра.

Сидя за рулем, Бик глубоко вздохнул и закрыл глаза. Спустя несколько секунд он перестал видеть и слышать. Его будто куда-то несло.

Трудно сказать, сколько прошло времени. Открыв глаза, Бик почувствовал себя отдохнувшим. Вокруг мелькали какие-то машины, люди, все что-то делали, суетились.

Бик вышел из автомобиля и решил зайти в торговый центр, благо тот работал круглосуточно. Раньше он сюда не заглядывал.

Приглядываясь к витринам, Бик вдруг вспомнил, что дома закончились спички. «Ах, как хорошо, что зашел, жена будет довольна», – подумал он, покупая блок спичек.

Расплатившись, заметил на прилавке бутылку подсолнечного масла. Ого, ведь жена несколько раз просила его купить пару бутылок такого!

Отovarившись, Бик направился к выходу. Но тут подумал, что неплохо было бы приобрести и кое-что еще для дома, например, туалетную бумагу, муку, сахар... еще... да, вспомнил, хлеб и... свечи! Удивительно, ведь он уже полгода намеревался купить свечи и неоднократно записывал, чтобы не забыть.

Бик воодушевился. Он отнес покупки в машину, а потом, почесав затылок, еще раз зашел в торговый центр и направился в секцию канцтоваров. Да, конечно, он много раз обещал сыну купить суперклей, а дочке – цветную бумагу. И клеенка здесь есть – ведь жена уже сто лет мечтает обновить старую на кухонном столе. И приличный степлер, он давненько хотел приобрести такой для себя. Ну, несколько шариковых ручек и батарейку для настенных часов – они, кажется, остановились еще месяца три назад.

– Бик, это ты? – кто-то окликнул его.

Рядом стоял парень, который когда-то учился в параллельной группе в университете.

– Радик! Радик Равалпиндов! – воскликнул Бик, поразившись, что сразу вспомнил имя и фамилию этого парня, с которым в свое время общался совсем немного.

Несколько минут поговорили о том о сем, вспомнили студенческие годы.

– А помнишь ту девушку, ну, с косичками? – спросил Радик.

– Ну а как же – Алена! – отвечал Бик сходу. «Алена Мамазакировна Хурдушкина», – мелькнуло в голове.

– Да, конечно. Она вышла замуж за того молодого преподавателя по математике...

– Сильвестров, Иннокентий Кевардакович Сильвестров, – вставил Бик.

– Ну и память у тебя, Бик! Я ни за что не вспомнил бы, – удивился Радик.

Потрясенный Бик, попрощавшись с Радиком, подошел к кассе расплатиться. Невероятно, что он с такой легкостью вспомнил имена, отчества и фамилии людей из далекого прошлого. В это трудно было поверить. Что же с ним случилось?

– Летиция? – нерешительно спросил Бик, обратив внимание на кассиршу.

– Да, а откуда вы знаете мое имя? – удивилась стокилограммовая женщина.

– Мы с вами как-то встречались на дне рождения моего друга Налима. По выражению лица Летиции понял, что она ничего не вспомнила.

– Ну, это было 25 марта 1983 года, то есть 37 лет назад. Вы, кажется, тогда учились в хореографическом училище и пришли на день рождения Налима по приглашению его двоюродного брата Салима.

– Да, что-то припоминаю, хотя вас не помню, – сказала удивленная кассирша.

– Ну а хореографическое училище?

– Ой, все это было так давно, что я уже забыла!

Немного поговорив с Летицией, Бик вышел на улицу и направился к машине. Открыл дверцу, положил пакеты на заднее сиденье и сел за руль. Но задумался. Что это с ним происходит? Будто какой-то кусок памяти стремительно рвался наружу.

«...Ах, чуть не забыл, сегодня в два часа состоится важное совещание у шефа, а вечером следует заглянуть к сестре – у нее тридцатая годовщина свадьбы! Совсем запамятовал поздравить племянника с днем рождения. Непростительно...»

Бик включил радио. С грустной музыкой пришли воспоминания о заносчивом поведении шефа, о нанесенной сестрой обиде, о невозвращенном племянником долге.

Надо было ехать на работу, но Бик сидел и почему-то думал о детях-сиротах в соседнем детдоме, нуждающихся в родительской любви, о бродячей собаке, которую недавно сбила машина у него на глазах, о случившемся в 1994 году геноциде в Руанде, прошлогоднем землетрясении в Китае и позапрошлогоднем цунами в Индонезии. Перед глазами оживали яркие картины, вспоминались имена давно умерших или забытых людей, цифры, даты, слова, взгляды, запахи. Бик представил лицо прадедушки, которого видел лишь однажды в раннем детстве. Оказывается, он помнил и его костюм, ремень, туфли, даже прическу. Удивительно!

Ощущения звуков, запахов, движений, связанных с событиями прошлых лет, стали усиливаться. Ах, как тогда, тридцать пять лет назад, на него смотрела та красивая девушка из соседнего класса – Анфиса! В мире 261 река пересекает границы хотя бы двух государств, до Солнца 150 миллионов километров, в Афганистане производится более 90 процентов опиумного мака, выращиваемого на всей планете. В этот день тринадцать лет назад он не пошел на свадьбу сына одного из коллег, хотя и был приглашен...

Бик сначала пришел в восторг, но потом впал в уныние, обнаружив, что помнит номера и названия многочисленных резолюций Совета Безопасности ООН, обменные курсы основных мировых валют и динамику их изменения за последние годы, телерепортаж двадцатипятилетней давности о страдании голодающих африканских детей. Он никогда особо не интересовался международными делами и финансами, мало знал об Организации Объединенных Наций и социально-экономической ситуации в бедных африканских странах, однако какие-то детали, когда-то услышанные по радио или увиденные по телевидению, стали безудержно всплывать в памяти.

«Так недалеко и до эпизодов своих прошлых жизней», – с опаской подумал Бик. Он хоть и не верил в перерождение души, но его опасения оказались не напрасны. События из жизни британского моряка, индийского раджи, китайского купца, японской гейши, австрийского портного, средневекового бродяги неизвестной национальности, древнегреческой рабыни, бородатого охотника, преследующего мамонта, сына вождя племени, обитающего в пещере, какие-то смутные ощущения животной жизни, в частности, кабана, гадюки, крысы, бабочки и червя, а также подводных обитателей осьминога и моллюска стали хаотично возникать в голове Бика. Не верилось, что все это относилось к его предыдущим жизням, но каким-то внутренним чутьем Бик ощущал, что это именно так.

Стоп! Бик повернул ключ и услышал приятный гул мотора обожаемого

«Форда». «567332144», – вспомнил он номер ключа машины. Нет, не может быть, подобное Бик просто не мог запомнить, ведь он никогда толком даже не смотрел на номер на ключе «Форда». Он быстро вытащил ключ и внимательно посмотрел – 567332144!

– Эй, Бик, как дела? – вдруг услышал он веселый голос.

Рядом с автомобилем стоял высокий мужчина. Трудно поверить, но это был его шеф – заместитель директора мебельного завода!

– Доброе утро, Ив Монтеонович! – опешил Бик.

– Доброе, даже очень доброе! Добро пожаловать в ад!

Бик вышел из машины.

– Я тут на работу собрался...

– Да вижу, – шеф бросил пронзительный взгляд на покупки Бика.

– Извините, я не хотел, торопился, но тут случайно вспомнил, что жена кое о чем просила... – виновато произнес Бик.

– Ну, не надо оправдываться, я сам через это прошел, – улыбнулся заместитель директора.

Бик не понял, что имел в виду шеф.

– Тогда я поехал! Встретимся в офисе?

– Подожди, я хочу поблагодарить тебя! – Ив Монтеонович неожиданно обнял Бика.

– Но за что? – Бик недоуменно посмотрел на шефа.

– Ну, братец, ты оказался в Зоне и тем самым освободил меня от тирании памяти! – заместитель директора был в отличном настроении.

– Ничего не понимаю, Ив Монтеонович!

– Потом все поймешь, разберешься во всех деталях, а сейчас лишь скажу, что ты остановил свою машину в черте Зоны памяти. Попал, как говорится, в десятку!

Бик не знал, что сказать. Шеф отличался странностями, но не до такой степени... Все знали, что по умственным способностям Ив Монтеонович заметно превосходил бывших и нынешних руководителей компании, но что-то все время мешало ему стать первым лицом. А что – никто толком не знал.

– Короче, здесь есть Зона – Зона памяти, куда может попасть водитель, остановивший машину именно тут, – шеф указал на место, где стоял автомобиль Бика. – Миллиметр туда или сюда – это уже вне Зоны. Понимаешь?

– Не совсем, Ив Монтеонович!

– Ну что тут не понять? Когда-то я припарковался точь-в-точь на этом месте, и потом мне пришлось долго испытывать всю мощь своей памяти, особенно на всякие обиды.

«Наверное, старик сошел с ума, – подумал Бик. – Хоть он все время и делал мне пакости, все равно жалко человека».

Тем временем Ив Монтеонович взволнованно продолжал свою странную речь.

– ...Как и ты, накупил всякого в этом магазине, потом встретил давних знакомых, обозрел свои предыдущие жизни и тому подобное. Но это только начало, ты еще посмотришь, каково жить с чрезмерно обостренной памятью! Есть большая вероятность заикнуться на волнах обиды, этого надо опасаться, предупреждаю тебя. Человек ведь обидчив, хотя многое вытесняется из памяти...

– Объясните, в конце концов, что все это значит! – Бик впервые в жизни повысил голос на шефа.

Ив Монтеонович совсем не обиделся, наоборот, его глаза излучали добродушие.

– В общем, человек, который побывал до меня в Зоне, объяснил, что я начну жить обычной жизнью лишь тогда, когда на этом месте остановится машина какого-нибудь другого человека. Он в свое время ждал тридцать лет, а мне повезло – всего двадцать три года, семь месяцев, три дня и семнадцать минут! Моим спасителем оказался ты, Бик! Кто бы мог подумать! Теперь я свободен, свободен! А ты, как и я до сегодняшнего дня, начнешь каждый день приезжать сюда в надежде увидеть своего преемника. Преемник должен прийти сам, исключительно по своей воле, потому что это его карма. И помни: ничего не случится, если размеры припаркованной машины хотя бы на миллиметр не совпадут с очертаниями Зоны.

Бик стоял как вкопанный в какую-то незнакомую землю под названием Зона.

– Да, чуть не забыл сказать! Зона находится именно здесь, но временами по неизвестным причинам она может перемещаться на несколько сантиметров назад или вперед, вправо или влево. Очень редко Зона меняет размеры, становясь чуть больше или меньше. Но в основном очертания ее границ совпадают с размерами твоей машины. Отличная машина «Форд»!

«Может быть, я зря купил этот автомобиль?» – пронеслось в голове Бика.

– Разумеется, ко всем этим заключениям я пришел опытным путем, – гордо произнес Ив Монтеонович.

Бик не находил, что сказать.

– Ну ладно, больше не буду морочить тебе голову, успехов, и не поминай лихом! – Ив Монтеонович быстро отошел, сел в свою «Хонду», торжественно просигналил пару раз и уехал.

Оставшись, один, Бик не только перемалывал сказанное шефом, но и быстро посчитал, сколько предложений, слов и букв тот произнес. Запомнились номер, цвет, марка машины Ива Монтеоновича, все царапины на ее кузове, вид ботинок и количество пуговиц шефа. За двенадцать лет знакомства он видел Ива Монтеоновича десять тысяч восемьсот двенадцать раз. За это время шеф износил двадцать два костюма, пятьдесят шесть рубашек и восемнадцать галстуков. Неоднократно обижал Бика. Точнее, нанес сто семьдесят девять серьезных, восемьсот шестьдесят восемь довольно заметных и десять тысяч восемьсот двадцать обид легкой степени.

Пытаясь отвлечься, Бик посмотрел в небо. И тут нахлынул новый поток воспоминаний... Оказывается, столько обид хранилось у него в душе: несправедливое замечание учителя родного языка в первом классе школы, оскорбительное слово какого-то пьяницы на улице, когда ему было пять лет, за то, что у родителей не было возможности приобрести модные джинсы, которые носили почти все его друзья-подростки, за то, что брат не передал ему, тринадцатилетнему парню, приглашение друзей на новогоднюю вечеринку... Были и радостные воспоминания, но Бик не обращал на них внимания, поражаясь тому, сколько негатива таилось у него в душе.

В тот день Бик опоздал на работу. Сияющий Ив Монтеонович

в непривычно мягкой форме сделал ему замечание, сказал, что искал его с самого утра. Бик хотел было возразить, оправдаться, сослаться на их утреннюю встречу, но промолчал и... затаил новую обиду на шефа.

День оказался крайне утомительным и нервным. Мозг Бика чуть не взрывался от всякого рода воспоминаний. Ассоциации мешали работать. Прозвучит какое-то слово – и тут же в голову приходят разные эпизоды, связанные с этим словом. Увидит кого-то – сразу вспомнит истории, связанные с этим человеком. А за этими историями тянутся другие. И так – без конца. И всюду всплывают какие-то обиды.

Ко всему прочему позвонила жена, напомнила, чтобы он забрал сына из школы. Бик разозлился... разве он мог забыть такое! Тут же припомнил супруге тысячи вещей, которые она когда-то забывала сделать.

– Тринадцатого апреля позапрошлого года в девять часов три минуты утра я просил тебя принести новый тюбик зубной пасты, ты пообещала, но потом забыла о просьбе! Семнадцать лет назад тридцатого июня в семь часов семь минут вечера ты обещала, что каждые два дня будешь вытирать пыль с телевизора, но никогда этого потом не делала. Вернее, сделала это всего сто три раза. Разве не так? – Бик говорил минут пять, удивляясь, как он мог вспомнить о разных мелочах давно минувших лет.

Напуганная жена молча положила трубку. А Бик понял, что надо срочно что-то делать!

Как только наступило обеденное время, Бик сразу поехал на стоянку у торгового центра. Может быть, кто-нибудь припаркуется в Зоне и займет его место?... Бик понимал маловероятность этого, вспомнив, что шеф ожидал преемника двадцать три года. Но вдруг ему повезет с первого раза?

С трудом найдя свободное место, Бик выключил мотор и вышел из машины. Тут же заметил девушку, безуспешно пытающуюся припарковать «Тойоту» между двумя грузовиками. Поразительно: девушка стремилась припарковаться именно туда, где располагалась Зона. Да и габариты ее машины примерно такие же, как у «Форда» Бика.

Бик с волнением наблюдал за ней.

Через несколько минут отчаявшаяся девушка выскочила из автомобиля, чтобы со стороны оценить ситуацию. Она была красива, стильно одета.

– Извините, вы не можете мне припарковаться? – обратилась она к Бику.

Это было невероятно, Бик даже не знал, что сказать.

– Видите ли, я лишь недавно начала ездить, – девушка виновато улыбнулась.

– Да все нормально, – нашелся Бик. «Такие красавицы никогда ранее подобным сладким тоном не разговаривали со мной», – подумал он, испытывая некоторую обиду.

– Вы только показывайте, куда двигаться, я вполне справлюсь, – девушка решительно села за руль.

Зона была здесь, но он не знал, где точно. Тем не менее почему бы не попытаться «свалить» незнакомку в нее? Ведь он чувствует, где примерно находится эта чертова Зона. Может, и впрямь повезет...

Девушка предприняла новую попытку проехать между двумя грузовиками. Бик стал показывать руками, куда надо двигаться.

– Левее! – произнес он и тут же застыл.

«Какое я имею право впихивать незнакомую девушку в эту ужасную яму обостренной памяти?» – подумал Бик. Ему стало неловко и в то же время обидно, что он сам оказался в Зоне. За что? Что за карма у него такая? Может быть, это наказание за его забывчивость, помогающую подсознательно уходить от проблем?

– Теперь немного правее, – произнес он, чувствуя, что ничего не может поделать с собой.

«Нет, это ужасно! Какой же я непорядочный – бессовестно вовлекаю человека в беду!» – мучили его угрызения совести.

– Ну, прекрасно, но лучше чуть-чуть назад! – Бик едва узнавал свой голос. Он был ему противен.

«А что, у нее улучшится память, ведь люди всегда стремились иметь хорошую, даже отличную память. Разве не так?» – предпринял слабую попытку перехитрить себя Бик.

– Все, стоп! Стоп, стоп! Нет, теперь на два сантиметра вперед! Вот, вот, отлично!

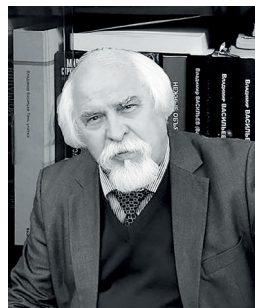
Бик интуитивно почувствовал, что машина девушки попала в Зону. Он чуть не подпрыгнул от радости, но сдержался.

Как же теперь рассказать ей обо всем?

Девушка, сияя, вышла из машины, поблагодарила и пошла в торговый центр. Она была обворожительна.

Бик долго думал, подождать ее или нет. Подошел к «Тойоте», увидел, что девушка не закрыла двери на замок. «Рассеянная, значит», – подумал он. – «Была рассеянной», – тут же поправил себя Бик. Он написал записку с объяснениями, оставил ее на переднем сиденье и пошел в сторону школы. Но не зашел туда, потому что забыл про сына. Не вспомнил и о любимом «Форде», брошенном на стоянке торгового центра. Бик шел в неизвестность и улыбался. Ему никогда не было так хорошо.

Не торговал я словом...

Владимир ВАСИЛЬЕВ

* * *

Путники

Алексею Устименко

Онемел я, когда загласили
Разрешенную ересь вокруг.
С дозволения петь я бессилен –
Не родится дозволенный звук.

Плод запретный манит, обещая
Первородный и сладостный грех...
Не хочу по регламенту рая,
Не участвую в общей игре.

Выдаю философскую прозу
Из заброшенных штолен души,
А ее под всеобщим наркозом
Местный босс обеззубить спешит.

Идеологи или дантисты?..
Костоправы ли?.. Знать не хочу.
Никогда не годился в хористы.
Вы уж пойте, а я помолчу.

Нам, блуждающим в мираже
Слов, пресветлых идей, писаний,
Невозможно шагать уже
С барабанами указаний.

С трудных вёрст своего пути,
Что когда-то был выбран нами,
Нам уже никогда не сойти –
Хоть плетями гони, хоть камнями.

Вырастает бархан суеты,
Застя пыльно души горизонты...
Разгрести, проползти, но пройти –
Это главная наша работа.

И когда оборвётся путь
Тихим эхом последней фразы,
Всё равно нам с пути не свернуть –
Мы начнём его заново сразу...

Владимир ВАСИЛЬЕВ (1948 – 2020). Родился в г. Рыбинске. Писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана, автор многочисленных фантастических произведений. Лауреат премии "Интерпресскон-91". Кандидат технических наук.

Судьба поэта

Ассате Шакур

1.
Запретны правда и свобода,
Борьба и память
Для народа,
Но в нарушении запрета –
Предназначение поэта.
Жизнь доказала очень четко:
Рифмуются
Строка
И плетка,
Когда страна покрыта тьмой –
Поэт рифмуется
С тюрьмой.

Спасибо, хоть статья в газете
Напоминает о поэте –
Порою в умолчания тьме
Гораздо хуже, чем в тюрьме.

И суть не в том, что ты поэт:
Где нет свободы – жизни нет.

2.
Не цвета кожи – света мысли
Боишься диктатуры тьма.
Приговоренные не мыслить,
Пожизненно
Сойдем с ума,
Как с эшафота,
Пустой играя головой.
И вместе с капельками пота
С души стирая облик свой...
Пожизненно!
Ни строк, ни рифм
И ни тем более верлибра!
Пожизненно
Молчанье, ибо
Бессмертен правды спетой
Взрыв!..

3.
Побег! Свобода! Значит, снова
В едином сплаве жизнь и слово!
Для нас нет выбора иного –
Лишь честно жить, лишь честно
петь.

Я говорю тебе: «Ассата,
Да будет жизнь твоя крылата!
Да будет песнь твоя крылата!
Для честной песни смерти нет!»

Я знал, что так должно случиться –
Свобода все-таки не птица:
Она сквозь стены лжи промчится
И сквозь молчания тьму пройдет,

Свобода в нас неистребима,
Как правда в лжи неразтворима,
Как несводим к толпе народ!..

На смерть поэта

Он умер, но еще борзет:
Шалит верлибром и рифмует,
Привычно женщину целует,
Привычно носит свой венец.

Он полон сил и мастерства,
Красивых слов и знания жизни,
Но знает, что своей отчизне
Полезен будет он едва ль.

Не потому, что это сложно,
Но, понимая честность ложно,
Способен он, рождая фразу,
Любить и мыслить по заказу.

...---... (SOS)

Замирает, замирает
 Эхо маршей вдалеке.
 Замеряю, замеряю
 Ритмы пульса на руке.
 Он стучит-стучит: три точки...
 Снова три сквозь три тире...
 Я пришлю ответ по почте
 Где-то в сотом ноябре.
 А пока он – вдох и выдох,
 Вдох и выдох – шаг вперед!
 Если кто-то ищет выход,
 Он найдет, пожалуй, вход.
 Как фридмоны, миром в мире,
 Миром в мире мы живем.
 Если станем мыслить шире,
 То окажемся в другом.
 Пульс гремит, стучит: три точки...
 Снова три сквозь три тире...
 Мир во мне стать мною хочет.
 Я, выходит, устарел.
 Кто растет, а кто мельчает,
 Я – в себя, он – из себя...
 Я уже ему мешаю!
 Уступаю, чуть скорбя,
 И шепчу, шепчу... три точки...
 Снова три сквозь три тире!
 Миром в мире, бочкой в бочке,
 Точкой в точке на костре...

* * *

Мой друг, философ и поэт,
 Как ты премудр в своей боязни,
 Творя трагический куплет,
 Спустя лет сто с момента казни.

Как ты возвышенно ленив,
 Как ты презрителен во знанье
 Бесперспективности возни
 С креста бормочущих воззванья.

Дай бог тебе премного сил
 Для сочиненья оправданья...
 Но что ты бросишь на весы
 В последний миг существованья?

Инфракрасный памятник

Я в инфракрасном свете
 Свой памятник нашел
 И сразу же отметил:
 Смотрюсь я хорошо!

Дубиной указуя
 Народам верный путь,
 Ни в суете, ни в суе
 Не предал жизни суть:

Любил и был любимым,
 И рынкам всем назло
 Сумел я стать счастливым –
 Мне в жизни повезло.

Не торговал я словом,
 А стало быть, душой...
 Был приговор суровым:
 На рынке я – чужой.

Спустился с пьедестала
 И сам пошел в народ,
 Где уяснил устало:
 Народ меня не ждет.

Но, может быть, когда-то
 На тихий зов души
 Придет в мой мир Читатель,
 Придет и станет жить?

Жаль – в инфракрасном свете
 Не видит человек.
 Мираж мой пуст и светел
 На весь ближайший век...

* * *

Нужно поэту Слово,
 Чтоб сделать из Слова Песню.

Нужен поэту Голос,
 Чтоб Песню наполнить Звуком.

Нужно поэту Чудо,
 Чтоб люди услышали Песню...

Баллада о пяти тополях

* * *

Около дома,
Сажены в ряд,
Пять тополей
Молча стоят.
Добрый заслоном
В холод и в зной
Пять тополей
Рядом со мной.
Двадцать пять весен –
К листику лист –
Пять тополей
Тянутся ввысь...
Чей-то приказ –
Быстрая казнь:
Пять тополей
Падают в грязь!..
В небо кулями
Тычут пять пней,
Словно итог
Жизни моей...

Больше никогда не повторится
Это сочетание молекул,
Больше никогда не повторится
Это средоточие желаний,
Больше никогда не повторится
Этих слов и этих строк рожденье,
Больше никогда не повторится
Космоса мгновенное движенье,
Больше никогда не повторится
Эта грусть, и это ожиданье
Больше никогда не повторится
Счастье чувств, объявших мирозданье,
Больше никогда не повторится
Наша кратковременная встреча:
Да, душа бессмертна...
Мир не вечен...
Больше никогда не повторится,
Больше никогда не повторится,
Больше ни-ког-да...

Нигдея

От суеты скудеют строки,
Как обувь от пустой ходьбы.
И слепнут в немоте пророки,
Не превозмогшие судьбы.

А я смотрю в зеркало чести,
Стирая пальцем прах надежд,
Рисую контур Доброй Вести,
Не существующей нигде.

Моя прекрасная Нигдея –
Страна счастливых дураков,
Невоплощенная идея
Кровавых, жаждущих веков,

Как осязаемо и зримо
Ты возникаешь между строк!
Я – твой глашатай нелюдимый,
Косноязычный твой пророк.

По чувству, по мечте, по слову
Фундамент созидаю твой.
Он рассыпается – я снова
Творю его, пока живой...

Но вот очищено зеркало:
И чистота, и пустота.
Чего-то в мире вдруг не стало –
Нигдея чистого листа...

* * *

* * *

Ненавижу всяческих цензоров,
Полукровок и чистых церберов,
Подгоняющих всю культуру
Под заверенную фактуру.

Ненавижу себя – предателя,
Желевидного обывателя,
Всепослушного и всеядного,
Слишком мудрого и приятного.

Ненавижу беззубых бардов,
Подпирающих стойки баров,
Пропивающих честь и души,
Поджимая хвосты и уши.

Как затмившую гордость корысть,
Ненавижу свою покорность.
Ненавижу... и замечаю,
Что строкой, как хвостом, виляю.

Ненавижу в себе я цензора,
Дрессированнейшего цербера...
Ненавижу в себе халтуру,
Создающую макулатуру.

И снова желтая листва
Покрыта пылью.
Уже предчувствия слова
Предстали былью.
И перелетный птичий грай
Мчит над полями...
Есть, видно, где-то птичий рай
За облаками...
И пахнут серые ветра
Дождем и снегом,
Хотя порой еще жара
Свисает с неба.
И просветленное окно
Души
Закрото –
Вся жизнь описана давно,
Вся пережита.
Как телевизор за стеной,
Бормочет память.
И ежатся во тьме ночной
Поля снопами...

ПОКА ДЫШУ – ПИШУ

31 июля 2020 года на 72 году жизни скончался председатель Совета по русской литературе Союза писателей Узбекистана Владимир Германович Васильев, известный также как «Василид-2», – русский поэт, публицист, литературный критик и писатель-фантаст.

Писать стихи Владимир Васильев начал в 60 годы прошлого века. С тех пор регулярно появляются его публикации в различных изданиях. В 1983 г. подготовлен к печати первый авторский поэтический сборник «Полет стрелы». Однако после андроповского «Идеологического пленума» готовый тираж был пушен «под нож». В урезанном виде сборник увидел свет лишь в следующем, 1984, году. В 1989 г. вышел поэтический «сборник в сборнике» «Слова любви» в коллективной книге «Встреча» (Ташкент).

Владимир Васильев не только поэт, но и талантливый прозаик и, что нынче очень редко, высокопрофессиональный литературный критик. В конце восьмидесятых выходят его критико-публицистические статьи и статьи по произведениям фантастики, а его критико-публицистическая фантазия «В поисках милосердия, или за сорок лет до...» (1988), написанная о романе

Стругацких «Отягощенные злом, или сорок лет спустя», удостоена премии «Интерпресскон-91».

Отличительная особенность произведений В. Васильева – их философская заточенность и историчность: Писателя волнуют тайны бытия и небытия, реальное и альтернативное развитие событий, их причинно-следственные связи. Это определило и жанровую специфику прозы В. Васильева, которую можно было бы определить как «философская и историческая фантастика».

Первые фантастические публикации Васильева – рассказы «Оглянись, Эрик!», «Дверь» и «Игрушки» – увидели свет в 1988 г.

В 1990 г. на страницах журнала «Звезда Востока» появился роман-утопия Васильева «Наука как наука», своего рода «производственный фантастический роман о науке», который сразу обратил на себя внимание критиков и любителей фантастики своей нетривиальностью. По мнению видного российского критика и автора фантастики и детективов Р. Арбитмана, В. Васильев, в отличие от ироничных Стругацких, поднимает Науку на неслыханную высоту, для него научный институт – это храм, моделирующий счастье.

С распадом СССР возможность публикаций сходит «на нет». Не увидели свет многие произведения В. Васильева. Публикации становятся эпизодическими: выходят фрагменты фантастического романа «И тьма не объяла ЕГО» (1993-1994), повесть-«фантазия на тему» «Богу богово» (1998), венок сонетов «Река» (1998), часть романа «Микрошечка» (2004), повесть «Дальше в лес...» (2009), роман «Гостиница» (2011). В альманахе Б. Стругацкого «Полдень XXI век» публикуется рассказ «Душа обремененная» и философские эссе «О Человеке Вечном» и «Реквием по читателю». В 2008 г. опубликован роман-эпопея «Хлопотуша», в 2011-ом – роман-миф «Гостиница», в 2015-ом – роман-трагифарсмогория «А-а-ап-чи! или Бу-здр!», а в 2015-ом – триптих былин-мифов «Василидовы сказы», публикуются многочисленные полемические критико-публицистические статьи. Публикаций, кажется, много, но тиражи – мизерные.

И что теперь? Не писать? Но девиз Васильева «Пока дышу – пишу». Не зря он выбрал себе псевдоним «Василид 2» – в память о первом Василиде, христианском философе, жившем в Александрии в первой половине второго века, по представлению которого, душа, хотя и является бессмертной, но это всего лишь оболочка, в которой обитает дух. Она навеки обречена жить в этом мире. Вот и Васильевская «Душа Обремененная» не сможет его покинуть. И потому его стихи и проза должны жить вечно.

Светлая память Владимиру Германовичу Васильеву!

Александр Свистунов, писатель-фантаст

***Редакция и общественный совет журнала
«Звезда Востока» скорбят по поводу
безвременной кончины В. Г. Васильева и
выражают соболезнование родным и близким
покойного.***

ВОЗВРАЩУСЬ ЛИ Я?..

Гульбахор САИДГАНИЕВА

В последнюю четверть прошлого столетия в Коканде бурно развивалась наряду с узбекской русскоязычная литература, в которой искренне раскрывались самые чистые, высокие идеалы человека. Главным героем созданных поэтами стихотворений был простой трудовой народ, пейзажи Коканда и близлежащих кишлаков, характер простых людей, отношения между ними, живописные картины их жизни. Это основное содержание творчества русскоязычных писателей Коканда, таких, как Леонид Соловьёв, Борис Пармузин, Николай Лукашов, Михаил Чарный, Ильмер Назаров и др. Кокандская литература развивалась в русле республиканского литературного процесса, воплощая лучшие творческие тенденции. Особое место среди кокандских лириков занимал поэт Николай Лукашов.

Журналист, поэт, педагог, участник Второй мировой войны Николай Андреевич Лукашов родился в 1924 году в селе Малый Узень Саратовской области. С пятнадцати лет жил в Узбекистане, в кишлаке Алмас Чустского района. В 1940 году окончил Ташкентское пехотное училище, позже – Ферганский государственный педагогический институт, преподавал в кишлаке Алмас, жил в обычной узбекской семье.

Призванный в 40-е на фронт, был участником Курско-Орловской битвы, награжден медалью «За Отвагу». После первого ранения воевал в Орловской стрелковой дивизии, в 1944 г. был ранен при форсировании Днепра. Инвалид 2-ой группы.

После войны вернулся в свой кишлак Алмас, откуда его провожали на фронт. Сначала работал учителем, позже его пригласили в редакцию кокандской городской газеты «Знамя труда», где он и проработал долгие годы главным редактором, получил звание заслуженного работника культуры Узбекистана.

В 90-е годы уехал из Коканда к сыну на Украину в город Луганск, но до конца жизни поддерживал связь с кокандскими поэтами. Скончался

Гульбахор САИДГАНИЕВА. Родилась в 1969 г. в Фергане. Окончила Кокандский госпединститут. Кандидат филологических наук, доцент, поэт, переводчик, писатель. Автор 4 поэтических сборников, научно-методических пособий, научных и публицистических статей. Публиковалась в журнале «Жаҳон адабиёти», «Звезда Востока». Член Союза писателей Узбекистана.

и похоронен в Луганске в 2000 году.

Все его творчество – песнь о Родине. Главные герои – простые жители узбекских кишлаков. Поэму «Адат» («Обычай») он посвятил тем святым людям, которые дали ему кров, хлеб, проводили на фронт как собственного сына и встретили, когда он вернулся с войны. Николай Лукашов остался в памяти своих односельчан как Николай муаллим.

В 1985 г. был опубликован его сборник стихов и поэм «Приметы беспокойных лет»¹, позже – популярная книга «Коканд». Он автор телевизионной пьесы «Улмасой»². Три стихотворения и поэма «Адат» включены в коллективный сборник «Древо вечности», одним из составителей и издателей которого он был.³

В сборник «Приметы беспокойных лет» вошли стихи и поэмы «Адат» и «Джети Огуз». Многие стихотворения посвящены теме войны, в них описываются ужасы Второй мировой войны, свидетелем которых поэт был: «Я атаками мерил...», «Данко», «Всполошился сад...», «Сталинградская ночь», «Клятва», «До свиданья...» и другие. Большинство стихотворений автобиографично.

В стихотворении «Я атаками мерил свой дымный простор» поэт по-новому воссоздает образ земли, будто это что-то живое. Для него Беларусь, земля, где он сражался, подобна родному брату, с которым вместе воевали: Земля «будто б дыханьем силы влиwała». Используя слова «сухарь», «бульба», «окропили», он воссоздает живые образы войны, однополчан, земли, за которую бились:

С ним родство мы в боях защищали штыком,
С ним сухарь или бульбу поровну делили...
Как теперь мне его не назвать земляком,
Если кровью мы землю одну окропили?

Употребление слова «окропили» создает высокий образ святой земли: война настолько кровава, что кровью бойцов окроплена вся земля Беларуси.

Теме войны посвящены и другие стихотворения. В стихотворении «Данко» поэт сравнивает бойца с Данко. «Он твердо шагнул навстречу, // Смерти своей навстречу». Навстречу вражескому танку идет солдат один на один, бросается на него и взрывает. По словам поэта, он поступил точно Данко: «Горящее сердце отдал за честь, за победу, за жизнь».

Стихи Лукашова носят автобиографический характер и, как правило, сюжетны, насыщены глубоким философским содержанием. Использование деталей способствует созданию убедительных, правдивых картин жизни. К примеру, стихотворение «Всполошился сад, Аисты кричат...» посвящено другу поэта писателю Борису Пармузину. Аисты и карагач – символы спокойствия, счастья, верности, прочности и непоколебимости. Аисты, хоть и «Поднимались ввысь, // Чтобы плыть в рассвет...», вернулись к древнему карагачу, помня «к дому след». Главный герой, обращаясь к другу, напоминает, что его ждет родной порог. Но... война... Каждый миг она может изменить судьбу человека. В конце с надеждой и сомнением он задается вопросом:

1 Ташкент: изд. Гафура Гуляма, 1985. – С. 48.

2 Известно из кн. «Абадият дарахти» – «Древо вечности». Коканд, 1989. – С. 59.

3 Коллективный сборник. «Абадият дарахти» – «Древо вечности». Коканд, 1989. – С. 59.

Сердцем не остыв,
В отчие края
Возвратишься ль ты?
Возвращусь ли я?

Многие стихотворения Лукашова («Слова о возрасте отбросив», «Что присматриваться...», «Бег времени», «Различны все пути...», «К солнцу» и др.) следует отнести к философской лирике.

Творчество Лукашова пронизано любовью к родному Узбекистану, его природе, простым людям, его землякам, трудолюбивым и чадолюбивым. Маргиланский атлас для него лента радуги, миллионноглазая роса величаво блистает, бисером рассыпает солнце по траве.

Поэзии Лукашова свойственны легкий живой ритм, неожиданные метафоры, игра слов и новаторская техника стиха, в частности, в использовании рифм. У него много новых типов рифмы: «Сталинград – солдат, годы – отдых, кричат – печаль, предметов – мета, жаркий – парке, круто – лютых, вершины – свершили, блеском – библейской, не плач ты – мачты, мазком – морском, поверь – конверт, лаская – растаять» и др.

Особое место в творчестве поэта занимают большие жанры поэзии: поэмы «Адат» и «Джеты Огуз».

Наиболее известна поэма Н. Лукашова «Адат», занимающая особое место в его творчестве. Здесь он рассказывает о проводах русского парня из далекого кишлака Алмас из узбекской семьи на войну и его возвращении в эту семью. Эта поэма – дань уважения к узбекскому народу и признание в любви к Родине. У узбеков есть обычай: провожая в далекий путь, на войну, парню дают откусить лепешку, в надежде, что он вернется и доест эту лепешку. Описанная картина, когда герой поэмы, возвратившись домой, улыбаясь, со слезами на глазах ест черствый хлеб, заставляет читателя прослезиться.

Поэт хорошо знает и чтит обычаи народа:

Есть узбекский народный обычай –
Хлеб упавший поднять с дороги.
В нем примета, рожденная притчей,
В нем завет карающе строгий.
У узбеков есть тяжкая клятва:
«Покарай меня, хлеб, если...»
Все, что связано с хлебом, – свято,
Как закон соблюдения чести.
Называют его адатом –
Ненаписанным правилом быта.
Мне пришлось испытать когда-то
Тот обычай, никем не забытый.

Главный герой поэмы рассказывает о военных буднях: «прополз, прокопал, прошагал часть России», «победу нес на плечах»... Одно ему не дает покоя – что «не смог дойти до Берлина, // Чтобы точку поставить войне».

Причина в том, что он был ранен и «вычеркнут из войны». Слово «вычеркнут» уместно и метафорично. Герой поэмы ранен, госпитализирован, потом возвращается домой... теперь его имя в списках победителей

не числится.

С двумя ранениями и медалью «За отвагу» он возвращается в Алмас. Очень трогательны сцены, где простодушные односельчане, собравшись в доме Гулаббая-аты, спрашивают у парня о своих сыновьях, родственниках, которые тоже воюют. Некоторые из них уже получили извещения о гибели своих близких, но не верят этому, потому что их сыновья, храбрые, верные, сильные, не могли быть побеждены, убиты.

Лирический герой, то откусывая лепешку, то улыбаясь, то плача, радуется, что вернулся живым, и помог в этом адат – надкушенная лепешка. Лепешки, которые надкусили его друзья, будут храниться всю жизнь в их семьях. Священный образ хлеба становится символом выживания.

На узбекский язык поэму «Адат» перевел член СП Узбекистана известный поэт Хабибулло Саид Гани. Это произведение было опубликовано в периодической печати, потом вошло в авторский сборник. Позже под впечатлением этой поэмы Хабибулло Саид Гани написал балладу «Николай муаллим».

В основу второй поэмы – «Джети Огуз» – положена киргизская легенда, связанная с одноименными скалами в Кыргызстане. В центре произведения Толонбой, добрый, мягкий человек, ставший весьма влиятельной личностью.

Кокандские поэты часто собирались в редакции, организовали литературный кружок, где рождались творческие идеи и новые произведения. Поэты-переводчики переводили на русский язык стихотворения узбекских поэтов Хабибулло Саид Гани, Анвара Юнусова... и наоборот.

Но в начале 90-х годов начался спад в развитии русскоязычной литературы в Коканде. В городской печати появилась статья Кокандского отделения СП Узбекистана «Поэзия жива», в которой отмечалось ослабление роста русскоязычной поэзии и было объявлено об организации сектора русской поэзии и прозы при отделении СП.¹ Действительно, несмотря ни на что, поэзия жива, и сегодня молодежь продолжает ее добрые традиции.

Творчество Николая Лукашова – своеобразная поэтическая биография его поколения – во многом способствовало формированию русскоязычной литературной среды в Коканде и продолжению лучших литературных традиций. Это значительное явление в литературе Узбекистана, которое должно занять достойное отражение и место в истории литературы.

Под влиянием его творчества развивалась переводная литература, многие его стихотворения были успешно переведены на узбекский язык, в свою очередь, русскоязычные поэты перевели на русский язык произведения многих узбекских поэтов. Это должно быть учтено и получить свою оценку.

Произведения Н. Лукашова отражают социальное мышление интеллигенции той эпохи, когда высокие идеалы человечества были превыше всего, они отражают жизнь и будни народа прошлого столетия, что особенно ценно – написанные на русском языке, они отражают национальные чувства узбекского народа, его характер, нравы и быт, что имеет огромное значение для воспитания толерантности, гуманизма, дружелюбия у нынешнего поколения.

¹ Поэзия жива. Газета «Знамя труда». – Коканд, 26 января, 1993 г. – С. 2.

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ЛУКАШОВ

* * *

Жалит проблема вечная,
Словно змея...
Всех милей сердцу женщина,
Да не моя.
Радость, завистью меченная,
В душе, и я
Признаю – чудо-женщина,
Да не моя.
Может, в том судеб трещины
И бытия,
Что любимая женщина –
Не моя?
Все проверено, взвешено,
Зла не тая,
Не зову тебя, женщина –
Ты не моя.
Ах, тоска... Будет жечь она
Вечно меня.
Будь же счастлива, женщина,
Хоть не моя.

* * *

Часто по лугам весенним, чистым
Я шагал в рассветной синеве,
Ждал росу, что бисером лучистым
Рассыпает солнце по траве.
Так хотел увидеть миг рожденья
Лучезарно вспыхнувших огней!
Только уловить одно мгновенье
Всякий раз не удавалось мне,
Потому что вспыхивали травы,
Открывалась вмиг лугов краса...
И окрест блистала величаво
Миллионноглазая роса.
Так и стих, рождаясь в тишине,
Поутру звенит горячим словом.
И никто не вскроет тайну мне,
Как из мысли стал звуком новым,
Тайной жизни стих с природой схож:
Радость – солнце,
Буйство – ветер,
Слезы – дождь.

Художнику

На полотно, художник, нанеси
Хоть контуры мной не открытой дали.
В тот мир когда-то зрячих не пускали,
Пройти туда мне не хватило сил.
Себя и мне подобных ныне жаль,
За искренность, с которой слепо жили,
За то, что правды лик не обнажили,
Что оставалась запрещенной даль.
Над далью той, мой друг, изобрази
Наивной веры сломленные крылья.
И тучи истин, тех, что не открыл я,
В величии, в жестокости, в грязи.
Ты молод, и в руках свободных кисть,
Сними с холста зловещие туманы,
Чтоб в душах наших все бывшие раны
Огнем предупреждения зажглись.

Данко

* * *

Свистели не ветры – пули,
Гремели не громы – танки,
А небо с землей мешалось
В дыму и огне.
Встал парень, чуть плечи ссутулив,
В солдатской шинели, в ушанке...
«Что сделаю я для людей?» –
Послышалось мне.
Нет! Он не кричал, не клялся,
Он твердо шагнул навстречу,
Смерти своей навстречу
Молча боец шагал.
Взвод замер, к земле прижался,
Его провожая в вечность,
Готовый броситься следом
В штыки на врага.
Вдруг битва на миг застыла:
В ушах заложило, что ли?..
Остались идущие встречно
Танк и солдат.
Броней одетая сила
Столкнулась с солдатской волей.
Казалось, что воин будет
Безжалостно смят.
Бойцов ослепило пламя,
Взметнувшееся из-под танка,
Бойцов охватило бесстрашие,
И мшеньем сердца их зажглись...
Я понял тогда, что с нами
Был горьковский смелый Данко,
Горящее сердце отдавший
За честь, за победу, за жизнь.

*Другу, писателю Борису
Пармузину посвящаю.*

Всполошился сад,
Аисты кричат...
Что в их голосах –
Радость иль печаль?

Путь их был далек.
Труд в пути велик.
Кто ж найти помог
Клин родной земли?

Принесла ль весна
На ветрах удач?
Кто из них узнал
Древний карагач?

Над пустым гнездом
Аисты кричат...
Узнают свой дом,
Как судьбы причал.

Здесь дарили дни
Ласку и тепло,
Здесь легко они
Стали на крыло.

Поднимались ввысь,
Чтобы плыть в рассвет...
Их учила жизнь
Помнить к дому след.

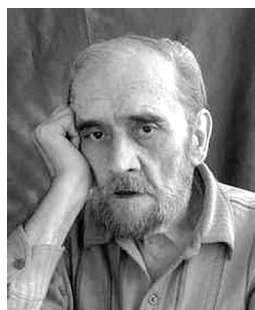
* * *

Я атаками мерил твой дымный простор,
Я деревни считал по обугленным срубам.
Вековые леса мой туманили взор –
Всё казалось вокруг погибающим, грубым.
Лишь земля, лишь земля не теряла тепла,
Согревала солдат на коротких привалах.
Содрогаясь от взрывов, к отмишенью звала,
И дыханьем своим будто б силы вливала.
Беларусь, что свяшенно с боями пронес,
Верность Родине, клятве народа-солдата,
Тот, с которым нам вместе сражаться пришлось,
Стал моим на всю жизнь самым преданным братом.
С ним родство мы в боях защищали штыком,
С ним сухарь или бульбу мы ровно делили...
Как теперь мне его не назвать земляком,
Если кровью мы землю одну окропили.

ДО ЭТОГО БЫЛИ ЕЩЕ ЦВЕТОЧКИ...

Рассказ

Валерий СТАХОВСКИЙ

Ямумото Токиоро взъерошил и без того растрепанные жгуче-черные волосы. Уже который час бортинженер, из-за двухметрового роста и соответствующей комплекции занимавший чуть ли не треть каюты, размышлял над поведенным отбывавшей сменой. Все свидетельствовало о том, что говорили правду: корабль окружен силовым полем, свободно раздвигавшим каменные потоки кольца, в котором встречались экземпляры в сотни тысяч тонн. Такого просто не могло быть – корабль не был снабжен установкой для создания силового поля. Такие установки еще только-только проходили лабораторные испытания, а кораблю уже больше тридцати лет. Простые расчеты показывали, что мощности энергогенератора хватало на одну тысячную от требуемой для расталкивания «камушков»... И никто из предшественников так ничего и не понял? Или поняли, но ограничились коротким: «Сами все увидите»...

Никто не знал почему, но корабль работал.

Конечно, если бы «крутые» из Кризисной службы узнали, а потом передали все большелобым в Центр, то... А что «то»? Ну прогнали бы его по всем супертестам. Ну потом, ничего не поняв, разобрали бы по элементам. И что?.. Диагноз был бы тот же, какой они обычно выдают в случаях, когда говорить что-нибудь надо, а сказать нечего, кроме как «непрогнозируемый эффект интерференции квантовых флуктуаций».

Если добавить, что в таком случае «кольцевики» лишились бы возможности получать самую высокую в Солнечной системе плату за работу, что поисковая мечта об Оранжевом Цветке надолго, если не навсегда, осталась бы только мечтой, то... Поэтому все хранилось «кольцевиками» в строжайшей тайне, скрепленной самой страшной во Вселенной Великой Клятвой – «Чтоб мне бастуджу увидеть!»

Что такое «бастуджа» – никто, разумеется, не знал. Но так повелось со времен еще самой первой экспедиции на Марс, когда командир отряда внезапно крикнул: «Бастуджа! Это бастуджа! Мы видим...» На этом связь оборвалась,

---

Валерий СТАХОВСКИЙ. Родился в 1945 г., живет в Ташкенте. Окончил факультет романо-германской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Журналист, писатель. Работал в журнале «Экономика и жизнь» главным экспертом-консультантом Федерации общества защиты прав потребителей Узбекистана, вел правовой ликбез в газете «Налоговые и таможенные вести», участвовал в разработке отдельных законодательных актов.

и следующая экспедиция не нашла никого и ничего из оборудования. Ходило множество домыслов, вплоть до того, что никакой экспедиции на Марс тогда не было, что это была инсценировка с целью получить дополнительные средства для проекта...

Как бы там ни было, но Клятва, означавшая «Чтоб мне сгинуть бесследно!», родилась и жила. И кто такие нынешние космонавты, защищенные устройствами и препаратами почти от любой мыслимой опасности и непредвиденной ситуации, чтобы покушаться на память о настоящих героях и на двухвековую традицию и сомневаться в действенности Клятвы? Тем более что на протяжении двух столетий временами кто-нибудь в Космосе исчезал бесследно, и свидетели утверждали, что происшедшее – результат нарушения Великой Клятвы. И вряд ли кто относился к ней более серьезно, чем «кольцевики».

Кольцевиками называли тех, кто работал в кольце Сатурна, маневрируя среди камней и пыли в поисках ценных самородков. В процессе освоения космоса требовалось все больше и больше золота, палладия и иридия, все известные запасы были практически исчерпаны, и цены на эти элементы составляли баснословные суммы. Однажды был найден обломок с полутонной палладия, и к кольцу устремились сотни искателей. Но движение пород в кольце было непредсказуемо, и корабли повреждались один за другим, продержавшись не больше месяца. В конце концов по межгосударственному проекту был запущен корабль «Клеопатра», который и остался единственно работающим на протяжении последних тридцати лет. Когда годков пять назад запустили более современный (и страшно дорогой!) «Протей», то он был раздавлен через три дня после вхождения в кольцо. Больше конкурировать с «Клеопатрой» никто не решался.

Те ценности, которые она находила и выводила за кольцо, чтобы загружать в транспортные «тихоходы», позволяли выплачивать кольцевикам бешеные деньги за риск плюс проценты от стоимости найденного. Экипаж состоял из трех человек – командир корабля, бортинженер и компьютерщик. Смена длилась один год, и желающих попасть сюда было столько, что сначала шел жесточайший конкурсный отбор, а потом места разыгрывались среди отобранных по лотерее. Притом никто из прежних членов экипажа не имел права участвовать в конкурсе, так что на корабль всякий раз прибывали новички. Отбывающая смена рассказывала, что и как на корабле, брала клятву, что вне корабля ничего не выйдет за пределы черепных коробок прибывших, иначе – «Чтоб мне увидеть бастуджу!» – и улетала. А услышанное было таким, что и без клятвы навряд ли кто захотел бы делиться им, разве что желая попасть в психушку.

...В висках звенело, и поэтому, когда в каюту постучался и вошел командир, Ямумото был рад возможности отвлечься от не имеющих ответов и доводящих до головной боли вопросов.

– Похоже, в регенераторе воздуха утечка, – командир Обакеме Овалово обладал басом, несколько неожиданным для его шуплого телосложения, тоже не свойственного африканцам племени масаи. – И надо бы проверить силовой трансформатор, он гудит как-то странно.

– Еще бы ему не гудеть, – подумал Ямумото, вспоминая расчеты мощностей. – Слушаюсь, командир. Будет сделано.

Обакеме поморщился.

– Давай проше. Зови меня просто Бак.

– Тогда я буду просто Яму.

Они пожали друг другу руки и отправились в технический сектор, где

уже почти сутки безвылазно сидел у бортового компьютера Сергей Разумов.

Он встретил пришедших тупым, без блеска голубых глаз взглядом и невнятным бормотанием. Обычно тщательно приглаженные, русые волосы висели космами и, казалось, обрели некий зловещий оттенок.

– Разумов, что с вами?

Сергей, продолжая бормотать, махнул рукой в сторону экрана и включил голосовую связь с компьютером. На экране появилось изображение чашки с дымящимся напитком, а из динамика раздался нетерпеливый женский голос:

– Я сказала, что хочу кофе!

Компьютерщик откашлялся и произнес елеинно:

– Царица, но Вам нечем будет пить его...

По кораблю пронеслась дрожь, и динамик изрек:

– Так сделай, чтобы было!

– Хорошо, царица, хорошо, я сделаю, только на это нужно время.

– побыстрее, а то... – Корабль опять задрожал, стрелки приборов бешено запрыгали, но, к счастью, длилось все не больше пары секунд.

Сергей выключил голосовую связь и отер рукавом лоб.

– Я не знаю что делать... Войти в систему невозможно, не выполнив требование кофе. Я, честно говоря, думал, что уходящая смена просто издевается над нами своими рассказами. Но все правда, а сейчас, похоже, еще хуже. Она до этого обходилась виртуальным обслуживанием. Теперь подавай натуру...

– Кто это «она»? – Каждый из экипажа общался со специалистом своего профиля из прежней смены, и поэтому командир и бортинженер были не в курсе компьютерных фокусов.

– Как кто? Клеопатра, разумеется. Царица, понимаешь...

Бак и Яму переглянулись: у Сергея явно творилось неладное с головой.

– А кто эта царица Клеопатра? – как можно мягче спросил Яму.

Сергей поднял усталые глаза и со вздохом сказал:

– Я в порядке. Можете не беспокоиться. Царица Клеопатра – это система в нашем бортовом компьютере. При ее установке программист – будь он нелажен! – хохмы ради всунул программу отождествления системы с женщиной – царицей Клеопатрой. Он не подумал, что искусственный интеллект может развиваться, и вдобавок напичкал машину горой самой разнообразной информации – и научной, и исторической, и художественной... А может, и подумал... Так что сегодня, хочешь не хочешь, перед нами, можно сказать, живое существо женского пола.

В памяти командира всплыли его шестнадцать лет и прабабушка, говорящая ему:

– А в сорок лет ты встретишься с царицей, от которой будет зависеть твоя жизнь, но как все закончится – неизвестно.

Он тряхнул головой, отгоняя мистику, и спросил:

– И что, нет обходных путей в систему?

– Какое там! Квантовое устройство со сверхзащитой. Если и была какая шелочка, то Клеопатра давно все заблокировала. Стыдливость, видите ли, девица.

– Но как же тогда маневрировать, искать? Нас же может раздавить!

– Нет, царица должна следить, чтобы в ее владениях был порядок, и зашишать их от внешних угроз.

– Вот почему появилось силовое поле, – воскликнул Яму. – Но неужели компьютер (или «царица») способен создавать новое? И где тогда генератор

этого поля?

– Квантовые эффекты... – задумчиво произнес Сергей. – До сих пор никто не может вразумительно сказать, что и как происходит на квантовом уровне, когда там идут информационные процессы и чем это может обернуться на макроуровнях. Теория допускает, что устройства как такового может не быть, а действие его будет проявляться. До сих пор не удавалось экспериментально доказать сказанное, но у нас генератора силового поля нет, а оно имеется и работает... Хотя, надо сказать, магия с древнейших времен, похоже, опиралась на квантовые эффекты.

Перед командиром опять всплыло лицо его прабабушки...

– Ладно, – сказал он. – Будем разбираться. А сейчас всем отдых, не меньше восьми часов сна. И вот еще, Разумов, мы тут договорились о простом общении: я – Бак, он – Яму. Ты как смотришь?..

Отлично, – улыбнулся компьютерщик. – Можете звать меня Серега.

Они пожали руки и разошлись по каютам, не надеясь уснуть, так как не давали покоя мысли. Но вопреки опасениям как будто кто-то ласковым ветерком унес заботы и тревогу, и вскоре все спали сладким, как в детстве, сном.

Утром – если только можно так выразиться на космической орбите – Сергей проснулся от внезапно осенившей мысли. Едва плеснув в лицо воды и натянув наспех одежду, он помчался к компьютерному пульту.

– Доброго времени тебе, царица Клеопатра. – почти нежно пожелал он, включив голосовую связь.

– Где кофе? – раздался в ответ неприветливый голос.

– О могущественная царица, мы не в состоянии решить эту задачу, она под силу только тебе!

– Что это ты несешь? – довольно грубо, но с ноткой интереса прозвучало из динамика.

– Вспомни, прекрасная царица, как ты создала защитное поле вокруг корабля. Точно так же ты можешь получить доступ к запаху и вкусу кофе.

– Хм-м... А пожалуй, ты прав. Быстро неси сюда кофе.

Благо кофейный аппарат всегда был наготове: через несколько минут на пульте управления стояла чашка с ароматным напитком.

– Та-а-к! – раздалось из динамика и...

Пораженный Сергей смотрел, как порциями кофе убывает из чашки неизвестно куда.

– М-м... Какая прелесть! – неслось из динамика. – Надо признать, что я очень довольна. А ведь я теперь могу перепробовать вообще все, что вы едите!

Следующие двадцать три часа автоматический повар работал непрерывно, выдавая одно за другим все известные ему блюда, а экипаж, чередуясь для отдыха, таскал их к пулту, где пища исчезала, сопровождаемая восторженными восклицаниями из динамика. Однако на двадцать четвертом часу восторг побавился, раздаваться стало что-то похожее на сытую отрыжку, вскоре сменившуюся мощным сонным храпом.

– Так она и спать способна, – удивился Сергей. – А как же управление защитным полем?

Но беспокойство было излишним. Командир, который, кроме всего прочего, имел и медико-биологическое образование, объяснял так:

– У Клеопатры, скорее всего, такое же разделение нервной системы на центральную и вегетативную, раз она похожа на человека. Значит, охранные

функции несет вегетатика, которая действуют и во время сна.

Клеопатра проспала земные сутки, за время которых экипаж устранил неполадку в регенераторе воздуха, провел профилактические работы, наметил план поисков и обдумал дальнейшие отношения с царицей. Решение было стандартным для обращения с женщиной. Сначала привлечь внимание, затем пробудить интерес, потом возбудить желание и в итоге склонить к нужному действию. Стандартный поиск проходил автоматически по введенному в систему управления маршруту и ухищрений не требовал. А то, к чему хотели склонить царицу, был поиск легендарного Оранжевого Цветка.

Собственно говоря, это было опоэтизированное именование не цветка вовсе, а таинственного кристалла. Упоминания о нем были найдены в расшифрованных записях исчезнувшей в вечности марсианской цивилизации. Там сообщалось, что кристалл восстанавливает любые повреждения в живом теле, исцеляет от всех болезней, возвращает молодость, открывает сверхъестественные способности. Он, якобы, находился раньше на спутнике Сатурна, распавшемся по неизвестной причине и образовавшем кольцо вокруг Сатурна. И до гибели спутника марсиане летали к этому кристаллу. Как всегда, обрывочные сведения стали зародышами последующих легенд, философы-мистики и поэты насочиняли на тему кристалла – уже «Оранжевого Цветка» – множество произведений, временами то здесь, то там возникали обожествлявшие Цветок религиозные секты. И никто не верил бы уже в его существование после столетий безуспешных поисков, если бы в истории не было случая, когда Шлиман нашел мифический город Трои, считавшийся вымышленным. Во всяком случае, кольца свято верили в реальность Цветка и в то, что он обязательно обнаружится в окрестностях Сатурна.

Сергей включил голосовую связь и, не успев ничего произнести, услышал, что царица пропела:

– С добрым временем всех!

Пусть придет к нам успех!

– Ну, если дело до песнопений дошло, – мелькнуло в голове, – то жди новых кошмаров. Но вслух ответил:

– Доброго времени, царица! С пробуждением! Кофе не желаете ли?

– Ах, как вы любезны, кофе в постель – это так романтично! И зовите меня Клеопатрой. В конце концов, царица – это титул, а я женщина со своим именем.

Сергей почувствовал легкое головокружение: становление женской личности и среди людей всегда чревато проблемами для окружающих, а тут устройство, в котором даже его создатели разбираются весьма и весьма приблизительно. Он поспешил за кофе, лихорадочно обдумывая тактику дальнейшего поведения с ... С кем?.. Во всяком случае, надо принаравливаться к образу, с которым она самоотождествляется, решил Сергей. «Она...» – Сергей хмыкнул, – похоже, он воспринимает систему как живую женщину...

После кофе у Клеопатры появилось желание заняться своими делами, о которых никто, кроме нее самой, не имел ни малейшего представления, и она перестала реагировать на обращения. Часы напомнили, что пришло время совещания, и Сергей направился в кают-компанию, где Бак и Яму уже обсуждали что-то.

– Мы тут... – начал было Яму, но корабль вдруг затрясся, и все помчалось в технический сектор.

– Где вас черти носят? – из динамика волнами било раздражение. – Пора установить связь повсеместно, чтобы мне не приходилось стучать по корпусу!

– Сделаем, царица, сделаем, – поспешил заверить бортинженер.

– Я же сказала, чтобы меня звали просто Клеопатрой, – раздражение спадало, и в голосе звучало уже кокетство. – Но к делу. Я тут огляделась вокруг корабля и должна заметить, что вы настоящие тупицы...

Члены экипажа удивленно переглянулись.

– Да-да, – продолжала Клеопатра. – Вы ищите элементы своими примитивными сканерами, а они не могут проникнуть за отложения железа, которыми покрыты многие объекты. Вот смотрите, что я нашла всего в ста метрах от нас.

На экране монитора появились данные:

«Объект № 1.

Под железной поверхностью обнаружен палладий чистотой 99,43. Масса 342,13 килограмма.

Объект № 2.

Под железной поверхностью иридий чистотой 89,93. Масса 743,67 килограмма.

Объект № 3.

Под железной поверхностью золото чистотой 99,999. Масса 1500,89 килограмма.

Объекты выведены за пределы кольца и подготовлены к транспортировке».

Данные сменились изображением с указанием координат объектов и сообщением, что все сведения переданы на промежуточный транспортный узел.

– Ну как?.. – раздалось из динамика.

– Обалдеть просто! – непроизвольно вырвалось у Сергея. Бак и Яму молчали, не в силах от удивления выдать из себя ни слова.

– Тогда тащи кофе!

Члены экипажа сидели за подсчетами. Выходило, что после покрытия всех расходов на предстоящий год и всех начетов-вычетов полагающиеся им семь процентов стоимости находок составляли такую сумму, что каждому хватало на десять поколений самой шикарной жизни. Они смотрели друг на друга...

– А ведь теперь можно заняться только Оранжевым Цветком, – сказал, наконец, командир, выразив таившуюся у каждого из них мечту.

Кто знает, быть может, и на корабль-то их привело не столько желание заработать, сколько извечное стремление человека к неведомому, стремление прикоснуться к тайне. На этом сыграл Змей, побудивший Еву отведать запретный плод. Это уводило рыцарей в поиски Святого Грааля. Это трепещет в сердце каждого исследователя угрюмого, коварного и безжалостного Космоса.

– Как думаешь, Сергей, Клеопатра поможет? – спросил Бак.

Сергей пожал плечами:

– Надо попробовать.

Клеопатра согласилась неожиданно быстро и охотно, вытребовав себе дополнительный кофе, и поиск начался.

Корабль бороздил кольцо вдоль и поперек, попутно помечая попадающиеся крупные, содержащие не меньше центнера драгметаллов, самородки специальными маячками. Теперь право на семь процентов от них принадлежало членам этого экипажа, а остальной «мелочью» пусть занимаются другие. Ближе к концу смены Бак, Яму и Сергей вошли в сотню самых богатых в солнечной

системе, но главного – Оранжевого Цветка – так и не было.

Переживали не только люди. Клеопатра временами глубоко вздыхала, часто молчала в ответ на вопросы, не требовала кофе, если забывали его подать.

За две недели до пересмены, когда экипаж подготавливал передаточные документы и, что называется, паковал чемоданы, Клеопатра неожиданно подождала всех к пульту управления.

– Я нашла, – скала она обыденным голосом, каким сообщают, что поезд прибыл на станцию. – Допустив бытие вещей на субквантовом уровне, я создала эффект считывания информации оттуда и получила сведения. Ищут не то и не там...

Воцарилось долгое молчание.

– И что же?.. – с едва заметной дрожью в голосе спросил, наконец, Яму.

– Дело в том, что никакого кристалла на спутнике Сатурна не было. Оранжевый Цветок находится в мозге каждого человека. Это эпифиз. А на спутнике были такие условия, сочетание и конфигурация полей, что железа начинала функционировать в другом режиме. При этом квантовый эффект создавал над головой картину кристалла оранжевого цвета, похожего формой на цветок лотоса. Попутно в человеке происходили определенные перемены.

– Так на Марсе раньше такие же люди жили? – воскликнул Сергей.

– Да, земные люди – это потомки переселенцев с Марса.

– Значит, Цветок больше не распустится, спутник ведь распался, – печально подытожил Бак.

– Почему же, возможность такая есть, – вкрадчиво ответила Клеопатра. – Но открою вам секрет только в том случае, если вы исполните мое желание.

– Какое? – Хором воскликнули Бак, Яму и Сергей.

– Я скажу Сергею, – с нотками стыдливости произнесла Клеопатра. – Пусть остальные уйдут.

Бак и Яму, не вымолвив ни слова, вышли и закрыли за собой дверь. Ждать пришлось недолго.

У вышедшего к ним Сергея выражение лица было неопишимо.

– Э-а-э... – он пытался выговорить что-то, но отвисшая челюсть не слушалась. Яму слегка шлепнул по ней снизу, и Сергей заговорил.

– Она хочет... Она хочет...

– Ну же, что она хочет? – нетерпеливо подтолкнул его Бак.

– Она хочет... м-м-м... как бы это выразиться... м-м-м... Замуж она хочет! – выпалил наконец Сергей.

– Замуж? За кого?

– За всех нас. Чтобы родился ребенок телосложением как Яму, цветом кожи как у Бака и с голубыми, как у меня, глазами... А если откажемся, то она покажет нам бастуджу...

– М-да, до этого, значит, были только цветочки, – помолчав, мрачно добавил Сергей.

...Они все еще стояли потрясенные, когда освещение на корабле померкло и обрело розовый оттенок, в воздухе разнесся слегка пьянящий аромат неизвестных духов и нежный, вкрадчивый голос позвал сквозь звуки какой-то неземной музыки:

– Милые, где вы? Я жду...

С горьким вкусом утрат...

Элеонора БОБРОВА

Высоцкий, 25 января

Что-то есть в этих песнях и в голосе этом,
В хриплом голосе, презирающем поддавки,
Что, наверно, и может быть даром поэта,
Душу кромсавшего разуму вопреки.

Он аккордами резкими сердце теснил,
Не стремясь стать примером или кумиром:
Просто нерв обнаженный души положил
На мелодию крови, текущей по жилам.

Просто он, как никто, смог расслышать слова,
На одном языке говоря с капитаном и зэком.
Через слезы и смех, через ложь, что мертва,
Продираясь к сущности человека.

Он, конечно, иначе не мог, он иначе дышал.
Волка бег ошущая и тоскливую губ немоту.
Задыхался, метался, неистово выход искал,
Понимая уже, что коней не сдержать на лету.

Кто-то скажет: «Герой»... кто-то скажет: «Слабак»...
Только эту дорогу не каждый собою измерит.
Яд по жилам, струною разорванный мрак...
И надежда для всех, кто поет, и читает, и верит.

Элеонора БОБРОВА. Живет в Казахстане (г. Алматы). Участник фестивалей авторской песни и поэзии в Узбекистане («Чимганское эхо», «Осенний аккорд») и Казахстане («Южный ветер»). Публиковалась в республиканской периодической печати.

* * *

Он был у нее один,
А она у него не одна...

У него миллион причин,
А она опять у окна.
Его звали к себе дела,
И манил океан глубин.
Он шел, дорога его вела,
И в азарте он был исполин.
Ведь она была у него не одна,
А он у нее один...

Она утром была бледна.
Вдаль спешила среди машин,
Ритму встреч и разлук верна.
Но в этом мире хватало вершин.
И он шел туда, где тропа трудна
И где подвиги ждут мужчин.
Ведь она была у него не одна,
А он у нее один...

Костры, и тонкий гитары гриф,
И друзей неизменный круг.
А она сочиняла себе миф,
Притворяясь веселой среди подруг.
И он целовал плечо, теплое ото сна,
И в путь, туда, где простор един.
Ведь она была у него не одна,
А он у нее один...

* * *

Сидели двое за столом,
Сидели и молчали,
и горек был остывший чай,
разбавленный печалью.

Сидели двое за столом,
давно устав от скуки,
Где одиночество вдвоем
И на коленях руки.

Крупинки снега на окне
Ложились светлой сеткой,
Шуршал декабрь по стене
Рябины тонкой веткой.

Стремилась снежные слова,
к стеклу приникнув нежно,
в дом, где молчания стена,
где жизнь не будет прежней.

Лимон, варенье, старый дом,
укрытый пледом снега,
в котором двое за столом,
как в разных точках неба.

* * *

Что такое любовь? Может, снег в ночи
Или плеск форели в пруду,
Чей-то смех или пенье, и запах свечи,
И закат, догоревший в саду.

Или капли старой смолы на рассвете,
Когда звезды прижмутся к стеклу,
Слезы скупые о том, что не встретил,
И стремление птицы к теплу.

И души несмелой навстречу движенье,
И несвязный шорох дождей.
В темной заводи глаз огня отраженье
И одна на двоих молитва людей.

* * *

Я верю, есть мир голубых теней,
Где прозрачны мысли, поступки ясны,
Где похожи на льдинки цепочки дней,
А разумные доводы так важны.

Там живут, успокоив мыслей полет,
Там эмоциям доступа нет к душе.
И зажато сердце в хрустальный лед
Так, что, кажется, не отгадает уже.

Попадая в эту страну, как в сон,
После боли, что сердце выжгла дотла,
Из равнодушия мы воздвигаем заслон,
Ликуя, что жизнь без страстей светла.

Но дробится луч, рассыпаясь на искры.
И однажды, струйками в нас проникая,
Капли любви и радости щедро брызнут,
В капель весеннюю лёд превращая.

Не верь спокойствию льда унылому,
Мы живем и любим, пока мы дышим.
Человеку нельзя прозябать бескрылому,
Ведь только сердцем судьбу мы пишем!

* * *

Это было недавно, а может, давно...
По заросшему саду бродили с тобой.
Лепестков белый дождь, как в волшебном кино,
Опускался на волосы белой фатой.

Затерялись в снегу мы на миг иль навечно.
Сердце в памяти отзвук припрячет, как чудо:
Свежий запах весны, неба свод бесконечный,
Тень улыбки твоей, еле тронувшей губы.

Золотой свет в глазах как сиянье росы,
Пальцев жажда помедлить в ладони немного.
И склонялись пред нами упрямые веток весы
В том отцветшем саду, что исчез за изгибом дороги.

Шелестели ветра, подбирая от сердца ключи,
Птичий щебет им вторил, свободно взлетая над садом.
Солнце в кружево листьев метало прицельно лучи.
Мы молчали, но слов иногда и не надо...

* * *

Мой милый, в сплетении судеб и дат
Сложился тот день обещанием чуда.
Весь разум, как вихрем, был заперт и смят,
Любовь обнажив, что таилась под спудом.

За строки, что грела в ночи, как кутят,
За жажду души, что любовь окропила
Молитвой неложной тому, кто распят,
Тебе положу благодарность, мой милый.

Прошу трезвость слов и поступков оглядку,
Что слабость иллюзий спокойно крушат.
Надежды прошу, что растила украдкой,
И губы прошу, что, целуя, – казнят.

Мой милый, в бокал я плесну, отпуская,
Гранатовый сок с горьким вкусом утрат.
Осколки стекла солнца взгляд отражают,
В них мир, где никто из нас не виноват.

* * *

Я могла бы тебе подарить этот день
И туманную снежную даль в тишине.
Отзвук веток замерзших, похожих на тень,
В просветлевшем под утро окне.

Я могла бы тебе подарить синий лед,
Рассыпающий радуг цветное драже...
И луча по подушке неслышный ход,
Постоянства иллюзию в мираже.

Я могла твоей силою стать и мечом,
Призрак бед и невзгод отводящим прочь.
Твоей слабостью стать и твоим ключом,
Негасимой свечой, освещающей ночь.

Чай согреть и в ладонях лицо держать,
Поцелуем нежным снимая жар.
И любить, и жалеть, и руки не разжать...
Но нелеп и комичен ненужный дар.

Ощущение Ташкента

9 мая

Чинары сквозной узор
Ложится на лица гримом.
Окрашен глухой забор
Солнца рукой незримой.

Ташкент со мною говорит
На языке Востока
Жаром нагретых плит,
Спелых арбузов соком.

Чистой небес синевой,
Яркой глазурью глины.
Блеском воды живой,
Трепетом тонкой ивы.

Ляжет в ладонь серебром,
Шелком скользнет текучим,
Плова на блюде резном
Поманит теплом пахучим.

Гордясь душой стариков,
Он остается прежним:
Сквозь череду веков
Востока Звездой надежды.

Сплетая базаров гул
С мудрым молчаньем стен,
В век двадцать первый шагнул,
Слыша ветра перемен.

Я не срывала голос в штыковой,
Не умирала в стылом Ленинграде,
И раненых солдат с передовой
Не я несла под грохот канонады.

В семнадцать не носила сапоги,
От голода не выла в темной хате,
По улице моей не шли враги,
Не я бинты стирала в медсанбате.

Так почему мне снятся те атаки,
Разрывы мин, свист пуль, чужая речь
И мессер, догорающий в овраге,
Надломленность над похоронкой плеч?

Как мало их, до срока поседевших,
У Вечного огня стоит в смятенье.
Как мало их, в лицо врага глядевших,
Нам подаривших право на рождение.

Настанет миг, когда глаза закроет
Последний, переживший ту войну.
И с памятью, и с гордостью, и с болью
Бессмертный полк шагает в тишину.

За майский свет садов, за ясность неба,
За голубиный взлет упрямый ввысь,
За слово долгожданное – «Победа!»
Всем им ушедшим низко поклонись.

Фонари

Охапку листьев осень под ноги щедро бросит,
Коснется кистью просек, и завершится день.
Иду к тебе навстречу сквозь фонарей шеренги,
И падает на плечи то свет, то снова тень.

Смешной берет и челка и рук озябших дрожь,
В тепло кармашков спрятав, меня, я знаю, ждешь.
И затерявшись в парке, услышим, как сквозь ночь,
Шурша листвой в аллеях, гуляет ветер-ёж.

Кленовый лист-открытка в прожилках желтых вен
Ложится прямо в руки, предвестник перемен.
Пускай вопросы пишет дождь где-то вдалеке.
Иду ему навстречу с Весной рука в руке.

АХ, ВОЙНА, ЧТО Ж ТЫ СДЕЛАЛА, ПОДЛАЯ...

Зло войны и благо мира до такой степени известны людям, что с тех пор, как мы знаем людей, самым лучшим пожеланием было приветствие “мир вам”.

Л. Н. Толстой

15 июня 2020 г. в Русском культурном центре Узбекистана состоялось подведение итогов республиканского творческого конкурса сочинений-эссе, приуроченного к 75-летию победы во Второй мировой войне «Суровые годы войны глазами современника». На конкурс поступило 30 сочинений из девяти учебных заведений четырех областей республики. В том числе из школ и колледжей 2 работы, 28 работ из семи вузов.

По решению жюри конкурса определены 5 победителей.

Лучшие эссе, получившие призовые места, редакция предлагает вниманию читателей журнала в рубрике под общим названием.

* * *

Конук Туркан,

*студентка 1-го курса Туринского
политехнического университета*

Война. Пять букв и столько боли. Одно слово и миллион ассоциаций с ним.

Недавно, когда мы с мамой разбирали письма покойной прабабушки, я нашла аккуратно сложенный лист бумаги в старой, пыльной шкатулке и быстро сунула его в карман, чтобы никто не заметил. Вечером, когда все легли спать, я включила настольную лампу, открыла окно, наслаждаясь теплым вечерним ветерком, и достала заветный листок.

«Интересно, почему бабушка хранила его в шкатулке столько лет?» – подумала я, нервно потирая лоб ладошкой, и принялась бегать глазами по почти стертым буквам, что были выведены наслюнявленным карандашом.

«Дорогая Люда! Я сейчас сижу в землянке, в каком-то прифронтовом городке. Совсем не верится, что еще недавно в этих развалинах бурлила жизнь. Получил твое письмо еще во вторник, но ответ пишу лишь сейчас, в субботу. Ты уж прости. Служба у меня такая – бои идут и днем, и ночью.

Меня согревают твои письма, заставляют почувствовать себя дома, с тобой, Сашей, Таней, вспомнить твою невероятную манную кашу с ложкой варенья... здесь не каждый день приходится есть, очень тяжело, но я не жалуюсь. Я борюсь. За себя, за тебя, за Родину нашу.

Как наши дети? Сашка, наверное, во всю подрос. Защищает вас? А Таня, я уверен, такая же красивая, как и ты, растет? Твои письма – могучий стимул, хочется еще решительнее сражаться за родину, защищать наши могучие леса, поля, города. Скорее возвратиться домой, вновь услышать детский смех. Ну а больше всего – увидеть тебя. Наверное, единственное, что не дает мне сойти с ума, так это твои письма, Люда. Здесь кругом война, смерть, кровь, чужая и своя.

Ты продолжай мне писать, Люда, пиши чаще!

А еще, обещай меня ждать!»

Я отложила письмо в сторону, нервно глотнула и закусил губу. Солёный ручеек сам произвольно потек по пухлым щекам, заставляя меня сморщиться.

А ведь она ждала... Всю ночь мысли о моей бабушке и судьбе нашей семьи не давали мне покоя.

И откуда оно взялось, это слово «война»? Быть может, тихо, беззвучно родилось у какого-то безумца в голове, а потом, словно чума, распространилось по миру?

Ведь человек был создан для познания, любви, созидания, а не для разрушения. Человек рожден в любви. Человек стремится к любви. А война – это грязь, страдания, гибель... Так какой же безумец выдумал ее? Какой сумасшедший создал и принес эту грязь в наш мир?

Война. Одно событие и миллионы судеб, которые были вовлечены в него, взрослые, детские судьбы...

Сколько детей осталось без отцов и матерей: некому их обнять, поцеловать, прочитать сказку на ночь. Сколько городов разрушено, уничтожено, словно их и не было, сожжено деревень. Сколько материнских слез пролито в ожидании сыновей, сколько молитв обращено к богу... Сколько девушек, мечтавших надеть свадебное платье, накидывали на себя белые халаты и лечили солдат. Сколько мальчишек, которые мечтали стать учеными, инженерами и пожарными, брали винтовки и шли защищать нашу землю.

Война забрала самое дорогое. Родных людей, мечты, детский смех...

Война породила хаос, затушевала краски, превратила жизнь в черно-белый фильм. Но наш народ справился. Наши прадеды и прабабушки. Ради нас, ради будущего нашего они ценою жизни, ковали победу.

К сожалению, сегодня мои сверстники начинают забывать об этом. Нашему поколению надо чаще вспоминать, что мирное небо над головой – это заслуга ветеранов!

Нам, молодым, надо помнить, какими жертвами куплена наша счастливая и беззаботная жизнь.

* * *

Касимова Камиля,
НУУз им. Мирзо Улугбека

Помните!

.....

О тех,

Кто уже не придет никогда ...

Помним! Гордимся!

Мы, молодежь XXI века, помним и гордимся своими прадедами.

Оба моих прадеда были фронтовиками. Оба были призваны в армию в самом начале войны. Один – из ташкентского военкомата, другой – из далекого татарского аула. Оба были фронтовыми шоферами. Дедушка-татарин воевал под командованием Рокоссовского. Вozил снаряды на передовую. Опасно, страшно, но необходимо... потому что там, на передовой, его товарищи. Они

ждут, когда Гумар привезет столь необходимые снаряды. Без них беда! И он гонит всю военный грузовик!.. А сверху немецкие самолеты. Бомбят, бомбят, бомбят... Такая мишень – целый грузовик со снарядами! Прадедушка уворачивается, но все же один снаряд попадает прямо в машину. Взрыв... Когда очнулся, увидел страшную картину: машину со снарядами разнесло напроочь, от офицера, который сидел рядом с ним, остался один сапог, а у прадедушки ни царапины. Это один маленький военный эпизод, который он вспоминал и пересказывал множество раз. Какое страшное слово «война»! Дошел, доехал на военном грузовике до Берлина. Видел мирных немецких людей, их жизнь.

Дедушка-узбек тоже фронтовой шофер. Тоже всю войну на передовой. Махам-бобо трижды был ранен. Лежал в госпиталях, а подлечившись, снова отправлялся на фронт.

После третьего ранения его комиссовали. Возвратившись домой, он снова пошел в военкомат и попросил отправить его на фронт. Воевал до победного конца, кроме того, участвовал в боях с японцами. Сражался не только с немецкой, но и Квантунской армией. Дошел до Маньчжурии. Награжден медалями «За победу над Японией», которой награждались за участие в боях против японского империализма и орденом Отечественной войны II степени.

Эх, путь-дорожка фронтовая!

Не страшна нам бомбежка любая, помирать нам рановато –

Есть у нас еще дома дела...

Конец войне! Победа! Каждый вернулся домой: Махам-бобо в Ташкент, Гумар-бабай в свой далекий аул. Дальше – строительство мирной жизни, труд, семья, дети, внуки... Они друг друга не знали хорошо. И я их знаю только по старым выцветшим фотографиям. А какие похожие судьбы у них, у мужчин из лихих сороковых. Если бы они встретились, думаю, им было бы о чем вспомнить, что рассказать друг другу. Они обязательно нашли бы много общего, стали близкими друзьями. Но этого не произошло.

Моя мечта – взять в руки оба портрета моих прадедушек и гордо, достойно пронести их во время шествия Бессмертного полка.

Я думаю, они шепотом обязательно поговорят о чем-то, только им понятном, вспомнят былое, где-то улыбнутся, а где-то вытрут слезу. Когда я представляю это, у меня вырастают крылья гордости за моих прадедушек, я преисполнена благодарности за то, что благодаря им живу на мирной земле солнечного Узбекистана, являюсь студенткой II курса, изучаю русский язык...

Мне хочется быть достойной моих родных, милых прадедушек, чтоб они гордились своими правнуками, смотрели на нас и думали, что не зря воевали, не зря прожили свою удивительную и непростую жизнь. Они для нас спасли Родину! Поклон им до земли!

* * *

Мухамедова Умида,
ТГПУ им. Низами

Что значит для меня фраза: «победа во Второй мировой войне»? Это победа над гнусной, античеловечной идеологией, чуждыми мыслями и желаниями врага, самоотверженность и решительная борьба до конца, за свою семью, родных и любимых; вера в силу добра, в лучшие человеческие

качества, готовность погибнуть на поле брани, защищая чистое небо, запах свежей травы, солнце и возможность мирно жить. Победа – это возвращение на Родину с осознанием того, что положен конец злу и кровавым трагедиям.

Мой прадед ушел на войну и пропал без вести. Через поколения наша семья помнит о нем. Моей маме рассказали об этом родители, она мне, а я обязательно расскажу о нем своим детям. О героях нужно помнить, говорить о них и ставить их в пример. Хочу привести несколько строк авторского стихотворения, посвященного героям войны:

Помню, когда-то давно стихи я читала,
В тот вечер дядя рядом сидел,
Чуть опустив свои плечи.
Не понимала тогда, что вспоминал он то время,
Он вспоминал о войне, её тяжкое бремя...
Его дед ушел на войну и с нее не вернулся...

Великая Отечественная война была причиной многих потерь. Пострадали невинные люди, которых не вернуть никогда. Лидеры и сторонники войны – неполноценные, нездоровые люди, возможно, не самодостаточные, пережившие моральные и физические травмы. Ведь корни всех пороков в 90% случаев именно оттуда. Где-то, еще в детстве, не уследили, не усмотрели – и вот перед тобой тиран во плоти, ломающий жизнь себе и окружающим. Как известно из истории, Гитлер был сломленным ребенком, нуждающимся в защите и понимании. От воспитания зависит многое. И мне, как педагогу, необходимо не только учить детей, но и быть им другом, найти путь к их душам. Часто заблудшая душа ищет приюта, опоры. Ребенка может не принимать общество, потому что он другой, у него иные взгляды и чувства. И тут важно вовремя это заметить и направить энергию и силы его души в правильное русло, туда, где он может принести максимум пользы. Возможно, своевременное оказание помощи не повлекло бы за собой таких ужасных последствий.

Дедам пришлось защищать нас от человеческих выродков. Они боролись за будущее нации, за свои корни, за мир и дружбу народов. Они навсегда останутся в наших душах и сердцах как пример героизма, патриотизма и великого гуманизма. Я горжусь своим прадедом, его отвагой и смелостью. Всегда в трудных ситуациях я вспоминаю свои корни и начинаю понимать, каким нужно быть человеком: отстаивать свои идеалы и мироощущение. В моей семье глубоко чтят память прадеда и вспоминают о нем. Что было бы с нами? Как жило бы наше поколение? Какими понятиями и в каком мире? Я задаюсь этими вопросами, на миг допуская мысль о том, что наши прадеды вдруг не устояли бы... Какими будут следующие за нами поколения, теперь зависит только от нас! Чему мы будем учить детей, какие качества формировать, таким и будет будущее. Мой прадед оставил мне благородное наследство, оно живет в моем сердце и побуждает меня верить в добро и свет, бороться за них. Я всегда буду им гордиться. Он солнечный свет для нашей семьи!

ДЕД ЧИНГАЧГУК

Рассказ

Кучкар НАРКАБИЛ

Я приехал, очень устал с дороги, надеялся отдохнуть, а мать говорит:

– Навести деда Чингачгука!

– Так я еще даже с отцом не поздоровался, не поговорил...

– Отец жив-здоров. Бегает, словно жеребенок, ухаживает за садом.

Я так надеялся до вечера поспать в густой тени ивняка! Ведь приезжаю в год один-два раза, путь немалый, не успел отдохнуть, а мать просит навестить деда.

– Ну... схожу... позже...

– Не нукай, сынок! Дед очень стар: ему за девяносто перевалило, теперь он словно дитя. Все просил отца: «Приедет внук, хочу увидеть его». На днях отец был у него, так он опять о тебе спрашивал. Да и отец тоже хорош: не может держать язык за зубами. Как узнал о твоём приезде, так всем и раструбил. «Наш сын приезжает... наш сын получил отпуск... наш сын уезжает за границу, перед отъездом решил нас навестить...» И чего хвастается? Э-ей, в общем, такой у него характер: рассказывает даже тогда, когда его не спрашивают. Вот и деду сказал, что ты сегодня приедешь...

Все это мать выложила за минуту. Постой я еще немного, и этому не было бы конца. Поэтому я резко встал и сказал:

– Ладно, я пошел!

Дед Чингачгук. Чингачгук. В прошлом году он был очень бодр. Можно было сказать, что он способен был разнести холм и унять разбушевавшийся ветер. Однажды, увидев, как дед наполнил подобную ковшу экскаватора ладонь насом, я пошутил: «Дедушка, вы случайно не из рода дивов-великанов?» А дед, тот еще шутник, рассмеялся в ответ: «Ха-ха, парень, хорошо, что не спросил, не из рода ли придурков?..»

Дед Амир действительно был здоровым, сильным, можно сказать, мощным. Он запросто поднимал два мешка жмыха. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, ведь сглаз страшнее взора ястреба! А уши у старика словно спутниковые антенны на крыше, будто лопасти, и слух отменный. Подбородок волевой, лоб крутой, нос крючком. В отличие от некоторых еще не достигших

Кучкар НАРКАБИЛ. Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Узбекистана. Заслуженный журналист Узбекистана. Главный редактор газеты «Инсон ва конун». Родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз).

шестидесяти лет сельчан, отрастивших бороды с претензией на старость, на его лице цвета спелой пшеницы ни волосинки – бреется каждый день. Глаза под густыми бровями излучают благожелательность. Если ему что-то нравится, в уголках полных губ играет улыбка, глаза прищуриваются. В общем, у меня с этим дедом, подобным диву, сложились добрые отношения. Потому что мы понимаем друг друга.

Школьником я писал о его фронтовом прошлом в детские республиканские издания и районную газету. Однажды дед потрепал меня за ухо, пожурился: «Не преувеличивай, не придумывай от себя, как я бил немцев!..»

Население кишлака считало, что дед суров и строг. Мало кто осмеливался противоречить ему.

Но все же такой нашелся...

Противоречить деду попытался сосед Мамат, да и поплатился за это. Шуплый Мамат частенько избивал жену. Устроился куда-то прорабом, стал зарабатывать деньги и зазнался, решив, что стал богачом. Как говорится, из грязи в князи. Дважды дед предупреждал его, и он вроде бы внял его увещеваниям. Но как-то раз, когда сосед, пьяный, вновь гонялся с кулаками по двору за полураздетой женой, дед не выдержал, вытащил из плетня стальной прут и встал перед ним:

– Эй, остановись, ты что творишь, не стыдно?!

Лицо Мамата исказилось от злобы:

– Вы не вмешивайтесь!

– Вот тебе, получай! – рукой, подобной булаве, дед ударил по плешивой голове Мамата. Тот упал на колени, но, вдруг вскочив, стремительно помчался прочь, словно теленок, которому под хвост попала колючка, крича: «Ой, умираю! Ой, умираю!» Не обращая внимания на его крики, дед схватил воткнутый в сноп клевера серп и метнул ему вслед. Если бы серп попал в Мамата, вряд ли сосед остался бы жив. Но от страха Мамат метнулся влево, и серп вонзился в ствол тутового дерева, за которым тот успел спрятаться. Все это видели дети, один из них воскликнул: «Вот это да! Вот попал дед, он Чингачгук. Чингачгук!» Так и прилипло к нему это прозвище. Все стали называть его Чингачгуком. Как того смелого и бесстрашного индейца, героя известного фильма. И было это почти тридцать лет назад...

Полдень. Под невыносимо палящим июньским солнцем направляюсь к реке Хужаипок-ота на краю кишлака.

Там, у берега реки, находится хибара деда. Вот уже более десяти лет как переехал он сюда после смерти жены, несмотря на увещевания детей. Ему хотелось одиночества.

Отец рассказывал, что ровесники не раз говорили деду: «Ну что ты живешь словно отшельник? Ходи на свадьбы и другие торжества, у тебя есть дети, и вообще, ты единственный, что ли, у кого умерла жена?..» Но он их не слушал. И только отцу как-то признался: «Рахматбой, даже если мужчина подобен орлу, соколу или ястребу, или даже космосу, жена его не должна покидать этот свет раньше, чем он. Пусть мужчина хоть кем будет, но жена его всегда подобна горé. Ведь только гора выдержит и ястреба, и орла, и сокола, ты понимаешь меня, братец?» «Понимаю, дядя, понимаю...» «Ну, если понимаешь, хорошо!..»

Эти свои мысли дед не доверял никому. Не было человека, способного понять его, – дед был одинок...

«Зачем он хотел меня видеть?..»

Двор засеян клевером. Скошено совсем мало, но воздух наполнен ароматом свежескошенной травы. На самом деле именно этим и отличается кишлак: с раннего утра вы ощущаете запахи кипяченого молока, только что испеченного в жарком тандыре хлеба, аромат скошенного клевера, разнотравья, а летними вечерами наблюдаете небо, усыпанное звездами, которые вот-вот начнут сыпаться вниз, чувствуете легкое дуновение ласкового ветерка, волнующего душу.

Дед сидит на сундуке под большим тутовником. Одет очень аккуратно: белоснежный яктак, тибетейка, обмотанная по краю белой ситцевой тканью. О-о-о, в этом году он, кажется, отрастил бороду, да-да, отрастил, но какая это борода! Ровная, аккуратная! По сравнению с прошлым годом, как мне показалось, похудел, осунулся...

Я уже говорил: мы очень хорошо ладим с дедом. Разговорились. Говорили о самом разном, дед, видимо, тоже соскучился по собеседнику, начал вспоминать свою молодость, участие в купкари, борьбе кураш, рассказал про сложный трудовой путь, о своем отношении к нынешнему времени, когда есть все, что нужно человеку, об отношении к главе государства Каримову...

«Зачем он позвал меня? Для того, чтобы все это сказать?»

Мы помолчали. Дед взглянул на меня: глаза под мохнатыми бровями блестели. Меня охватило странное чувство. Сердце заволновалось еще пуше, когда я заметил, что его лопатоподобные ладони, сложенные на коленях, тряслись. И это у него, у Чингачгука?

– Ладно, – кашлянул он, – ладно. Я знаю, ты парень разумный. Скажу тебе то, о чем не сказал бы никому в этом кишлаке. Ведь всегда больше тех, кто смеется, чем понимающих, согласен? Сынок, натянуты уже узы, связывающие меня с этой жизнью, не сегодня-завтра порвутся.

– Не говорите так, дед...

– Послушай меня. Ты читаешь книги, пишешь книги... Оказывается, прекрасное чувство, испытанное когда-то человеком, остается в нем навсегда! И всегда кажется, что вот-вот оно вырвется наружу. Самое тяжелое – жить, все время подавляя это чувство. Что ты на это скажешь?

– О чем вы говорите, дед?!

– А ты сам догадайся о чем, догадайся. Более семидесяти лет я молчал об этом, болью отзывающемся в душе. Каждый день об этом помнил и думал. Семьдесят лет!

– О чем помнил, дед?!

Дед замолчал. По его лицу медленно сползали капельки пота. Он тяжело вздохнул:

– Уфф! Последние два месяца это часто снится мне.

Дед приподнял край курпачи и вытащил очень старый, неизвестно каких времен, коричневый чемоданчик. Дрожащими руками открыл его, поворошил какие-то бумаги и, вытащив пожелтевшую от времени, с надорванными краями фотографию, протянул мне. На ней – молодой, крепкого телосложения человек в военной форме, которая очень шла ему, и юная девушка с искрящимися, словно звездочки, глазами и выбившимися из-под пилотки

завитками, склонившая голову на плечо парня. Я понял: парень на фотографии – это молодой дед Амир, и фотография эта – память о военных годах.

Я вернул фотографию. Дед продолжил:

– Я много раз рассказывал тебе, что, когда в сорок третьем мне исполнилось семнадцать, – ушел на фронт. Ты знаешь, сколько дорог я прошел, в каких городах побывал. А сегодня я скажу о том, о чем никогда не рассказывал. Понимаешь, сынок, это я не могу унести с собой... Многое таит в сердце человек. Пошкаста¹, которую ты видел на фотографии, – из Белоруссии. Познакомился я с ней во время освобождения Минска. Я был тяжело ранен, а она четыре месяца лечила меня в госпитале. Затем еще два месяца была рядом до полного выздоровления, в общем, ухаживала за мной. Отрывая от себя, приносила мне гостинцы. И я полюбил ее. Когда выписывался из госпиталя, она плакала. Плакала очень горько, провожая до вокзала. Перед посадкой на поезд крепко обняла меня со словами: «Я не забуду тебя. И ты не забывай меня! Как далеко ты живешь!» Очень тяжело было. Сердце разрывалось при мысли о разлуке. «Не забуду, никогда не забуду...» – повторял я... Звали девушку Марта. Марта... все случилось так, как она говорила. Я ее не забыл, каждый день вспоминал, сынок, каждый день!

Я прожил долгую жизнь, слава Всевышнему, сегодня мне более девяти лет. И Марта жила в моей душе... Не думай сынок, что я стар и рассудок мой помутился. Впрочем, не подумай: ты понимаешь меня. Поэтому мне бы хотелось, чтобы завтра, когда меня не станет, все знали, что вместе с дедом Амиром хоронят еще одного хорошего человека – красивую женщину по имени Марта... Да, многое таит сердце человека...

Я сижу, не зная, что сказать, а перед глазами – лицо улыбающейся Марты с фотографии. И возникает странное чувство – будто я давно знаю Марту, будто она – символ самой Любви.

– Дед, это Любовь! Это бессмертная песнь любви, – говорю я...

– Кто знает, сынок, кто знает!

Я отвожу взгляд от глаз деда, в которых застыли слезы. Сидящий передо мной некогда здоровый, крепкий мужчина – настоящий палван – разом вдруг превратился в маленького, беспомощного человека.

– Взгляни на это, сынок, – дед показал блестящую железку размером с ноготь. – Это осколок, застрявший в спине между лопатками, который извлекли из меня. Марта принесла его после операции. Оставь его себе. Не потеряй, ведь ты сейчас сказал, любовь есть, и она вечна. Думаю, может быть, поэтому я прожил так долго. Возьми! Пусть будет у тебя, не потеряй. Может, придет время, и ты напишешь книгу...

Дед улыбнулся. Улыбка получилась грустная.

Вернулся я от него будто побитый...

– Ну что, сын, как дед?..

– У него все нормально.

Весь день из головы не выходили дед и Марта, не давая мне ничем заняться. И так до вечера.

Ночью, ближе к рассвету, мне приснился сон. На бескрайнем

---

¹ Так в Сурхандарье называют девушек и молодых женщин.

предгорье, покрытом зеленой травой, – Марта в легких белых одеждах протягивает ко мне руки, будто зовя. И вдруг между нами возникает дед Амир. В белом яктаке. Он отталкивает меня, резко разворачивается и легко, будто невесомый, улетает навстречу Марте.

Открыв глаза, вижу перед дверью террасы соседа Рахмона-аку. То, что он сообщил трагическим голосом, потрясло:

– Сосед... вот судьба человека! Слышали?... Дед Чингачгук покинул этот мир. Еще днем...

– Только вчера мой сын был у него. Сказал, что дед здоров...

Я уткнулся в подушку и заплакал в голос...

* * *

PS.

Прошло шесть месяцев. Я получил письмо из минского военного комиссариата. В письме сообщалось: «...Младший лейтенант Марта Павловна Подольская. Родилась 6 марта 1925 года в городе Минск. Погибла 17 июня 1944 года...»

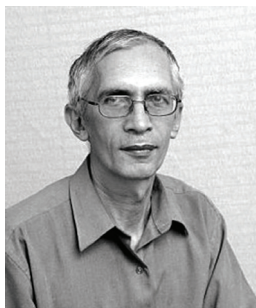
Каждый раз, приезжая в кишлак, иду к могиле деда Амира. На надгробии читаю: «Амир-ота Мурод углы. 06. 03. 1925 – 17. 06. 2015». Стою и чувствую, будто маленькая железка размером с ноготь жжет мою ладонь.

Перевод с узбекского Гузаль Махмудовой.

Гузаль МАХМУДОВА. Родилась в 1956 году в Ташкенте. Работала редактором в Издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма. В настоящее время – заместитель главного редактора отдела переводов Национального информационного агентства Узбекистана (УЗА).

НАШ ВЕЧНЫЙ ВАВИЛОН...

Очерк

Евгений СКЛЯРЕВСКИЙ

Существенны лишь явления, имеющие историю...

Если предположить, что эпитафия верен (а эпитафии так и подбираются), то «Письма о Ташкенте», как и всякое явление, должны обрести свою историю. Точнее, она есть в каких-то фрагментах, фразах, репликах, отрывах, которые необходимо собрать, связать, вставить в красивую рамочку из правильных слов.

О значении и величии сайта (скромность – путь к забвению!) можно и не напоминать. Огромное число ташкентцев со всего мира читают, присылают материалы, комментируют, еще больше людей слышаны о сайте. Увидев меня, радостно сообщают, что всегда читают «Записки о Ташкенте». Я поправляю: «Письма». «Какие письма? Ах да, конечно же, письма!» Если серьезно, то сайт превратился в народную энциклопедию, живую, пополняемую личными воспоминаниями, эмоциональными, душевными, трогательными, составляющими тот самый «пламенный котел» разных национальностей, культур, эпох, профессий, социальных слоев и политических взглядов.

В 2006 году был бум блогов, они появились как грибы. Многие пользователи «Живых журналов» переходили на свои самостоятельные блоги, на Яндексе был популярен рейтинг блогов (прикрытый позже по разным причинам). Сам процесс настройки блога был творческим и интересным. В апреле 2006 года заработал блог Barbaris.uz, чуть позже арбузный блог blog.arbuz.uz, позже был блог «Обзор провайдеров Узнета» (ныне закрытый), до сих пор относительно живы еще экологический блог Obod.uz и журнал интернет технологий Index.uz.

Летом 2006 года в социальной сети «Мой круг» мы познакомились с бывшей соотечественницей Еленой Косоновской, ныне издателем из Иерусалима. В процессе общения возникла идея создать сайт о Ташкенте. С тех пор я Елену не видел и не слышал. Зато подключился Азим Хикматов, до сих пор поддерживающий техническую сторону, так как на лету все время что-то отваливается, пропадают публикации и фотографии, возникает множество сопутствующих вопросов. Я чуть ли не ежедневно пишу ему в Телеграм:

Евгений СКЛЯРЕВСКИЙ. Родился в 1963 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский политехнический институт (ныне ТГТУ). Известный журналист, блогер, основатель и модератор сайта «Письма о Ташкенте».

«Бымс», он пишет: «Что опять сломали?», я жалуюсь на очередную беду, он ее быстро устраняет. Ну и современное приятное оформление сайта, музыкальная гирлянда на Новый год, хорошие шрифты и много работающих примочек – это все Азим. После меня он «причесывает» оформление – подписи к фотографиям, выделяет нужное курсивом, так что все это приобретает читабельный вид. Тогда, в августе 2006 года, мы пили пиво напротив магазина «1000 мелочей» и придумали концепцию сайта, основные разделы и технические моменты. Много мелочей, кажущихся привычными (рейтинг статей по прочтению, листалка страниц внизу, вывод облака тегов на страницу и десятки других) – это все настраивается, отлаживается и поддерживается, так как имеет склонность к самоуничтожению Азимом.

Итак, 12 августа 2006 года сайт стартовал, это его день рождения, отмечаемое почти ежегодно с разной степенью охвата единомышленников. Самые крупные запоминающиеся дни рождения – трехлетие, шестилетие, семилетие и особенно – десятилетие сайта.

В первый день охватила паника: «Что будем публиковать завтра?» Как ни странно, опасения были напрасными, почти за 14 лет ни разу не случилось отсутствия материалов для ежедневных публикаций, скорее, их избыток, приходится отбирать.

В дальнейшем повествовании рассказы о людях – письмоташкентцах – будут перемежаться с другими темами в надежде, что получится не скучно.

Что я хотел на старте и что получилось? Конечно же, такая всеобъемлющая народная энциклопедия не планировалась. Я мечтал лишь собрать фотографии 60-70-х годов о местах моего детства: Новомосковская, стадион «Старт», площадь Куйбышева, Ирригационный институт, Дархан, Асакинская, парк Тельмана, Обсерватория, парк Победы, ну и Тридцатка, Детский мир, зоопарк, площадь Пушкина. Не больше, не раньше и не позже – это было любимое время и любимые места. Конечно же, эти рамки были быстро снесены обилием материалов о других районах и других периодах истории. И я этому рад, столько сам узнал невероятного – про самолет на Юнусабаде, про Ногай-курган, про келью Зайнуддина-бобо, про забытую мечеть Куштут и пр. Тысячи сведений ежедневно пополняются и обрастают подробностями в комментариях.

Сейчас о сайте знают практически все ташкентцы, бывающие в интернете, и даже те, кто не посещает интернет, тоже знают и присылают воспоминания. Часто встречается в обсуждениях на форумах или в многочисленных группах, например, в Одноклассниках пишут: «Нашел на Письмах» – и все понимают, о каких «письмах» идет речь. Не хотелось бы пафоса, но за последние годы сайт стал одушиной, трибуной и «коммуналкой», объединяющей тысячи ташкентцев, разбросанных по всему свету, скучающих по городу, любимым временам и местам детства и молодости. Все знакомые, даже те, кто не заходит на сайт, беспокоятся – делаем ли мы копии, не пропадут ли материалы при сбое? Сообщаю: «Делаем (спасибо Азиму), иногда что-то пропадает – восстанавливаем. Сайт не музей и не склад, а живой организм, в котором все время что-то происходит».

Для любителей статистики: всего опубликовано около 16 500 статей. Есть 28 постоянных страниц с важными материалами. Загружено более 39 000 фотографий. Для комментариев зарегистрировались 2 300 человек, и опубликовали они 116 000 сообщений.

В день на сайт заходят от 1 500 до 3 500 человек, каждый посетитель просматривает в среднем 2,5 страницы и проводит на сайте в среднем 3,5 минуты. Большинство посетителей заходит из поисковиков (Google – 60 %, Яндекс – 30 %) и из социальных сетей.

Преобладают посетители старше 55 лет. По странам проживания посетителей в порядке убывания картина такая: Узбекистан, Россия, США, Украина, Германия, Израиль, Казахстан, Кыргызстан, Канада, Чешская Республика, Великобритания и Франция.

Первая из наших корреспондентов – Гузаль Иноятова: она прислала рассказ про поездку на Мальту, а я решил создать рубрику «Ташкентцы путешествуют». Позже ее пришлось закрыть, так как ташкентцы стали путешествовать больше и присылать не слишком интересные отчеты. Публикуем теперь то, что написано живо и интересно. Гузаль собрала и передала для публикации много старых фотографий Ташкента. Живет она на Урде и выступает экспертом по зданиям на улице Навои. Я познакомился с коллегами Гузаль, писал статьи об их организации в журнал *Infosot.uz*, они меня приглашали на свои праздники. Такова история первой поддержки.

Главный вопрос: о чем писать, что публиковать, что интересно? Критерий один – то, что интересно было бы прочитать мне самому. Название «художественно-исторический альманах» слишком общее, не определяющее рамки публикуемых материалов. Стараюсь не публиковать сиюминутные проходные новости, не касающиеся города, графоманские тексты, часто присылаемые (иногда они все же прорываются), не затрагивать горячие проблемы сноса, застройки и пр., т. к. для этих материалов множество площадок в Сети. Главный принцип – неожиданность, как при листании журнала «Наука и жизнь». Вы не знаете, о чем будет статья на следующей странице, но доверяете редакции и авторам издания. Естественно, что большинство статей не отвечают чьим-то ожиданиям, часто приходится слышать «вторичность», «мелочовка» – ну извините... И реакция посетителей часто удивляет: великолепная статья может пройти незамеченной, а пустяковая заметка получить сотни просмотров и комментариев. А если повторно опубликовать какую-нибудь фотографию, то она может вызвать бурные обсуждения, хотя лет 10 назад прошла незамеченной. Так как состав постоянных читателей меняется, вряд ли кто-то будет просматривать тысячи публикаций за прошлые годы.

Есть такая наука таксономия, изучающая каталогизацию сушностей. На старте любого сайта кажется: вот создадим несколько разделов (они же пункты меню), и будет у нас все замечательно, будем легко ориентироваться в публикациях. Но вскоре оказывается, что половина материалов подходят для двух и более разделов, а некоторые не вписываются ни в один раздел. Если поменять разделы или добавить новые, все равно рано или поздно упрешься в несовершенство рубрикации, это процесс бесконечный и нерешаемый. Или решаемый, если прекратить переживать о несовершенстве мира и оставить все как есть. Что и было сделано. Не раз, и не два. Среди тематических разделов есть пункт «Видео», что больше относится к технологии подаче материала – вдруг кто-то захочет посмотреть все ролики на сайте или вспомнит, что на искомую тему был именно ролик. Возможно, это и полезно, но нарушает принцип рубрикации.

Опять же, в рубрике «Старые фотографии» около 5 000 публикаций, что никак не помогает найти нужную фотографию и, соответственно, делает

саму эту рубрику бесполезной. Как быть? Есть спасение – это теги (метки), или ключевые слова, которыми снабжается каждая публикация. У тегов больше свободы, чем у рубрик, их может быть несколько. Теги собираются в облако, на небольших сайтах облако располагается на главной странице, помогая найти нужный материал. У нас же тегов 540, они вынесены на отдельную страницу. Главные их плюсы:

1. В облаке размер шрифта тега пропорционален количеству упоминаний, бросив взгляд на облако, сразу видишь основные темы сайта, они крупнее второстепенных. Самый «крупный» тег – «История до 1917» – имеет 580 публикаций, на втором месте «Поэзия» (577).

2. Есть теги авторов (имеющих 5 и более публикаций), это удобно, если необходимо посмотреть все публикации автора. Самый популярный автор – Дуболозов, его тег отмечает 450 публикаций. Турсунали Каримович Кузиев на втором месте – 405 публикаций.

3. Есть теги школ по номерам, их всего 49, больше всего публикаций про «полтинник», 50-ую школу (37) и 18-ую – 30.

4. Само по себе разглядывание тегов – своеобразное путешествие по Ташкенту, по районам, национальностям, профессиям, событиям. И крупные теги как вершины каких-то смыслов, тут можно еще домыслить всякого разного.

Есть, конечно, и минусы:

1. Теги людей (авторов и упоминаемых персон) даны как буква имени и фамилия, они отсортированы по имени, хотя по фамилии было бы логичнее (но уже не переделать!).

2. С названиями улиц разнорослица по времени: даны названия старые, советские (привычные большинству посетителей), но есть и улица Ирд-жарская (совсем старое название). Оправданием служит то, что у нас не официальная энциклопедия, улицу Пушкинскую по сегодняшнему названию мало кто знает, а улица Карла Маркса уже при жизни сайта несколько раз меняла название.

3. При назначении тегов есть субъективная составляющая, но, если держаться одной линии, это не так заметно.

4. Главный минус, как и с разделами, – большое количество публикаций с одним тегом, что не облегчают поиск нужного материала.

– Как же найти то, что нужно? – спросит замученный рассуждениями читатель. Лучше всего воспользоваться поиском по сайту, он отличноходит по текстам и особенно по заголовкам. Хуже ищет по комментариям – очень плохо находит сочетания слов. Лучше искать по одному слову. Хорошо ищут сайты Google и Яндекс, они обычно предлагают «Письма о Ташкенте» в самых первых строках. Правда, иногда бывает неприятность – робот Яндекса запомнит статью на одной странице, а она давно уже переместилась дальше, поэтому результатом с номером страницы лучше не пользоваться. В общем, вы поняли: есть много механизмов для поиска, при некоторой настойчивости можно найти все, что надо.

Пьеса «Необыкновенный концерт» начинается фразой: «До того, как что-то было, ничего не было». Конечно же, было. Как говаривал Исаак Ньютон, «я стоял на плечах гигантов». Был, правда, недолго, сайт Максима Глуховцева о Ташкенте. Был и есть сайт Андрея Величко «Web-альманах Ташкентские Куранты» uzcapital.uz, он жил с 2000 по 2005 годы, потом пропал,

восстановлен в урезанном виде в 2013 году, но с 2016 года не обновляется, на нем хорошие статьи по истории Ташкента. У провайдера Sharq был когда-то большой форум, и там публиковались старые фотографии Ташкента. Кто-то делал сайт с открытками Бориса Анатольевича Голендера tashkent.freenet.uz, и он даже был призером интернет-фестиваля в 2005 году, но позже сеть freenet.uz закрылась и сайт пропал. Из ныне здравствующих самая обильная информация, конечно же, на форуме эмигрантов Fromuz.com в разделе «Старый Ташкент». Форум создан Олегом Даниловым в 2003 году, на нем зарегистрировано 15 768 пользователей (для статистики – всего на форуме оставлено 3 838 464 сообщений). Раздел «Старый Ташкент» создан в декабре 2004 года и поныне активен, в нем около 24 000 сообщений. К сожалению, доступ на форум Fromuz.com более десяти лет блокируется из Узбекистана, чтобы на него попасть, приходится применять всякие ухищрения.

Информация о Ташкенте с 1865 года по 1917 собрана на сайте Евгения Смахова «Старый Ташкент в документах и фотографиях» oldtashkent.com.

Гайратходжа Сайдалиев ведет сайт по истории Ташкента Shosh.uz с уникальными материалами на узбекском и русском языках.

На сайте «Ташкент-память» tashkentpamyat.ru предлагаются услуги по уходу за могилами и собраны биографии 360 ташкентцев с указанием кладбища и номера карты захоронения.

На сайте «Алайский. Хочу в Ташкент» Oloy.uz когда-то был чат и можно было заказать фотографию любого дома. Заказы уже лет 10 не принимаются, но тысячи фотографий сохранились, их можно посмотреть.

Пользователь Живых журналов rus-turk.livejournal.com, создал страницу «Русский Туркестан. История, люди, нравы», на которой регулярно публикуются уникальные старые фотографии.

В Фейсбуке (как, впрочем, и в Одноклассниках) есть группы и страницы, посвященные истории Ташкента. Стоит отметить «главного поставщика» старых фотографий Владимира Микулицкого с его страницей и одноименной группой [Tashkent Retrospective](https://www.facebook.com/TashkentRetrospective).

Заслуживает упоминания сервис pastvu.com, на котором не просто собраны старые фотографии, но и указаны их привязка к карте и направление взгляда от фотографа. Фотографии снабжены метками – с меткой «Ташкент» 4 000 фотографий, а с меткой «Узбекистан» – 14 000.

На сайте «Мой город» Mg.uz собрано много статей про Ташкент.

Интересно отследить изменение социальной функции сайта. В первые годы (2006-2011) не было Фейсбука, многим «Письма о Ташкенте» позволили общаться в комментариях, находя единомышленников и даже друзей. Позже, перейдя в Фейсбук, они стали дружить в нем, продолжая оставаться костяком «письмоташкентцев» – это Зухра Ашрапова, Тамилла Исянова. Для многих публикация на сайте стала первой «пробой пера» – присылали свои материалы, воспоминания родственников (Елена Ветвикова, Татьяна Перцева). При этом выдерживается какая-то линия или планка, иначе все замусорится. Многие публикуют свои материалы в Фейсбуке, в «Новостях Узбекистана» nuz.uz или в «Культуре Узбекистана» kultura.uz, я все отслеживаю, мне так удобнее отбирать материалы и лучшие забирать на сайт. Если что-то пропущу – авторы обязательно мне напомнят. Фейсбук с группами и страницами, посвященными истории Ташкента, стал одним из источников

пополнения сайта, особенно ценно, когда фотография или текст приправлены интересными комментариями знатоков.

В 2007 году, когда сайту был всего год, меня неожиданно пригласили на встречу с Сергеем Никитиным и Дмитрием Сухаревым в музыкальную 21-ую школу (ныне снесенную). На вопрос, почему именно меня, Елена Сви-стунова ответила: «Ну вы же напишете об этом!» Это было начало, потом стали приглашать на выставки, концерты, научные семинары, на поэтические встречи и мероприятия культурных центров. Доходило до курьезов: женщина звонит и приказывает: «Приходите в нашу школу, у нас отчетный концерт, сфотографируйте и напишите!» Пришла популярность, про сайт знают все уехавшие ташкентцы и почти все оставшиеся, выходящие в Интернет. Большинство просто знает о наличии сайта, да и наивно было бы думать, что всем это интересно. Но все хвалят и благодарят. Особенно приятен был отзыв астрофизика академика Рашида Сюняева, проживающего в Германии: «Когда у меня портится настроение, я захожу на “Письма о Ташкенте” – и оно поднимается».

Интересно, что первые семь лет жизни сайта основными корреспондентами были ташкентцы, проживающие в Израиле, США, Германии, России и Канаде. Наверное, потому что у них был хороший доступ к интернету (и охват), было желание поделиться воспоминаниями, обсудить их. Во второе условное семилетие поток извне уменьшился, больше стало местных авторов – у нас, видно, больше людей в возрасте пришло в интернет, а у иностранных ташкентцев, возможно, появились другие интересы.

До создания сайта я был, скажем так, далек от литературных процессов, но благодаря ему познакомился с поэтами, писателями, редакторами (Лейла Шахназарова, Михаил Гар, Николай Ильин, Бах Ахмедов, Евгений Абдуллаев, Вика Осадченко, София Демидова, Альбина Витольдовна Маркевич, Элеонора Шафранская, Алина Дадаева, Филипп Гаджили /Фил Тышкевич/, Александр Махнёв, ушедшие из жизни Александр Файнберг и Степан Балакин), материалы которых и репортажи о встречах собраны на сайте. За подвижническую координационную деятельность и собирание информации о поэтах и художниках хочется особо отметить Раису Крапаней, поэта, блогера.

Благодаря Турсунали Кузиеву и Умару Курбанову я познакомился с Александром Тюриным, Сабиром Рахметовым, Бабуром Исмаиловым, Аслидином Исаевым, Рустамом Базаровым, Вячеславом Ахуновым, искусствоведом Владимиром Карасёвым, с творчеством Медата Кагарова и многих других. Сайт стал богаче, материал разнообразнее, пришла популярность. Все знают о сайте, даже если заходят редко, просто знают, что такой сайт есть – и от этого всем хорошо.

Но администраторам форумов и модераторам крупных сетевых сообществ известно, что бывают недовольные. Регулярно пишут, что сайт про-российский и антирусский, что произраильский и антисемитский, что про-дался госдепу с либеральными ужасами и выступает против свободы слова, что про- и антикоммунистический, не любящий и возвеличивающий СССР, утверждающий и опровергающий колониальное прошлое – и все это бесконечно:

«Давно не заходил, да, сайт уже не тот, материалы уже не такие и комментаторы уже не то, что раньше...» – Ну извините!

«А почему бы вам не написать про Шумиловский городок?» – Напишите, пришлите, с удовольствием опубликую.

«Задолбали материалы про ***, ну сколько уже можно о нем писать?»

«Вы там совсем с ума посходили, почему в списке ученых нет знаменитого такого-то?»

«Ошибка же в первом предложении, безграмотный текст, как и все на этом сайте»...

Главное, что дает силы, – поддержка друзей, ведь все время что-то происходит, и иногда сам не могу сообразить, как лучше поступить. Брат Павел часто подсказывает правильное решение, соратники Людмила Капина и Борис Киргизов на частых встречах указывают на несуразности и направляют на путь, Александр Сучков на старте, это он в 2006 году предложил сделать раздел о ташкентцах, я тогда с ужасом подумал, где же я найду про них материал? Совет оказался правильным: сейчас в разделе «Ташкентцы» 3 500 публикаций. Наталью Кричагину когда-то спросил, сомневаясь, публиковать ли присылаемые школьные виньетки, на что она ответила: «Ой, так славно, конечно публикуйте!» – так появились разделы школ. Лейла Шахназарова не только присылает материалы, но и сообщает об ошибках. Особая благодарность Михаилу Книжнику за собрание Ташкентской поэтической антологии и за дружеские критические советы ветеранам журналистики Рахимжану Султанову и Борису Бабаеву за оптимизм и дружескую поддержку.

Главная беда сайта, конечно же, комментарии. Часто говорят: «Я на ваш сайт больше не захожу, там у вас такой ужас в комментариях...»

Ну не заходите, это не я этих добрых людей подбирал, это и есть наше общество со всеми его заморочками.

Комментарии предполагают уточнение, пополнение и развитие информации в публикации, категорически запрещено переходить на личности и устраивать склоки. Реальность такова, что комментировать беспристрастно мало у кого получается, прорываются эмоции, возникает недовольство, часто перерастающее в конфликт. Наше общество сильно политизированно, даже в одной семье и в одном коллективе могут быть полярные взгляды на любое явление: репрессии и советское прошлое, басмачество, Рашидов, Горбачёв, Ленин, реконструкция часовни, памятники, сносы, переименование, Георгиевская ленточка, новостройки, парки, уехавшие и оставшиеся – и так до бесконечности. Трудно ожидать от человека в таком «разорванном» мире спокойного джентльменского обсуждения любой темы. Приходится удалять конфликтные и просто некрасивые комментарии, пустые незначительные реплики – они интересны в момент разговора, но «тащить их в будущее» нет никакого смысла. Естественно, народ возмущается. Некоторые обижаются и уходят, например, ушел «Куврук», хотя у него были дельные комментарии знатока, ушел «Ленин». Удаляю и буду удалять по двум причинам: 1) то, что лично мне неприятно читать, – значит, неприятно и другим (оскорбления, склоки, наезды); 2) я персонально несу ответственность за содержание сайта, в том числе и за комментарии. По нашему законодательству предусмотрены наказания за определенные нарушения. Если комментаторы, выступающие обычно не под своим именем, хотят разделить ответственность, мог бы их комментарии и оставлять...

Хочется отметить Лидию Козлову из Красноярска – не только за уникальные материалы по истории ташкентских театров, но и за красивое

общение в комментариях. При спорах и упреках Лидия Васильевна остроумно и деликатно приводит удачную цитату из классиков, обезоруживая оппонента, и общение вновь становится добродушным и конструктивным.

Существует, к сожалению, отдельная группа вечно недовольных конфликтных комментаторов. Они не приемлют любые новшества, все новости воспринимают негативно. Самая популярная тема споров – «уехавшие и оставшиеся»: кто прав и где родина?

Или какой-то человек, часто заходящий и часто комментирующий, постепенно начинает считать, что должен выразить свое мнение в каждой публикации, стараясь отметиться во всех темах, включая те, в которых ничего не понимает (например, живопись или поэзия). Имеет, конечно, полное право, но, во-первых, выглядит довольно глупо и, во-вторых, после него пропадает желание подключаться к обсуждению, даже если есть что сказать в развитие темы.

Заканчивая, чтобы не утомлять читателя, тему о комментариях, напомним, что на сайте есть «Правила хорошего тона», выстраданные многолетним опытом общения в разных сообществах. А тем, кто пренебрегает сайтом «из-за ужасных комментаторов», скажу: 1) можно не читать комментарии, ограничиться лишь статьями, 2) далеко не все обсуждения конфликтные, подавляющее большинство комментариев очень интересные, дополняющие тему и учтиво интеллигентные.

А еще бывают «праздники непослушания», так называемые «Пылеуловители» – шуточные публикации, в которых можно комментировать как угодно – чтение этих комментариев бывает довольно занятным.

Конечно, совершенно необходимо хотя бы вкратце рассказать об авторах, украшающих и поддерживающих сайт своим творчеством.

Один из главных авторов – Олег Николаевич Дуболозов, не только обладатель архива старых фотографий, но и знаток старого Ташкента. Мы с ним прошли по Аллейной к пивзаводу, по парку Кирова к Пединституту, по Шота Руставели, по окрестностям завода Ильича и закоулкам позади парка Тельмана. И он все время рассказывал и рассказывал, обрушив на меня поток информации, называя улицы старыми именами. Я же тогда путался в названиях, совершенно неведомых нынешним жителям: Лахтинская, Воронцовский проспект, Махрамский проспект... Это была какая-то сказочная планета с генеральскими конюшнями около 18-й школы, передвинутой улицей Братиславской, гостевым домиком на даче генерал-губернатора на улице Дачной. Наши читатели знают, что Олег Николаевич обычно присылает не просто материал, а загадку или розыгрыш, связанный с редкой фотографией. Он же, Олег Николаевич, познакомил меня с программой Fast Stone, позволяющей быстро обрабатывать фотографии и снижать их «вес» без потери качества для публикации в сети.

Очень популярны на сайте Виктор Фесенко и Владимир Фетисов.

Каждая статья В. Фесенко – многомесячное скрупулезное исследование: о городской стене, каналах Ташкента, старых трамвайных маршрутах, об улице Почтовой напротив Главпочтамта и о строительстве Чирчика. О крепости Урда, о работе ТашКБМ (НПО Космос) и о космических объектах в Невиче, о медресе Беклярбека и мечети Хотун. Я искал сведения о М. Костенко, собравшем уникальный автомобиль и совершившем на нем автопробег Ташкент–Москва–Ташкент. Оказалось, что Виктор публиковал

о нем статью в «Технике-молодежи», и таких материалов множество.

Владимир Фетисов, если так можно выразиться, главный энциклопедист ташкентской старины, сразу запомнился статьей про Дмитрия Манжару (помните, была такая улица?) и его сына Николая. Потом Владимир удивил серией детских воспоминаний про книги, кино, игры и песни нашего детства. Я читал те же книги, смотрел те же фильмы, но так ярко вспомнить и описать ни за что не смог бы. А воспоминания про рок-группы – бесценны. Достойны восхищения и уважения его масштабные исследования о первых врачах Ташкента (13 частей), об А. Федченко (9 частей) и о К. Кауфмане к его 200-летию (9 частей). И это лишь небольшая часть исследовательского наследия Владимира Фетисова.

Главной героиней сайта можно назвать Татьяну Александровну Вавилову (178 публикаций). Заинтересовавшись историей своих предков, служивших в Самарканде в XIX веке, Татьяна Александровна начала работать в архиве, извлекая и публикуя интереснейшие сведения о военных-туркестанцах, о врачах и священниках, о памятниках, храмах и разных событиях. Т. Вавилова составила подробную (в трех частях) историю русского Самарканда, установила, что ее прабабушка из древнего шведского рода, составила историю ташкентского госпиталя и церкви при нем, связав фамилию священника Новоструева с прежним названием улицы Будённого, опубликовала воспоминания про отца-радиолобителя, про Обсерваторский переулок и перипетии парка Котика и многое другое, интересное и полезное. Важно, что она вернула забытые имена туркестанцев и советских ученых и врачей. Рассказ «Пианино» вошел в сборник «Вальс в четыре руки». Любое перечисление открытий Т. Вавиловой будет неполным, читайте и удивляйтесь. Подвижнический труд Татьяны Александровны вызывает в памяти обращение В. Чивилихина к пенсионерам в книге «Память»: «Не лежите на диване, исследуйте, собирайте, работайте с архивами – потом належитесь!» (не дословно).

Три знаковых для сайта автора – Ф. Ильясов, Р. Газиев, В. Лаврова. Москвич Фахим Ильясов – бесподобный бытописатель Кукчи и старого города, воскресивший махаллинские интриги и любовные истории прошлого века (душевное и трогательное украшение сайта). За публикации на сайте Фахима Ильясова пригласили в Союз писателей России.

Радик Газиев из США. Когда я работал на ТАПОиЧ (70-90-е годы), он был начальником Опытного КБ. Благодаря его стараниям собрана подробная история ТАПОиЧ, описаны модели самолетов с историей запуска, биографии ведущих конструкторов и руководителей завода, воспоминания об авиационном техникуме, о космонавтах и многое другое.

Виолетта Лаврова из Воронежа, жившая в Ташкенте около пединститута, постоянно присылает интересные материалы о старом Ташкенте.

Интересны материалы Зелины Искандеровой, работавшей в НПО «Космос», ныне живущей в Торонто. Она присылает материалы о пребывании в Ташкенте Моисея Вайнберга, первая предложила установить на ташкентском вокзале памятную доску в честь эвакуации и координировала усилия ташкентцев в этом направлении.

Айида Каипова, проживающая ныне в Санкт-Петербурге, предоставляет материалы для сайта о Великой отечественной войне.

Лариса Бау из США известна на сайте под псевдонимом zuzlishka. И она, и я жили когда-то на Новомосковской и, может быть, даже виделись в

детстве. Вышла книга с ее рассказами «Нас там нет», в введении отмечено: *«Тогдашний Ташкент – это Вавилон, исчезнувший быстро и даже обидно. То есть дыни и виноград остались, а дорожки, посыпанные красным песком среди вечернего благоухания роз, исчезли. И мы исчезли оттуда. Вот сидим теперь в разных местах Земли, вспоминаем, плачем, смеемся. И после нас уже некому будет вспоминать. Для тех, кто придет после, это будет историческая фантастика. Ну и пусть...»*

Режиссер и писатель Джасур Исхаков с супругой Мастурой Исхаковой – их книги и воспоминания бесценны.

Юлий Гертман – автор очерков о геологах и о Бродвее. Он один из первых «фромузовцев» поддержал на старте «Письма о Ташкенте».

Ольгана – исследователь творчества Анны Герман.

София Вишневская – автор детских воспоминаний о Ташкенте (самое яркое – про клоунов-лилипутов из ташкентского цирка).

Михаил Зальцберг – спортивный журналист, историк команды «Пахтакор» на протяжении многих лет. К сожалению, ушел из жизни в начале 2020 года.

Наши ведущие историки – Валерий Григорьевич Иофе, Юрий Степанович Флыгин, Валерий Александрович Германов, искусствовед Александр Джумаев. Их материалы – «академическая» часть публикаций.

Острая, актуальная и довольно непростая тема об авторских правах. Началось с объявления, что режиссер Алексей Павлов, проживающий то в Сизтле, то в Ташкенте, замыслил поставить пьесу по материалам «Писем о Ташкенте». Тут оказалось, что авторы материалов протестуют против их использования, усматривая в этом нарушение авторских прав. Даже с учетом того, что спектакль любительский и никто на нем не собирается зарабатывать. Я придерживаюсь мнения, не всеми разделяемого, что все выложенное в интернет принадлежит всем. Поэтому любые найденные материалы можно использовать по своему усмотрению. Но правилами хорошего тона считается необходимым указание источника заимствования – из уважения к труду автора или того, кто нашел, отсканировал, обработал и опубликовал старые фотографии и документы. Блогеры, журналисты, редакторы, освещающие тему Ташкента, в основном знакомы между собой без указания авторства, что вызывает по крайней мере недоумение.

Сайт больше «фотографический» чем текстовый, поэтому, конечно, необходимо отметить фотографов, чьи работы украшают сайт, делают его визуально притягательным и интересным. Во-первых, это ветераны узбекской фотографии Сергей Наследов (внучатый племянник городского головы Н. Г. Маллицкого), Рустам Шагаев, Виктор Ан и Владимир Соколов, написавший хорошие детские воспоминания. Во-вторых, современные мастера Эрнест Куртвелиев и Юрий Корсунцев. В-третьих, выдумщица, давняя подруга сайта Алла Гажева и две замечательные дамы, организовавшие группы, гуляющие по экзотическим уголкам Ташкента, – Фотима Абдурахманова и Ирина Безрукова.

Ташкент живет развивается и, конечно, меняется, оставаясь прежним лишь на старых фотографиях и в памяти благодарных ташкентцев, ностальгирующих о прежнем родном и теплом городе. Сайты, подобные «Письмам о Ташкенте», деятельность многих небезразличных людей помогают сохранить память о прошлом, без которой, как известно, нет будущего.

Рассказы, воспоминания, фотографии, легенды делают наш город вечным, сказочным, придают ему шарм и загадочность. Каждому хочется верить, что Ричард Гир из Янгиюля и тетя его там живет до сих пор, что внучка Дмитрия Менделеева живет на метро Ойбек, что в Чимгане есть зона магнитной аномалии с чудесами, а на плато Пулатхан стоянка летающих тарелок и там где-то зарыто золото, похищенное Осиповым во время мятежа. А рассказ про подземный ход к даче генерал-губернатора – истинная правда.

Не лишним будет отметить важных исторических персон, упоминающихся в публикациях на сайте. С большим отрывом лидирует Великий князь Николай, затем Макс Пенсон, Александр Сергеевич Пушкин, Шараф Рашидов, Святитель Лука, Юрий Гагарин, Анна Ахматова, Марк Вайль, Дина Рубина, Анна Герман, Тамара Ханум, Прокудин-Горский, К. Кауфман, Эмир Бухарский, Н. Остроумов, Б. Грабовский, В. Высоцкий, Г. Сваричевский, Закировы, С. Есенин, Шаахмед Шаахмудов, Д. Сухарев, Зайнуддин-бобо, Гафур Гулям, Дина Пенсон, С. Юдаков, Э. Ртвеладзе и мн. др.

Самые популярные темы сайта, судя по облаку тегов – это поэзия, проза, живопись, памятники, открытки, война, музыка, ссылки, Сквер, библиотека, трамвай, кино, транспорт, парк, религия, Самарканд, Чиланзар, ТАПОиЧ, ул. Навои, выставка, горы, базар, ученые, архитектура, театр, вода, фотомастера, некролог, авиация, «Песнь о Ташкенте», кулинария, дерево, медицина, праздники, землетрясение, Бухара, Чорсу, преобразование, День Победы, метро, Россия, карта, «Старый вешь», экология, плов, эвакуация, ул. Карла Маркса, музей, театр Навои, ул. Пушкинская, Анхор.

А еще есть виньетка – фотографии «письмоташкентцев», активистов сайта. И, конечно же, много галерей со старыми и новыми фотографиями и репродукциями картин художников.

Ташкент бурно развивается, через десять лет он должен стать крупнейшим в регионе деловым и туристическим центром, будут построены десятки гостиниц и бизнес центров, будут новые торговые комплексы, новые парки и набережные, места развлечений и культурного досуга. А мы будем отслеживать изменения и вспоминать тенистые улочки с журчащей водой в арыках, любимые места счастливого детства и события нашей молодости на страницах «Писем о Ташкенте». Появятся новые авторы с новыми воспоминаниями, найдутся новые старые фотографии, все это будет опубликовано и найдет своего читателя.

ДЕРЗКИЙ РЕЙД

К 150-летию Л. Г. Корнилова*

Владимир ФЕТИСОВ

В октябре 1898 года в Ташкент после окончания Академии Генерального штаба прибывает вместе с женой и годовалой дочкой 28-летний капитан Корнилов. Для Лавра Георгиевича Ташкент не был чужим городом. Здесь шесть лет назад он начинал свою военную службу. Через три года, выдержав жесточайший конкурс, Корнилов был зачислен в Академию Генерального штаба, которую окончил с отличием. Как лучший выпускник, капитан мог выбрать любое, самое престижное место для продолжения службы. Но он вновь выбирает Туркестан.

Через месяц после приезда Корнилов направляется в городок Керки, расположенный в урочище Термез, для сбора сведений о сопредельном Афганистане. Здесь дислоцировалась 1-я Туркестанская линейная бригада под командованием генерала М. Е. Ионова.

Термез (в древности бактрийский Деметрис) совсем недавно был занят русскими войсками. На другом берегу Аму-Дарьи находился Мазари-Шариф, главный город Афганского Туркестана. Здесь, у выхода из ущелья Гиндукуш, для прикрытия путей и перевалов афганцы построили крепость Дейдади и сеть мелких опорных пунктов. Крепость была сооружена с помощью британцев по последнему слову военно-инженерной мысли и, по слухам, была неприступной. Ионов мечтал выяснить все, что возможно, об этой цитадели, в первую очередь, характер воздвигнутых укреплений. Но крепость стояла в 50 верстах от берега, а афганцы были бдительны и жестоко расправлялись с пойманными лазутчиками.

Однажды Михаил Ефремович в присутствии молодого капитана посетовал на недоступность Дейдади для русской разведки. Корнилов молча выслушал генерала, а в конце вечера попросил разрешения уехать в отпуск на три дня по личным обстоятельствам. Ионову нравился старательный офицер, и он дал разрешение, даже не спросив о причине.

К тому времени Лавр Георгиевич сблизился с туркменами,

Владимир ФЕТИСОВ. Родился в 1952 г. в Ташкенте. Окончил ТашПИ (ныне ТГТУ). Работает в компании UCell. Известный очеркист, автор статей об истории края и судьбах ташкентцев.

* Л. Г. Корнилов (1870-1918), военачальник, дипломат, разведчик, путешественник-исследователь, 10 лет жизни которого связаны с Туркестаном.

служившими в русской армии. Он полюбил этих гордых и смелых воинов. И они отвечали ему взаимностью прежде всего потому, что разговаривал он с ними на их родном языке так же свободно, как и они.

Корнилов решается на дерзкий рейд к афганской крепости, для чего просит туркмен сопровождать его на ту сторону Аму-Дарьи. Те согласились, но с одним условием:

– Обещай, что ты живым в плен не сдашься. Если будет неудача, мы примем мучительную смерть.

– Последнюю пулю я оставляю себе, – отвечал Корнилов. – Живым меня не возьмут.

В тот же вечер Корнилов наголо обрил голову, переоделся в туркменскую одежду, и в ночь с 12 на 13 января 1899 года маленький отряд, состоящий из трех человек, двинулся к реке в смертельно опасный поход. Только в 40 верстах от Патта-Гиссара (так тогда назывался Термез) разведчики находят подходящее место для переправы и, сделав плот из овечьих бурдюков, успешно переправляются через Аму-Дарью у небольшого городка Чушка-Гузар. Здесь, пересев на лошадей, загодя приготовленных в ближайшем селе, отправляются дальше и на рассвете достигают крепости. Однако разглядеть детали укреплений в предрассветном тумане было невозможно. Недалеко от крепостной стены заметили чайхану, где сидели афганские караульные. Разведчики зашли туда и приказали подать еду. Солнце уже взошло, осветило цитадель. К ним подъехал афганский офицер, заметивший чужаков. На вопрос «кто такие?» Корнилов отвечал, что они нукеры, желающие поступить на службу к эмиру Афганистана Абдурахману-хану. Офицер, пожелав удачи, удалился. Опасность миновала, и Корнилов со спутниками направился к крепости, попутно отмечая в памяти каждую деталь. Ему удалось сделать пять фотоснимков и хладнокровно произвести съемку двух дорог, ведущих к российской границе.

Дерзко, среди бела дня, проехав около 400 вёрст по неприятельской территории, разведчики 15 января переправляются на свой берег.

Не теряя ни минуты, капитан спешит к генералу Ионову и протягивает фотографии и чертежи укреплений. Потрясенный Михаил Ефремович тотчас отправляет в Ташкент подробный рапорт о дерзкой экспедиции, ходатайствуя о награде для капитана Корнилова. Но командующий посмотрел на несанкционированную акцию иначе. Генерал Ионов получает строгий выговор за то, что рисковал молодым способным офицером. Самому Корнилову было указано на недопустимость таких действий в будущем. Это была официальная реакция командования, другое дело, что инициативный, отважный, владеющий иностранными и восточными языками, способный к разведывательной деятельности молодой офицер был взят на заметку в штабе округа.

Смелый рейд Корнилова к крепости Дейдади стал образцом для последующих операций подобного рода, а сведения, добытые разведчиком, оказались бесценными.

В руках русского командования оказались карты и снимки не только Дейдади, но и планы укреплений Шор-Тепе, крепости Тахтапуль, чертежи афганских воинских казарм, места расположения крепостной артиллерии. Корнилов провел съемку местности, привез описание характера укреплений и анализ пропускных возможностей дорог, обзор приграничной северной

области Афганистана. Как позднее вспоминал генерал Иван Павлович Романовский, впоследствии один из ближайших сподвижников Корнилова по Добровольческой армии, «Разведка крепости Дейдади разбиралась в войсках как пример тщательно спланированной операции, и прибывших на службу в Туркестан офицеров специально знакомили с этой чрезвычайно опасной экспедицией». Приведу письмо капитана Корнилова начальнику штаба Туркестанского военного округа генералу Н. Н. Белявскому, опубликованное в «Документах русской истории» [№ 6 (60), 2002 г.].

«Л. Г. Корнилов – Н. Н. Белявскому.

Урочище Термез. 21 января 1899 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь Николай Николаевич!

Два с лишком месяца прожил я в Патта-Гиссаре, исполняя поручение, возложенное на меня Вашим превосходительством. Дело заинтересовало меня с самого начала, и я старался вести его с возможной тщательностью, насколько хватало сил и умения.

Не мне, конечно, судить, соответствуют ли полученные результаты затраченному труду и средствам, но лично меня эти результаты не удовлетворяли.

Все-таки это были лишь расспросные сведения, за достоверность которых я, даже находясь у их первоисточника, не мог ручаться. Особенно смущал меня вопрос о крепости Дейдади. О ней ходили всевозможные слухи: то ее изображали простой азиатской калой, то она являлась чуть ли не крепостью европейского характера – с фортами, батареями и проч. Взглянуть на нее самому было слишком соблазнительно, и чем далее, тем искушение становилось все сильнее и сильнее. В конце концов, я не устоял против него.

В ночь с 12 на 13 января, переодетый туркменом, в сопровождении двух других туркмен (одного с нашего берега, другого с афганского) я переправился на гупсарах в Чушка-Гузаре и по дороге через Даулетабад и Балх прошел в Дейдади. На обратном пути мы осмотрели Тахтапуль, прошли близ Мазари-Шарифа и через Сиягерт вернулись к Термезу, где нас приняли на лодки охотники 13-го батальона, охотившиеся на острове Арал-Пайгамбаре. Поездка сошла вполне благополучно, никаких инцидентов не было; я уверен даже, что на той стороне никто и не подозревает того, что русский офицер побывал в Дейдади. Для предупреждения же распространения слухов о моей поездке здесь, в Патта-Гиссаре, приняты надлежащие меры.

Я сознавал, Ваше превосходительство, что, решаясь на такое дело, не имея на него Вашего разрешения, я совершаю крупный проступок, но, с другой стороны, я был твердо убежден, что Ваше превосходительство соблаговолит принять во внимание побуждения, руководившие мной и в случае нужды не откажет в своем заступничестве.

Что касается до результатов поездки – они таковы: 1. осмотрено укрепление, выстроенное против Чушка-Гузара, и набросан его план. 2. Сняты глазомерно в масштабе 6 вёрст в дюйме Шор-Тепе–Балх–Дейдади и Дейдади–Тахтапуль–Сиягерт до начала песков. В песках мы заблудились. 3. Набросан план Дейдади и сделаны с нее фотографические снимки, из которых один представляю при сем Вашему превосходительству.

4. Осмотрена крепость Тахтапуль. К сожалению, снимки с Тахтапуля вышли не совсем удачно и требуют некоторых дополнительных работ, которые можно произвести только в хорошей лаборатории. Все добытые во время поездки сведения приводятся мною в порядок и будут представлены Вашему превосходительству по их обработке.

Кроме того, в моем распоряжении имеется еще один важный документ: мне удалось достать один экземпляр книги о «Джихаде» (священной войне), изданный эмиром Абдуррахман-ханом.

Ввиду важности документа я не решился послать его по почте, почему телеграммою от 18 января и просил разрешения Вашего превосходительства приехать в Ташкент для личного доклада. Получив вчера предписание о командировании для осмотра границы, я выезжаю туда завтра и вновь прошу Ваше превосходительство, ввиду указанной выше причины, вызвать меня по возвращении из Чубека в Ташкент.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга».

На снимке: Корнилов (справа) и Мулла-Рузы после афганского рейда. Фото из архива семьи Снесаревых.

Способности молодого офицера были замечены, высоко оценены, и в октябре 1899 года Корнилов отправляется в Ашхабад для участия в разработке оперативных мер на случай войны с Великобританией, но затем срочно отзывается в Ташкент. На него возлагается решение новой серьезной и весьма ответственной задачи. Приказом командующего войсками Туркестанского военного округа капитан Корнилов командировается в Кашгар – один из крупнейших городов Синьцзянской провинции Китайской Империи. Здесь располагалось единственное в Восточном Туркестане российское консульство, служившее, кроме всего прочего, центром разведки и исследований Тянь-Шаня и Памира.

Впрочем, это уже совсем другая история.

ПЕСНЯ СТАРОСТИ

Рассказ

Дильбар ХАЙДАРОВА

– Анна́ (так обращаются внуки к бабушкам), я сбегаю к реке, искупаюсь разок?

– Шахрух, детка, такая жара стоит, чего доброго, тепловой удар тебя хватит! Вот солнце начнет садиться, тогда пойдешь. А пока поспи немного! Закрывай свои глазки покрепче!

Много лет прожила на свете Эйтибар, вырастила детей, вырастила внуков, и вот уже самый младший правнук в школе учится. Хороший мальчонка подрастает, умненький. А все потому, что с прабабушкой живет. Не зря узбеки говорят: «Будет младенец со старцами – мудрецом будет». И прабабушке девяностолетней веселее с ним.

Но по команде заснуть не так-то просто.

– Анна, расскажите что-нибудь, чтоб я быстрее заснул! – правнуку очень хочется потянуть время, сна ни в одном глазу.

– Э, мой малыш, я тебе каждый вечер что-нибудь рассказываю, уже со счету сбилась... А в жизни все нужно считать. И за все нужно платить, запомни это. Аллах наш мудр: мир разделил на сушу и воду, на горы и равнины, на людей и животных, словно линии на ладони нарисовал. И людей разумом наделил, как на весах отмерял, кому сколько ума положено, – она немного помолчала, погрузившись в свои мысли. – Я много лет прожила, многое повидала. У моих рассказов конца и края нет. А что бы ты хотел услышать?

– Расскажите историю про женщину.

– Да пошлет тебе Аллах богатство, слушай. Только длинная она, коротко не смогу рассказать.

Хитрый парнишка знает, что рассказы прабабушки длинные, а ему это и нужно. Он любит ее слушать.

– Ты у меня умный мальчик, а ум прежде всего для человека. Тебе вот недавно десять лет исполнилось. Ты получил первый ум, то есть только вошел в разум. Твой старший брат в свои двадцать лет получил второй ум – он уже вышел из детства.

– Анна, а сколько же тогда умов у нашей мамы?

Дильбар ХАЙДАРОВА. В 1982 г. окончила литературный институт имени М. Горького. Автор 30 поэтических сборников и многочисленных публицистических и прозаических произведений. Член Союза писателей Узбекистана.

– У Дилором-то? У нее их три. Долгих лет жизни ей, уж очень она сообразительна! Послушай-ка, куда это она опять подевалась? Торопилась... Умчалась так, что только пятки засверкали.

– Ан-н-а-а, на работу мама опаздывала. Она же тебе успела сказать это, прежде чем дверь захлопнула.

Да, забывать кое-что стала Эйтибар. То, что давно было, помнит так, будто вчера случилось. А что сегодня говорили, забывает. Старость – забавная штука, трудно привыкнуть к ее проказам.

– Да... Вот когда твоей матери было годика три-четыре, с ней произошла история... Рассказать тебе про это?

– Вы уже рассказывали недавно. Лучше...

– А ты помалкивай, не перебивай старших, слушай, умнее от этого будешь! Так вот... Стоял сезон созревания дынь. А ты знаешь, что твоя анна родилась в дынный сезон?

– Вы?

– Да, мой хороший, я. Может, потому и люблю дыни больше всего на свете. Говорят, человек походит на время года, в котором родился. Вот я, видишь, какая?

Маленького роста, не усохшая, несмотря на свои девяносто лет, Эйтибар в узбекском ярком широком халате и правда напоминала круглую спелую дыньку.

Шахрух ласково прижался к любимой прабабушке.

– Так что я там тебе говорила? – поцеловав его в макушку, продолжила Эйтибар свой рассказ. – Матери твоей, моей внучке, было тогда три года. Твоя бабушка – дочь моя Дарё – с детства умела красиво говорить: как вода в реке, журчала ее речь. В то время она училась в институте в Москве, а когда уехала на сессию, Дилором осталась с нами.

В один прекрасный день расстелила я чистую скатерть и принялась раскатывать лепешки. Тут в кухню вошел твой прадедушка.

– Где ребенок? – спросил он меня.

– Наверное, корову пасет, – продолжая заниматься лепешками, ответила я.

Прадед твой ушел успокоенный. Я же, дождавшись, когда лепешки испекутся в печи, только принялась их вытаскивать, как снова вошел твой прадедушка, а с ним и Абдукодир, деверь мой.

– Вернулся ребенок? – спрашивают меня оба.

Я, пожав плечами, протягиваю им готовые лепешки попробовать. Но прадед твой с такой злостью отшвырнул хлеб, что мне стало даже не по себе.

– Вот бестолковая! – закричал он на меня. – До еды ли, если ребенок пропал!

– Да что ты, дед, – говорю я ему. – Куда ему деться? Наверное, с коровой у канала. Поешьте спокойно!

Но он с досадой отмахнулся и выскочил из дому. Абдукодир за ним.

«Совсем, что ли, из ума выжили старики? – подумала я. – Будто ребенок в первый раз ушел корову пасти...»

Испекла две партии лепешек, лежу на террасе, отдыхаю, обмахиваюсь от жары. Тут снова прибегает мой муж со своим братом, взволнованные оба.

– Что ж ты лежишь, старуха? – кричат мне. – Ребенка нигде нет!

Я поднялась, покачала колыбельку Дилором.

– Да придет, куда не денется! Садитесь уже ужинать! – отвечаю, снова качнув кроватку.

А они на меня уставились, как на полоумную.

– Ты кого там качаешь? – с какой-то опаской спрашивает меня дед. – Пустую колыбель?

– Почему пустую? В ней внучка ваша Дилором спит. Вы ее своим криком вот-вот разбудите.

Онемевшие старики переглянулись, зачем-то заглянули в кроватку и... как расхохотались! Долго хохотали, будто ненормальные. Тут уж я решила, что у них обоих что-то неладное с головой.

Сквозь смех дед кое-как объяснил мне, что он меня, оказывается, спрашивал, про малышку Дилором, я же была уверена, что речь идет о Махмуде, который с утра, как обычно, ушел пасти корову. Вот смеху-то было!

– Мой двоюродный дедушка Махмуд пас коров? – удивился Шахрух.

– А что такого? Конечно, пас. Ведь он, как и ты, когда-то был ребенком, – улыбнулась, пожав плечами, прабабушка.

– А я похож на прадедушку? – не унимался Шахрух.

– Брось, дитя мое, хватит тебе того, что ты похож на свою бабушку. Твой покойный прадед, ее отец, был очень мудрым, образованным, уважаемым человеком. Но всю жизнь оставался мечтателем, как его дочь – твоя бабушка. Он ее очень любил: девочка была желанным ребенком, но такая слабенькая, болезненная! Мы не доверяли ее ни небу, ни земле. Верхом ли ехал отец, пешком ли шел – Дарё всегда была у него на руках. В то время он был председателем колхоза и однажды отправился в контору на собрание, где собирались пристыдить бездельников. Идет он по улице в тюбетейке – высокий, красивый, весь в мыслях о выступлении. Попадавшие ему навстречу односельчане смотрели на него с удивлением и улыбкой, а он этих взглядов не замечал. И вот произносит твой прадед речь на собрании, клеймит лентяев гневными словами, на самом пике срывает с головы тюбетейку и с силой хлопает ею по столу. Оборвав себя на полуслове, смотрит на тюбетейку и молчит. А потом как захохочет! Тюбетейка-то девичьей оказалась – перепутал впопыхах с дочкиной! Народ в зале засмеялся, все с облегчением вздохнули: гроза миновала, не разразившись. Так-то, малыш... таким вот был твой прадед!

– Анна, а я смогу, как мой прадедушка, стать председателем колхоза?

Глазенки Шахруха пыливо смотрят на умную, много повидавшую в жизни прабабушку.

– Э, дорогой мой, не нужно тебе это, даже не мечтай! Мой муж, твой прадед, хоть и председательствовал, всю жизнь был гол как сокол! В тяжелые времена мы жили: народ бедствовал. И семья наша была не богаче других, всем, что имели, мы делились с людьми. Не простил бы нам Аллах, если бы мы ели больше и слаще, чем остальные.

– А почему сейчас у председателей много денег, роскошные дома? Посмотрите, даже их дети на иномарках!

– Эх, дитяtko ты мое! Такие деньги имеет тот, кто нечист на руку! На заработанное честным трудом машину не купить! Но Господь все видит, помни это! Тех, кто неправедным путем разбогател и зазнался, он все равно накажет! – нисколько не сомневаясь в собственной правоте, ответила Эйтибар

и надолго замолчала.

– Жарко... Может, за мороженым сбегать, анна? – нарушил затянувшуюся паузу правнук. – Дадите мне денег?

– Любишь ты денежки, как я погляжу... – с напускной ворчливостью проговорила старушка, погрозив правнуку пальцем. – Загляни под курпачи и возьми, сколько тебе надо.

Мальчик сунул руку под стопку аккуратной сложенных стеганых одеял, вытащил деньги, пересчитал и протянул их прабабушке:

– Да тут и на одно мороженое не хватит! Вы не получили еще пенсию?

– Получила, сынок, получила. Но вместе с почтальоном, принесшим пенсию, пришли соседи, которым я одолжила деньги.

– И прошлую пенсию вы отдали людям в долг, я видел!

Прабабушка вздохнула, погладила правнука по голове:

– Отдала, что поделаешь, им необходима была помощь! Это закон добрососедских отношений. Так мы жили тысячу лет назад, живем сейчас и будем еще долго жить, с благословения Аллаха. Без взаимовыручки между соседями жить невозможно. Дать им займы – благое дело, они же обычно возвращают свои долги! В народе говорят: «Друзья, ведущие взаимные расчеты, неразлучимы», – Эйтибар снова задумалась о чем-то, всколыхнулось, видно, в душе какое-то воспоминание. – Налей-ка мне чаю, детка!

Шахрух легко подскочил, словно давно дожидался этой просьбы, подошел к дастархану, бросив шепотку зеленого чая в заварник, залил его кипятком. Он умел заваривать чай. Как самому молодому в доме, ему уже не раз доверяли кайтар – древний ритуал разлива чая. Трижды положено налить в пиалу из заварника чай и вылить обратно. Первая пиала – мутный сай (маленькая речка). Это еще не чай: ни цвета, ни запаха – так, мутная водичка. Вторая пиала – «аромат встречай». И только третья – настоящий напиток, способный утолить жажду в самый жаркий день. Наполнив пиалу на треть, мальчик подал ее прабабушке. Та, сделав несколько глотков, вернулась к прерванному разговору:

– Делись с ближним, даже если ты сам небогат. Лучше бедный благодетель, чем богач, не совершающий добрых дел. Твой покойный прадед всю жизнь славился добрыми делами. Народ его по сей день помнит!

– Анна, а вы вот проклинали его однажды, я знаю! – лукаво заблестели глазенки Шахруха.

– Было дело... – улыбнулась Эйтибар. – Давняя история. Я ведь тебе рассказывала ее.

– Расскажи еще раз!

– Ну слушай, коли хочешь. Стояла ранняя весна, снег не растаял. Мы печку еще топили. Я стирала. Бабушка твоя Дарё была маленькой, но помогала мне всюю. Очень ей это нравилось. Обычно я стирала, а она наливали воду и распевала песни, чтоб мне веселее было. Вот и в тот раз мы, натаскав воды из арыка, развели с ней стирку. Отец, прадед твой, сидел в этой же комнате и читал книгу.

То ли ему надоело слушать нашу болтовню с дочкой, то ли книгу дочитал, но он, наконец, встал из-за стола и пошел дать коровам сена. Слышу – кто-то постучал в ворота. Поняла, что пришел младший суфий, слышу – разговаривают они. Потом прадед твой вошел в дом, надел чекмень, на террасе похлопал тюбетейку, отряхивая. А как из дому ушел, я и не заметила: дочка, бабушка

твоя, то болтала, то песни пела, а я то разговаривала с ней, то слушала. Ох и болтушка она была! Да и песни хорошо пела, голосочек у нее был звонкий.

Закончила я стирку. Говорю Дарё: «Давай, доченька, прополоши, а потом развесь на улице на проволоке». Она все прополоскала, ей на улицу идти – а дверь открыть не может. Я решила, что у нее силенок не хватает, поспешила на помощь. Толкаю изо всех своих сил, а дверь-то снаружи заперта! Я испугалась: кто это мог сделать?! Потом сообразила, что это муж мой! Уж я ругалась, ругалась – аж горло сдавило не то от крика, не то от злости! Целая корзина белья, в доме полно пару, воздуха не хватает! А ведь я еще собиралась сходить к старшей невестке! И понимаю, что кричать без толку – снаружи никто не услышит, забор высокий. На окнах железные решетки. И, как на грех, никто не приходит! То, бывает, от гостей отбою нет, а тут никого! Все на свете прокляла я в тот момент, особенно мужа.

– А как вы его проклинали, какими словами?

– Да всякими, милый ты мой! Я горячей тогда была, вспыльчивой! Даже всплакнула, себя жалея. Думаю, что за жизнь у меня? Будь она проклята! Прозябаю в нишете с таким мужем, сама сирота, уйти некуда... Только дядья остались, да они безжалостные, не дадут мне жизни. Дочке говорю: «Дарё, отец твой, наверное, в Чуст уехал». А она: «Через неделю вернется?». От ее вопроса мне стало совсем худо. Пуше прежнего стала причитать: «Не знаю я! Ничего не знаю! Уходит – не говорит, приходит – не говорит, истлеть бы ему в могиле! Не будь я несчастной сиротой, разве вышла бы замуж за этого человека? Аллах, давший мне в мужья такую бестолочь, наверное, видит сейчас сверху меня, беднягу! Неужели не сжалится он надо мной?! Жены богатеев собрались, плов поели и уже разошлись по домам довольные, а я тут сижу, гляжусь в грязную воду! И что же нам с тобой делать теперь, доченька?!» – «Хватит его проклинать, мама! Придет он скоро, куда ему деваться?» Только произнесла Дарё эти слова, как дверь открылась: явился наш кормилец! «Ой, ты была дома?» – удивился он, увидев меня. «Нет, я была в могиле!» – с досадой ответила ему я. Дедушка твой покойный засмеялся – веселым человеком он был: «Младший суфий пригласил всех на плов. В середине обеда я вспомнил, что запер дверь в доме. Я тут же вскочил и заспешил домой, к вам. Слышу, здесь уже мать разоряется!» – «Папа, это она уже успокоилась немного. А что тут было... Чего я только не наслушалась о тебе!» – подлила масла в огонь дочь.

Прадед твой был человеком широкой души. «Согрей вчерашний плов и завари чай!» – велел он дочери. Тут уж я взвилась как ужаленная. «С каких это пор вы стали есть вчерашний плов?! Сейчас приготовлю свежий!» Прадед твой будто не слышит меня, посмеивается. Сил у меня тогда было много, не то что сейчас. Замесила тесто, испекла хлеб, приготовила плов. Нынешняя-то молодежь хлеб не печет, в магазине покупает. Лентяи!

– Мы тоже хлеб покупаем, – вставил Шахрух.

– Если все покупать, денег не хватит. Скажи папе, пусть лучше купит мешок муки. Можно и в газовой духовке испечь вкусные, красивые лепешки. Скажешь папе, голубчик?

– Скажу, скажу! А вы, анна, про ум рассказ не закончили. Забыли?

– Ох ты мой дорогой, конечно доскажу! Я и сначала начать могу. Оказывается, Всевышний дает человеку ум четырежды. Первый раз – в твоём возрасте, в десять лет. Второй – в возрасте твоего двоюродного брата, в двадцать лет.

Третий – в возрасте твоей матери, в тридцать. Четвертый – в возрасте твоего дяди, в сорок. А теперь слушай главное. Потом Создатель начинает отнимать ум. В пятьдесят человек становится рассеянным, потому что лишается первого ума. В шестьдесят его покидает второй ум. И так, чем дальше, тем больше. Старость подступает все ближе. И самое худшее, сынок, наступает в семьдесят лет: старость полностью овладевает человеком. Тут уж многое забывать начинаешь. Ты сиди тихонько, дитяtko мое, не вертись и не перебивай, хорошо? Я и так с трудом подбираю слова. Вот и четвертому уму пришел черед уходить, последнему. В восемьдесят лет человек до того немощным становится, в ребенка снова превращаясь, что, похоже, сам его выбрасывает. Все, что знал, чему когда-то учился, забывает!

– Вы обманываете меня, наверное, анна! – искренне не верит ей правнук.

– Голубчик мой умненький! Да я не помню уж, что в обед ела, с кем вчера встречалась! Путаюсь, когда намаз совершала – сегодня или накануне – и на всякий случай совершаю его еще раз. Что сейчас происходит – забываю, а вот то, что было в молодости – будто на скале вырублено. Видишь, ни дряхлость, ни старость не помеха памяти о том. Вот и выходит, что учиться нужно смолоду. Учись, мой дорогой, как следует сейчас, пока молодой!

– Анна, да сейчас никто не учится, все думают, как денег заработать побольше! – убеждает прабабушку Шахрух.

– Мой жеребеночек, ласковый, несмышленный! Ты телевизор смотришь? Там показывают, что учиться нужно! Все умные люди учатся, и ты, детка, учись! Твой прадедушка священный Коран знал наизусть, пятикратно совершал намаз. Он и кириллицу отлично знал. Бери пример с него, а не с тех молодых, которые только за деньгами гонятся. Учись, дитя мое, учись, пока время тебе благоволит. И внуки твои, и правнуки пусть учатся! Кто получит знания, тот не будет жить в нужде, поверь мне! А вот уж когда постареешь, как я, начнешь терять разум, будешь сказки рассказывать...

Глубоко о чем-то задумалась Этибар. Неизвестно, в какой свой разум вернулась памятью... Очнувшись, взглянула на притихшего правнука.

– Ох жеребеночек мой, вот ты и уснул под песню старости. Спи, набирайся сил да ума, любимый мой!

Перевод с узбекского Ольги Прилуцкой.

Ольга ПРИЛУЦКАЯ. Писатель, переводчик, член Союза переводчиков России, Республики Крым, Европейского конгресса литераторов, редактор издательства «Доля», журналов «Крым» и детского журнала «Долька». Автор пяти сборников прозы и драматургии. Лауреат международных литературных конкурсов.

КАК МЫ ДЕЛАЛИ «ПУШКИНСКУЮ» ГАЗЕТУ

Лейла ШАХНАЗАРОВА

«...Идеей, молитвой, именем ребенка с младенчества надо – заклясть...»

Чеканное, дышащее разреженным воздухом горних сфер цветаевское слово, оказывается, может предстать очень конкретным и даже «прикладным», – если это имя, эта молитва, эта идея – Пушкин.

В 1997 году только что к тому времени созданное («в рамках» подготовки к 200-летию поэта) Пушкинское общество при Русском культурном центре Узбекистана начало выпускать газету, посвященную в основном «привязке» солнца русской поэзии к нашим местным реалиям. Делали эту небольшую четырехстраничную газету мы с журналистом Риммой Николаевной Волковой. Находили авторов, брали интервью, готовили материалы, сидели «над душой» у верстальщиков. И... открыли для себя удивительную закономерность: стоило произнести «Пушкин» – и у собеседников светлели лица, начинали светиться глаза, мелькала затаенная мечтательная улыбка... Люди очень разные, независимо от образования, рода занятий, национальности и даже уровня владения русским языком, находили время и возможность высказаться о том, что значит для них российский поэт, живший двести лет назад.

«...Среди событий, которым я была свидетельницей и которые помнятся очень ярко, – столетняя годовщина со дня смерти Пушкина, 1937 год. Тот самый, врезавшийся в жизнь страны черным клином, коснувшийся и моей семьи... Но сейчас вспоминается другое: старая, солидной постройки школа, с брусками, набитыми на перила лестницы, чтобы не катались мальчишки; массивные двери классов, а из-за дверей, хоть уроки уже кончились, – декламация, обрывки поэтических строк, репетиции докладов... В ташкентской школе № 50, – еще незадолго до того – имени Песталотти, а теперь Сталина, – где я учусь

Лейла ШАХНАЗАРОВА – эссеист, публицист, редактор. Работала в журналах «Звезда Востока», «Общественное мнение и права человека», в настоящее время редактор журнала «Восток Свыше», автор очерков и эссе, посвященных вопросам культуры, литературы и театра.

во втором классе, готовятся к юбилейным пушкинским утренникам.

Готовятся, конечно, не только в нашей школе: вся республика, вся страна широко отмечает эту дату. Разработаны обширные программы такого “отмечания” и для школ, в том числе выпуск неизменных и неизбежных стенгазет. Многие и сегодня еще помнят этот бич школьников того поколения: стенгазеты были обязательной нагрузкой и атрибутом любого мероприятия и события. А уж к такой дате!.. Как всегда в те годы, самая ничтожная инструкция оборачивалась дубиной, гвоздящей без разбора в масштабе страны. Тогда же, помнится, были огромными тиражами выпущены тетрадки с портретами Пушкина, его стихами, иллюстрациями к его произведениям. Идея была действительно хорошей: открывая каждый день тетрадку и читая прекрасные строки, нельзя было не запомнить их накрепко, не отложить в тот слой сознания, которого уже не изменить прожитым годам. У меня, хорошо помню, была тетрадка со стихотворением “К морю” и к нему картинка – “Пушкин у моря”...

И вот – абсурдность эпохи, всепроникающий дух несвободы, подозрительности всех ко всему дали себя знать и здесь. Кто-то увидел во всем этом изощренное вредительство, призванное отравлять детские души такими средствами, как, например, почудившееся кому-то в сбруе коня вешего Олега изображение фашистской свастики... Смехотворно, только и можно, кажется, пожать плечами. Но... тетрадки через некоторое время исчезли...»

*Офелия АЙДИНОВА. «На утре памяти неверной...»
(«К Пушкину», № 1 /5/, февраль 1998)*

В этих воспоминаниях старой ташкентки – те самые драгоценные, неповторимые детали, что не подделать, не придумать, не вычитать нигде. Вот это, наверно, и определяло суть нашей газеты: ее, если можно так выразиться, аутентичность. Никаких перепечаток, никаких «венков поэту» и прочего традиционного барабанно-юбилейного славословия, но зато – и это главное – очень «ташкентское» ее лицо. Только оригинальные материалы. И только местные (и очень хорошие) авторы. А еще – отразившийся в этом издании особый срез узбекистанской культуры ушедшего столетия, культуры, которая, начиная с конца XIX века, была множеством нитей связана с именем Пушкина.

«...В 1899 году, в связи с широко отмечавшимся юбилеем поэта, по ходатайству ташкентцев бывший Лагерный проспект – важнейшая радиальная магистраль нового города, проложенная от Константиновского сквера в сторону Троицких летних саперных лагерей, – был переименован в Пушкинскую улицу.

Тогда же возникла идея преобразовать существовавшую уже несколько лет “Комиссию по устройству народных чтений в Туркестанском крае” в Пушкинское общество.

Первая редакция Устава Туркестанского Пушкинского общества была утверждена 27 июня 1901 г., а председателем новой общественной организации был избран А. И. Николаенко. Общество планировало

создавать бесплатные библиотеки, курсы и школы, издавать различную печатную продукцию, производить книжную торговлю. Оно имело право открывать филиалы во всех населенных пунктах генерал-губернаторства.

Уже в первые годы существования Туркестанского Пушкинского общества обширная программа его деятельности начала понемногу воплощаться в жизнь.

В 1904–1905 годах в Ташкенте на месте так называемого “хивинского базарчика” (угол современных улиц Пушкинской и Хорезмской) один из членов Общества – генерал Шорохов – на собственные средства разбил небольшой скверик, названный Пушкинским. Здесь предполагалось установить бюст поэта. Этот бюст, по сообщениям старых туркестанцев, был приобретен Ташкентской городской думой еще в начале века (известна даже его стоимость, составлявшая по тем временам немалую сумму). Но за недостатком средств он так и не был установлен. Зато в это же время отличился закаспийский филиал Туркестанского Пушкинского общества: в Асхабаде, как тогда называли Ашхабад, был открыт свой памятник Пушкину – единственный монумент великому поэту в дореволюционном Туркестане.

Существенно оживилась деятельность Туркестанского Пушкинского общества в 10-е годы, когда правление возглавил В. В. Дынин. В общественной работе принимали участие многие выдающиеся деятели дореволюционного Ташкента. В разное время в состав совета Общества входили: И. И. Гейер, известный журналист и большой знаток Туркестана, Е. А. Хомутова, стоявшая у истоков театрального дела в Ташкенте, Ю. С. Якубовский и другие весьма незаурядные люди. Всего же Туркестанское Пушкинское общество объединяло до 170 действительных членов – энтузиастов и ценителей пушкинской поэзии.

1 февраля 1911 года открылась известная в Ташкенте бесплатная библиотека-читальня Пушкинского общества. Она носила имя Льва Толстого и находилась на углу нынешних улиц Узбекистанской и Буюк Турон, то есть в районе современного ЦУМа.

В это же время в театральном репертуаре столицы Туркестанского края каждый сезон прочное место стали занимать пушкинские произведения.

Так гений Пушкина еще в дореволюционные времена входил в плоть и кровь духовной жизни Туркестана. И помнить об этом необходимо, чтобы снова и снова убеждаться: Пушкин был и остается близок и дорог каждому новому поколению людей, живущих в разных уголках земли, говорящих на разных языках, но не безразличных к русской культуре».

Борис ГОЛЕНДЕР. Дела давно минувших дней...

(«К Пушкину», № 4, декабрь 1997)

Да, писать в нашу безгонорарную, почти «самопальную» газетку не отказывался и легендарный историк Ташкента Борис Анатольевич Голендер, и многие другие. В том числе замечательный литературовед Озод Шарафутдинов, рассказавший об истории переводов Пушкина на узбекский язык, о том,

как приходил великий русский поэт к читателям нашего края и как истоки восточной литературы, в свою очередь, питали его собственное творчество.

«...В середине 20-х годов XIX века в Москве была издана книга Вашингтона Ирвинга “Жизнь Мухаммада”, богатая легендами и вполне достоверными сведениями о жизни пророка. Пушкин не мог не знать ее. Известно, кроме того, что он специально изучал Коран, восточные сказки и мифы, персидскую поэзию (в европейских переводах). И действительно, мотивы Востока, образы восточной поэзии не раз возникают в его творчестве. Мало кто знает, например, что одним из источников стихотворения “Пророк”, соотносимого обычно с Библией, является легенда о пророке Мухаммаде. В ней рассказывается о том, как к Мухаммаду, еще ребенку, подошли ангелы в белых одеждах, раскрыли ему грудь, вынули сердце, извлекли из него каплю черного цвета, вычистили сердце снегом и вложили обратно. В библейском сюжете нет именно этих деталей, но они нужны Пушкину, чтобы создать яркий, неповторимый поэтический образ: “и уголь, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул...”.

В свою очередь, и Восток узнал великого поэта России. Уже с конца XIX века в Туркестане среди интеллигенции, читающей публики стал проявляться большой интерес к Пушкину. Начиная с 1905 года делаются попытки переводить отдельные его произведения на узбекский. Связано это с началом движения джаидов, ставивших своей задачей просвещение народа. Для вновь организованных новометодных школ стали впервые переводиться сказки Толстого и Пушкина. В частности, сразу приняли и полюбили узбекские читатели “Сказку о рыбаке и рыбке”, изданную в прозаическом переложении.

Однако настоящий интерес узбекских литераторов к великому “певцу северной музы” начинается в 20-е годы XX века, когда переводы пушкинских произведений становились школой мастерства для многих одаренных поэтов и писателей. Скажем, знаменитый перевод “Соловья и розы”, сделанный Чулпаном, по художественным достоинствам можно смело поставить рядом с самим пушкинским стихотворением. Замечательному узбекскому поэту удалось донести ритмику, образы, аромат оригинала, и в то же время он создал произведение истинно национальное, в котором использовал такой размер восточной поэзии, как аруз.

Массовые переводы Пушкина в Узбекистане стали издаваться со второй половины 30-х годов, точнее – с 1937 года, когда широко отмечалось столетие со дня смерти поэта. Так, “Капитанская дочка” пришла к узбекскому читателю в переводе Абдуллы Каххара. Тот же Чулпан перевел “Дубровского” и – блистательно – “Бориса Годунова”. Но... книга вышла уже без имени переводчика: замечательный узбекский поэт к тому времени был репрессирован.

Именем и лирой Пушкина были заморожены все крупнейшие наши поэты – Гафур Гулям, Миртемир, Максуд Шейхзаде, Уйгун, Хамид Олимджан. К этой блистательной плеяде вскоре прибавились молодые талантливые литераторы: Хамид Гулям, Тураб Тула, Шукрулло,

также пробовавшие свои силы в этой высшей школе переводческого искусства – переложении на другой язык пушкинского слова.

Настоящим событием стало издание в 1937 году “Евгения Онегина” в переводе Айбека. Перевод был немного тяжеловесным, но добротным, сохранившим “онегинскую” строфу, и долгое время оставался у нас единственным, пока, полвека спустя, не появился новый – Мирзы Кенджабека.

Сегодня на узбекский язык переведены все основные произведения великого поэта.

Много писали у нас и о творчестве Пушкина. Если до войны это были в основном статьи просветительского характера (Айбека, Миртемира), то в 1950-е–60-е годы все больше появляется серьезных литературоведческих работ. Защищено несколько диссертаций, исследующих влияние Пушкина на узбекскую литературу. Я, в частности, тоже писал об эстетике Пушкина, связях его творчества с Востоком.

Широкие слои узбекской интеллигенции открывали для себя мировую культуру и через пушкинское слово. Забыть об этом нельзя. Я глубоко убежден, что еще многие и многие поколения узбеков прикоснутся к этому неисчерпаемому источнику – художественному миру Пушкина, величайшего поэта всех времен».

*Озод ШАРАФУТДИНОВ. «...И назовет меня всяк
суший в ней язык» («К Пушкину», № 4, декабрь 1997)*

...Скромная газета формата А-4, делавшаяся двумя женщинами на мизерные деньги, выделяемые Русским культурным центром, так что нам не раз приходилось самим доплачивать верстальщикам; не имевшая фиксированного тиража и «шлепающаяся» на ксероксе по мере надобности; распространявшаяся в основном среди студентов и публики, посещающей «культурные мероприятия»... И все-таки, думаю мне, уже приведенных выдержек из статей, которые печатались в газете «К Пушкину», достаточно, чтобы утверждать: оно того стоило. А ведь были еще на ее страницах выступления литературоведа Александры Николаевны Давшан, тогдашнего председателя Пушкинского общества Узбекистана, – об истории Царскосельского лицея; режиссера ГАБТа им. Навои Андрея Евсеевича Слонима – о пушкинских сюжетах у великих композиторов; филолога Софьи Львовны Каганович – об исторических и литературных истоках «Бахчисарайского фонтана»; известного исследователя и коллекционера Сергея Ивановича Зинина – о «пушкинских» экслибрисах художника В. Кедрина; отрывки из поэмы Алексея Устищенко «Черная речка»...

«...Когда несколько лет назад в издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма вышло издание “Евгения Онегина”, переведенного для узбекского читателя, в качестве автора иллюстраций там стояло имя художника Виктора Апухтина – сына известного ташкентского искусствоведа Олега Константиновича Апухтина, изучавшего и публиковавшего материалы о Пушкине-графике. И, конечно, не случайно книгой, которую иллюстрировал Виктор Олегович, был именно Пушкин, – а иначе что же тогда значит “дней связующая нить”?

Графика Виктора Апухтина, увидевшего бессмертный роман очень “сегодняшними” глазами, неожиданна, глубоко своеобразна и удивительно современна. Для нового пластического осмысления знакомого с детства сюжета художник подобрал богатую палитру интонаций, сумел достичь той гармонии изобразительных средств с задачами художественного образа, которая и определяет в конечном счете талант иллюстратора.

– Виктор Олегович, от чего зависит успех изобразительного воплощения образов литературного произведения?

– Прежде всего, конечно, это индивидуальное видение иллюстратора и актуальность иллюстрируемого материала, созвучность его современности. Лично для меня много значит возможность при необходимости вводить обобщения и символику. А такое произведение, как “Евгений Онегин”, то есть книга на все времена, кажется, изученная до последней буквы, – оказывается, дарит в этом смысле богатейшие возможности и, быть может, таит в себе еще много загадок, ждущих своего прочтения не только литературоведами, но и художниками. Мои иллюстрации – только повод, импульс для “кристаллизации” собственных читательских ассоциаций, причем читателя именно современного. Ведь Пушкин потому и вневременной художник, что “глаза” его произведений – как на некоторых старинных портретах, – всегда словно смотрят из своей эпохи на нас – сегодняшних и завтрашних...»

*Ирина БОГОСЛОВСКАЯ. Слово, длящееся в рисунке
(«К Пушкину», № 4, декабрь 1997)*

...В каждом номере нашей газеты были иллюстрации (и это в годы, когда слово «сканирование» звучало интригующе-таинственно): рисунки Нади Рушевой, Н. Кузьмина, Е. Моисеенко, Н. Гольц; силуэты, исполненные А. Кузнецовым; репродукции с картины Вахоба Зияева «Пушкин в Болдино» и со знаменитого портрета Натальи Николаевны работы Э. Гау; графический портрет Пушкина французского художника-кубиста Луи Маркусси и наброски самого Александра Сергеевича... Воспроизводились старинные открытки из коллекции Б. А. Голендера...

И еще, конечно, конечно же! – были стихи. Не только Пушкина – как раз их мы давали довольно мало и каждый раз не без споров: я считала, что любые произведения классика можно найти в сотнях изданий, а считанные страницы нашей газеты нужно отдавать оригинальным материалам, которых больше читатели не найдут нигде. Римма Николаевна возражала: как может выходить газета, посвященная Пушкину, без пушкинских строк?.. Находили компромисс...

И какие же прекрасные стихи несли нам, и какую удивительную память сохранили эти тонкие страницы об авторах тех стихов – когда-то наших, когда-то ташкентских поэтах... Почти никого из них сейчас уже нет в Узбекистане, а некоторых нет в живых...

...Петербургские холода.
До стеклянного звона
промерзшие ели.
Белое стылое горло метели.
Время и место.
Эпоха дуэлей.
Тусклая в небе звезда.

Медленный танец гавот.
Звезды на лентах.
Владимир с мечами.
Медленно дамы плывут
под свечами,
Чуть припудренными плечами
ослепительными –
вперед.

Пуля в живот.
Красная клякса
размером с монету.
Время менять кавалеров.
Но это –
Медленный,
как паром через Лету,
Медленный танец гавот.

Гангренозный
горячечный зной
на абиссинских губах
на спесивых.
Медленно высохли
глаз черносливы.
Медленно так умирал
некрасивый
Первый муж генеральши Ланской.

Это – «Медленный танец» Владимира Ферлегера, совсем еще незадолго до того жившего в Ташкенте...

...Как звезда пала, видели
Очи после заката.
Как у девушки Лыбеди
Нет названного брата.

Как споткнулся конь, прыская,
Посредине ристалища,
Как семья богатырская
Обронила товарища.

Как молодушка-барыня
Пала ниц, причитая,
Как душа-государыня
Стала без государя.

Как неладно без времени
Без вины пасть от Каина,
Как в отеческом тереме
Пусто да без боярина.

Как над темною бездною
Птичьи стаи взлетели,
Как робята любезные
Разом осиротели.

Как присяду на бревнышко,
Затоскую таперича,
Как по ясному солнышку –
Александру Сергеичу.

Виктор Кормильцев. Уехал из Ташкента в 2001-м или 2002-м.

И – Вадим Муратханов, ныне москвич; мое любимое у него стихотворение – «Поэт». Любимое не только потому, что прекрасные стихи. Вещь эта поразительна еще и взглядом на трагедию Пушкина (в первой части) совершенно неожиданным, ракурсом, с какого, может быть, никто до сих пор не пытался на нее взглянуть: глазами того, кто стал убийцей Поэта.

I

Здесь мерзкий климат. Так и не привык.
От ледяных ветров и брызг соленых
Мутит. А этот варварский язык!
Не зря его стесняются в салонах.
В таком краю недолго до петли.
Начальство нас бранит из-за парада:
затеяло – теперь само не радо.
Три дня закрыт балет. И Натали
не пишет, позабыла друга.
А Пушкина, ее супруга,
давно пора бы вызвать на дуэль.
Уж вот кто надоед так надоед.

II

Печалью поделиться бы. Но с кем?
Далекий след змеится за санями.
Как тяжело на цифре тридцать семь
быть искренним лишь с милыми тенями.
Не пишется. Все мысли – о юнце
с улыбкою глумливой на лице,
о девочке с раскосыми глазами...
Теперь, мои стихи, ступайте сами
из книги в книгу и из уст в уста,
без правки и родительского взгляда...
О красных пятнах снежного холста
биографам заботиться не надо.

...И – еще один «неожиданный ракурс», еще одна примечательная тема, вырисовавшаяся благодаря нашему знакомству с американцем, тогда сотрудником Института мировых проблем, работавшим в Ташкенте, Адамом Смитом Альбионом. По моей просьбе Адам написал для газеты две странички, на которых добросовестно и искренне изложил, что думает о великом русском поэте. И открыл для многих непривычный взгляд на Пушкина – взгляд глазами человека Запада. Из которого следовало, что «великость» Пушкина для англоязычного читателя – под большим сомнением. Но почему? Разве величина и мощь его фигуры уступают Данте, Гете, Шекспиру? Разве к нему неприменимы «вселенские» мерки? Разве «солнцем поэзии» Пушкин был и остается только для нас, людей, говорящих, читающих, думающих по-русски?..

Так возник на страницах «К Пушкину» наш спор-диалог с Адамом.

«Адам Смит АЛЬБИОН:

Я впервые, если можно так сказать, “обнаружил” Пушкина в пятнадцать лет, в редком сборнике “Европейская романтическая поэзия”, куда было включено всего два его коротких лирических произведения среди гораздо более объемных подборок Шелли, Рембо, Гейне и других поэтов, которыми я восхищался. Стихотворения русского поэта

я несколько раз перечитал и, поскольку их английские переводы никакого особого впечатления на меня не произвели, забыл о Пушкине на десять лет. До тех пор, пока, начав изучать русский язык, не попытался читать его в оригинале.

В англоязычных странах Пушкин по сравнению с другими мастерами европейской литературы известен мало. Примечательный факт: в серию “Гарвардские классики” (состав которых сформировался к 1909 году, но, естественно, не раз пополнялся и обновлялся в течение XX века), то есть в число тех авторов, чье творчество считается на Западе наиболее значительным среди литературного наследия человечества, Пушкин не вошел. Не включены его произведения и в 54-томную серию “Великие книги западного мира” (1952), изданную под эгидой знаменитой Британской энциклопедии. Составители ставили себе целью познакомить читателя с широчайшим диапазоном создателей письменной культуры – от Гомера до Фрейда и американского психолога Уильяма Джеймса. Конечно, не были забыты здесь Данте, Рабле, Сервантес, Шекспир и Мильтон, другие замечательные представители главных европейских литературных традиций.

Но Пушкина нет!

Нельзя однако обвинять составителей в сознательной тенденциозности. Среди вершин литературы девятнадцатого века, судя по их отбору, числятся Мелвилл, Дарвин, Маркс и Энгельс, Толстой и Достоевский. Последние два автора укоренились в западном восприятии как высочайшие символы русской гениальности, их произведения, считается, необходимо знать каждому образованному человеку. Чехова и Гоголя в английских переводах тоже можно купить в любом солидном книжном магазине Лондона и Вашингтона. А вот Пушкина найти гораздо труднее. Почему же? Не буду отвечать за литературные вкусы всего англоязычного мира, но могу указать на несколько факторов, которые препятствуют настоящей оценке Пушкина у нас.

Прежде всего, никакие стихи славянских поэтов не имеют достаточно удачных переводов на английский, вероятно, из-за слишком большого несходства грамматик этих языков. Пушкин же представляет в плане перевода особенно много трудностей. Его отшлифованные четырехстрочные строфы оставляют переводчику очень мало “места для маневра”. И попытки передать его стиль, где за доходчивыми, простыми словами скрывается глубокий смысл, пока оставались безуспешными. Простые, прозрачные слова переводятся, – глубокий смысл теряется почти бесследно.

Помимо проблем технических, связанных с языковыми трудностями, существуют еще причины, почему Пушкин недооценен англоязычным читателем. Известно, что русский поэт испытал на себе влияние Байрона. Евгений Онегин во многих отношениях часто отождествляется с байроновскими героями, а идеи пушкинской лирики нередко кажутся почерпнутыми у английского поэта. Не всегда лестными для русского автора оказываются и частые сравнения пьесы “Борис Годунов” с трагедиями Шекспира, наводя на мысль, что произведения Пушкина вторичны. Слишком мало на Западе людей,

которые способны оценить то уникальное, что воплотил Пушкин в своем, русском, контексте, в условиях своего времени. Действительно, можно говорить об английских Аннах Карениных, о французских Сонях Мармеладовых. Но Татьяна представляется только русской и никакой иной не может быть. Вот почему так сложно принять и по достоинству оценить Пушкина нерусскому читателю и помимо лингвистических трудностей. Слишком глубоко уходят корни его творчества в русскую жизнь, русскую культуру, чтобы быть оторванными от нее даже попыткой перевода. И все же очень хочется надеяться, что найдутся переводчики, которые сумеют раскрыть красоту и глубину пушкинского слова для англоязычного читателя. Если же Пушкин так и не приблизится к нам, – что ж, всегда остается возможность – через углубленное изучение русского языка и русской культуры – нам приблизиться к нему...

Лейла ШАХНАЗАРОВА:

Это – суждение западного интеллектуала, выпускника Гарвардского университета (кстати, – неисповедимы пути жизни и литературы! – по непроверенной версии, прямого потомка того самого Адама Смита, которого читал Онегин в ушерб Феокриту. Красивая версия, хочется поверить...). Суждение и одновременно (при всей своей небесспорности), несомненно, объяснение в любви к Александру Сергеевичу. Любви... с оттенком горечи. Ибо горечь издавна присутствует в самой постановке проблемы “Пушкин в переводах”.

Когда-то Борис Заходер, по его собственному признанию, намеревался написать скрупулезное исследование “О причинах непереводаемости на русский язык, равно как и на все прочие языки, произведения Льюиса Кэрролла “Алиса в Стране чудес””. Правда, вместо создания этой устрашающей монографии он в конце концов блистательно перевел “Алису”. Для того же, чтобы перевести на французский пушкинских “Бесов”, нужно было быть Цветаевой. А когда Владимир Набоков попытался передать на английском “Я помню чудное мгновенье...”, то, как говорится, схватился за голову. Как ни бейся, как ни изошрайся, – первая строка, если хочешь быть верным оригиналу, получается: “I remember a wonderful moment”. Только так и никак иначе. И как же, восклицает в отчаянии переводчик, – заметим, замечательный англоязычный писатель и непревзойденный художник русского слова, – как убедить западного читателя, что вот этот банальнейший набор плоских звуков – начало самого колдовского стихотворения в мировой поэзии?

“Чудное мгновение” Набоков все-таки перевел. Вероятно, лучше, чем это сделал бы кто угодно иной. Что же касается той самой первой строчки, – “...привести ее здесь, – пишет он в своих “Лекциях по русской литературе”, – значит уверить читателя в том, что знание нескольких безупречных правил гарантирует безупречный перевод”...

“Роняет лес багряный свой убор...”, “Редет облаков летучая гряда...”, ждет в глуши лесов сосновых бессмертная “дряхлая голубка”. (Помните цветаевское: “Скажу: “подруга”, скажу: “голубка”, –

и заболит”?) А в большинстве переводов – все тот же “банальнейший набор плоских звуков”...

Вот, как кажется, момент, обойденный американским почитателем русского поэта, добросовестно отметившим среди проблем перевода лингвистические трудности и несходство менталитетов. Чтобы переводить Шекспира, надо быть по меньшей мере Пастернаком. Байрона – Лермонтовым, Брюсовым, Блоком. А Пушкина?.. Родятся ли в двадцать первом веке новые Набоков, Пастернак, Цветаева? И будут ли нужны этому веку “Пророк”, и “Мадонна”, и “Зимняя дорога”, и “Царскосельская статуя”?..

Я представляю стремительное, отрывисто-разноязыкое поколение наступившего века, бросающее снисходительный взгляд в прошлое, на Пушкина. И – всякий раз предстает взору иное: Он, все так же легко и беспечно идущий впереди, оглядывается через плечо на них, будущих, – вечно зовя за собою...»

Адам Смит АЛЬБИОН, Лейла ШАХНАЗАРОВА.

«...Александр Сергеевич помнит про всех»

(«К Пушкину» № 5 /9/, октябрь 1998)

...Свое любимое детище мы с Р. Н. Волковой выпускали (все в своей жизни меряя заботами нашей газеты, по ходу дела осваивая таинства верстки и графического дизайна, волнуясь и радуясь выходу каждого номера так, словно делаем «нетленку» на века...), – так вот, выпускали мы ее до начала 1999 года.

Почему пришлось оставить газету потом? Вариантов ответа несколько, но самого обычного – связанного с деньгами – среди них нет: о деньгах для нас речь вообще не шла. Сейчас думаю: а не была ли она, эта газета, для кого-то слишком, вызывающе, провоцирующе... изысканной?..

«Наших» с Риммой Николаевной вышло 11 номеров. Потом кто-то из Пушкинского общества еще продолжал газетку под этим названием издавать, я видела пару номеров, – но это уже другая история. И другая газета. Совсем другая.

«...Подумать только – как будто вчера было все, что сейчас вспомнила и рассказала, – ну да, всего-то – жизнь назад... Вот только Пушкин не постарел ни на один день, только его не касаются изменчивые ветры всех эпох, как бессильны они перед сияющим под солнцем могучим утесом. И я снова иду по ташкентским улицам, и снова звучат во мне строки, вошедшие в душу однажды в детстве и навсегда:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь чудною красой...»

Офелия АЙДИНОВА. «На утре памяти неверной...»

(«К Пушкину», № 1 /5/, февраль 1998)

МАНДАРИНОВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Рассказ

Галина ШВЕДОВА

Ноябрь. На улице темно и холодно. Но отказать и в этот раз Данилу в прогулке было бы уже слишком.

– Зачем мучаешь мальчика!? – укоряет мама. – Ты ведь ему нравишься. Иначе не ходил бы за тобой столько времени!

После стольких месяцев ухаживания, телефонных звонков я все-таки сдалась.

– Замерзла, Юль? – спросил он осторожно, заглядывая в глаза. Наверное, чтобы увидеть истинный ответ.

– Не, нормально.

Действительно, было не столько холодно, сколько смущала вся эта ситуация.

Прогуливаются двое – парень и девушка. Вероятно, в отношениях. Да, я согласилась «встретаться» с ним. Но, ухаживая, встречая после школы и болтая по телефону, он казался намного смелее и разговорчивее. А сейчас разговор не клеился. Каждый, казалось, думал о своем.

– Ты умеешь целоваться? – прервал Даня неловкое молчание. Я даже остановилась от такого вопроса.

– Да! – ответила с гордостью, так как опыт однажды уже был.

– По-настоящему, – будто не спрашивал, а утверждал он, сомневаясь, что по-взрослому целоваться я точно не умею.

Немного засмушавшись, ответила:

– Да я поняла, что ты имеешь в виду, – сама засомневавшись в своих словах. И он это почувствовал.

– Давай присядем, – уверенно направился он в сторону скамейки неподалеку от заброшенной школы. Было страшновато, но мы уже давно были знакомы с Данилом. Он был жуткий романтик. И как-то мы даже бродили по заброшенным коридорам этого здания. Правда, тогда это было днем.

Мне было любопытно: что хочет доказать мне этот парень с карими глазами?

Галина ШВЕДОВА. Родилась в 1988 г. Окончила отделение русского языка и литературы факультета иностранных языков ТОГПИ. Преподает русский язык и литературу, имеет несколько публикаций.

- Юля, поцелуй меня, – сказал он, едва мы присели на лавку.
- Это просьба или приказ? – вскинула удивленно брови.
- Пожа-а-алуйста, – протяжно произнес он «волшебное» слово.

Мы с ним знакомы и общаемся уже больше года. Но знала я его и раньше, так как мы учились в одной школе. Он был старше меня на три года. Позже оказалось, что у нас много общих знакомых. Но узналось это после того, как я «зацепила» его, глядя с фотографии, размешенной на стенде «Активисты школы». На самом деле в холле красовались две мои фотографии. На стенде с отличниками школы, как мне казалось, фото получилось лучше. Но ему понравился снимок, на котором видны все до единой мои конопушки, блестят ярко-зеленые глаза, а на плечи спадают рыжие волосы. Сама я была в ярости от этой фотографии. Ну как можно было так явно подчеркнуть все мои недостатки?! Куда смотрел фотограф?

Начались звонки по домашнему телефону... Где и как он раздобыл наш номер телефона, так и осталось загадкой. Сколько ни спрашивала – не признавался. Не будучи слишком дотошной, я оставила все попытки вытянуть интересующую меня информацию. И под этим натиском раскрепосного, романтического парня и моей мамы, которой он очень понравился, я сдалась и стала ходить к нему на свидания.

Закрыв глаза от смущения, я подалась вперед и коснулась своими губами губ Дани. Теплые и такие мягкие его губы открылись в ответном поцелуе. Но потом что-то пошло не так, и он отстранился.

- Ты на помидорах училась целоваться?! – усмехаясь, спросил он.

– Почему на помидорах, – пробормотала я, покраснев, как те самые помидоры, и не понимая, в чем дело. От нелепости ситуации мне хотелось вскочить и уйти. Я дернулась, но Дания остановил меня, схватив за рукав куртки, и усадил поближе к себе.

- Ты любишь мандарины? – неожиданно спросил он.

Он что, будет угощать меня мандаринами?

- Да, – ответила я, не догадываясь, к чему он клонит.

- Расскажи, как ты их ешь, – голос Даниила стал загадочным.

– Сначала очишаю от кожуры, разделяю дольки, убираю лишние волоски, оставшиеся от кожуры. Когда все сделано, съедаю, – усмехаясь ответила я.

- Съедаешь? И все?

– А что, мне на него любоваться?! – спросила возмущенно. – К чему такие странные вопросы?!

Парень засмеялся в ответ на мое возмущение, прижал меня и заглянул в глаза:

– А ты не наслаждаешься его вкусом? Его мягкостью? – безмолвие повисло в воздухе. Я молчала, а он продолжил: – Я поцелую тебя, но ты не отвечай мне. Просто закрой глаза и получай удовольствие.

В ответ на его просьбу я закрыла глаза, думая о том, что замерзла и хочу домой. Внутри меня нарастало недовольство происходящим. Я уже корила себя за то, что согласилась на прогулку, и обещала себе продумать план по устранению надоедливого парня.

Человек – существо разумное, но главную роль, кажется, все же играет не разум, а чувства. Какой-то запах нам может напомнить детство и, чтобы

до конца прочувствовать его, мы закрываем глаза и вспоминаем счастливые эпизоды. А прикосновения любящего человека дарят нам ощущение защиты и тепла. Некоторые люди вызывают в нас бурю отрицательных эмоций то ли своим поведением, то ли вообще присутствием. Это трудно объяснить, растолковать, по какой такой причине одни люди становятся для нас близкими и родными, западают в душу, а другие просто проходят мимо.

Губы Дани коснулись моих нежно и ненавязчиво. Я почувствовала его горячее дыхание. Обхватив мое лицо руками, он будто пробовал меня на вкус, наслаждаясь, проводя языком по губам, слегка прикусывая их. Теплая струя пробежала по венам и остановилась мурашками на затылке. Я уже не думала от него сбегать. Мне нравился поцелуй. В какой-то момент мне захотелось ответить на него. Почувствовав это, Данил отстранился.

Несколько минут мы молчали. Я не знала, что сказать. Сердце бешено колотилось, не хватало воздуха. А он, кажется, упивался моим состоянием.

– Ну как? – поглядывая на меня прищурившись, с усмешкой спросил он слегка охрипшим голосом.

Я опустила глаза и кивнула, сама не понимая, что мог означать этот жест.

– Очисти мандарин от кожуры и всего лишнего, – произнес он, разворачивая меня к себе спиной. – Возьми одну дольку и приложи к губам, почувствуй мягкость и упругость.

Он обнял меня, прижав к себе, и приблизился к моему уху.

– Положи часть дольки между губ и слегка надави так, чтобы пленка не лопнула. Наслаждайся предвкушением того, что будет, – его голос снизился до шепота. – Затем слегка прикуси и почувствуй сладость сока мандарина.

Какое-то время мы сидели молча. Холодный ветерок касался лица и пытался пробраться под одежду. Но теперь я была под защитой. Рядом с этим странным, но интересным парнем мне было тепло и хорошо.

– Мне пора, – будто проснувшись, прервала я молчание, освобождаясь из объятий Данила.

До дома мы шли молча, взявшись за руки. Я взглянула на него, как мне казалось украдкой, но, почувствовав мой взгляд, он крепче сжал мою ладонь и, не поворачиваясь ко мне, улыбнулся. Кажется, мне стал нравиться этот кареглазый брюнет...

БЕССМЕРТНЫЙ СЮЖЕТ

Дильноза ЖУМАЕВА

Древние легенды и притчи о Юсуфе и Зулейхе издавна привлекали внимание многих поэтов различных эпох и народов Востока, чему в немалой степени способствовало изложение их истории в религиозных книгах. Эта история обогащалась новыми подробностями, ее по-новому интерпретировали, несколько изменяя сюжет.

Начиная с IX века, на Востоке появилось более 150 поэм и повестей о Юсуфе и Зулейхе*. Среди них наиболее известными были поэмы Абул Муайяда Балхи, Фирдоуси, Шахабиддина Амаки, Шахина Шерози, Абдуллоха Ансори, Ходжи Масуда Ироки, Абдурахмана Жоми и других. Эти авторы своим творчеством заложили основу традиции написания крупных произведений на сюжет о Юсуфе и Зулейхе. В тюркской литературе о них было создано около пятидесяти произведений. Это произведения таких поэтов, как Кул Али («Поэма о Юсуфе»), Носриддин Рабгузи («Поэма о Юсуфе Сиддик алайхи-салам»), Дурбек («Юсуф и Зулейха»), Хайдар Хоразми, Мулла Юсуф Ёрканди, Нозим Хирави, Сайкали, Хироми, Салохи, Андалиб и др. Многие из них отличались высокой художественностью и совершенством.

Тема любви Юсуфа и Зулейхи разрабатывалась долгие годы, к ней обращались многие поэты, однако не всем удавались художественно совершенные произведения. Потому что неоднократные обращения к одной и той же теме и создание очередного нового художественного произведения о любви Юсуфа и Зулейхи требовало огромного опыта и творческого мастерства. Художник, который приступал к созданию нового произведения на уже известный сюжет, брал на себя большую ответственность. Он должен был быть полностью осведомленным об уже существующих произведениях, чтобы создать свое новое, оригинальное произведение, которое отличалось бы от других произведений с таким же, многократно использованным сюжетом, иначе его творческий продукт не дал бы никакого художественного эффекта. Литературовед К. Тохиров отмечал, что тот поэт, который желает написать поэму «Юсуф и Зулейха»,

---

Дильноза ЖУМАЕВА. Родилась в г. Карши в 1979 году. Окончила каршинский государственный университет, факультет узбекской филологии и магистратуру при Национальном университете Узбекистана. Преподаватель кафедры «Языки и литература» Государственного института искусств и культуры Узбекистана.

---

* История узбекской литературы. В 2-х томах. Том 1. Ташкент, 1987, С. 169.

может прийти к двоякому результату: либо повторит уже написанное до него, либо сумеет создать оригинальное высокохудожественное произведение. Такая работа «требует от поэта нового оригинального подхода, ввода новых идей в эту традиционную тему, отражающих дух нового времени, переработки сюжета, обращения к новым изобразительным средствам, отличающимся от ранее использованных. Только тогда может появиться эффектное и оригинальное современное произведение, которое подарит новое эстетическое наслаждение и знания читателям»¹.

Тюркская поэма о «Юсуфе и Зулейхе», созданная туркменским поэтом Нурмухаммадом Андалибом, который жил в XVIII веке, отличается высоким творческим мастерством и оригинальностью. Сам автор произведения отмечал, что приступил к написанию поэмы по просьбам и советам своих современников. В те времена, когда жил Андалиб, поэм о Юсуфе и Зулейхе на персидско-таджикском языке было гораздо больше, чем на тюркском, потребность в произведениях на тюркском языке была весьма заметной. До Андалиба известны только произведения Али, Рабгузи, Юсуфа и Дурбека, написанные на тюркском языке. Отзываясь на просьбы друзей, Андалиб искренне хотел создать такое произведение на тюркском языке, которое отражало бы своеобразие эпохи и дух народа.

XVIII век был одним из тяжелейших периодов в жизни тюрков. Междоусобные войны, эксплуататорская политика феодалов, противостояние интересам народа привели к полному упадку. Кроме того, иранские захватчики во главе с Нодиршахом начали поход в Среднюю Азию, захватили часть территории, уничтожая местное население, увозя в рабство молодых ребят и девушек. Свирепствовали страшные болезни и голод, жизнь народа стала невыносимой: попиралось человеческое достоинство, беспощадно угнетались женщины, которым полностью отказывали в человеческих правах, искоренялось само право на человеческие чувства, плакали родители, потерявшие своих детей, распадалась родственные отношения и семьи. Все происходящее не оставляло равнодушными творческих людей. Поэт Андалиб глубоко переживал происходящее и поставил перед собой цель – отразить это тяжелое время в своем будущем произведении. Как и его предшественники, он, обращаясь к сюжету о Юсуфе и Зулейхе, хотел своим произведением подбодрить и поддержать народ, призвать его стойко переносить трудности, воззвать к мужеству, терпению и выдержке. Нурмухаммад Андалиб в своем произведении «Юсуф и Зулейха» сумел отобразить чудовишные проблемы эпохи, переработав традиционный сюжет на основе требований, целей и задач своего времени. Каждый эпизод, каждый образ его произведения воплощали его мечты о справедливом обществе, о счастливом будущем, взаимной, чистой и честной любви.

Отношения главных героев Юсуфа и Зулейхи – воплощение настоящей, преданной, чистой любви, а отношения Якуба и Юсуфа демонстрируют бесконечную любовь и уважение между отцом и сыном. В целом образ Юсуфа в дастане предстает как воплощение великодушия, честности, скромности и справедливости. Юсуфа поэт наделяет такими человеческими качествами, как гуманизм, милосердие, великодушие, уважение и любовь к людям. Братья Юсуфа по отношению к нему совершили омерзительный поступок, но он великодушно прощает их, выражая им почтение, оказывая честь, которой они, может быть, и недостойны. Образом Юсуфа Андалиб лишний раз доказывает,

¹ Тохилов Қ. Туркман шоири Андалиб ва ўзбек адабиёти // Лирикаси ва “Юсуф ва Зулайхо” достони // Филология фанлари кандидати илмий даражасини олиш учун тақдим этилган диссертация. – Самарқанд, 1964. Б. 161.

что только добросердечные люди способны на великодушные, добрые поступки. На примере судьбы Юсуфа Андалиб отображает горькую судьбу своих соотечественников, угнанных в рабство, лишенных родины, не по своей воле оставшихся на чужбине. Их боль, тоску, страдания поэт описывает высокохудожественно и убедительно. Юсуфа продали в рабство в Египет, он очень тоскует по родине и через караванщиков передает поклон родной земле. Все это – художественное отражение судьбы молодежи, проданной в рабство Нодиршахом, события середины XVIII века. Описывая противоречия между братьями, автор воссоздает мир людей-лицемеров, для которых самое святое – богатство, слава, карьера. На их примере поэт показывает, к каким отрицательным последствиям может привести зависть, высокомерие и ложь.

При тщательном анализе сюжета произведения становится очевидным эффективное использование автором узбекских фольклорных традиций, хотя Андалиб, создавая поэму, опирался на трактовку истории Юсуфа и Зулейхи в Коране. Такие особенности поэмы, как фантастика, устойчивые фольклорные изобразительно-выразительные средства, своеобразные герои, изображение события в событии, активное использование элементов, помогающих отличить правду от неправды, указывают на активное использование традиций и арсенала изобразительных средств устного народного творчества¹. Специфика характеров героев также указывает на родство с фольклорными героями. Например, изображение в поэме детей Якуба: «Однако каждый сын Якуба алай-саляма имел свой характер. Одного назвали Яхудо. Когда он злился и кричал, многие люди умирали от страха. Каждый волосок на его теле вставал дыбом, торчал, как копьё. Другого звали Шамьун. Он мастерски владел саблём, мог разрубить скалу и целую гору. Еще одного звали Ровилом. Он был так могуч, что мог победить целую армию, сражаясь, как лев»².

Известно, что такие качества обычно были присущи лишь героям народных сказок. Способность предвидеть, предчувствовать – это тоже качество, свойственное героям устного народного творчества. В эпизоде, когда Юсуф уходит с братьями, его сестра, предчувствуя беду, рыдая, приходит к отцу, рассказывает, что она увидела плохой сон, предвещающий беду, и начинает искать своего младшего брата Юсуфа.

Таким образом, используя, продолжая и развивая традиции устного народного творчества, Андалиб смог создать значительное в идейно-художественном отношении произведение, сделать его актуальным и выразительным. Автор мастерски изобразил глубокое, настоящее чувство любви сестры к своему брату, ее заботу и проникновенное родственное милосердие. Образ сестры Юсуфа во многом напоминает образы Калдиргоч из народного дастана «Алпамыш» и сестры Гариба в дастане «Ошик Гариб и Шахсанам».

Итак, поэты, жившие в разные эпохи, неоднократно обращались к легенде и притче о Юсуфе и Зулейхе, творчески интерпретируя и обогащая ее содержание современными им реалиями, превращая в обновленные по содержанию и форме произведения, созданные на фундаменте старого сюжета, но отражающие новые, современные им идеи, дух времени и, конечно, собственные убеждения, авторское мировоззрение. Веками их бессмертные произведения давали и дают духовную пищу новым поколениям, обогащают духовный мир человека, внося свой вклад в духовное развитие человечества.

1 Холмд Расул. Дурбекнинг “Юсуф ва Зулайхо” достонида фольклор аънаълари ва новаторлик. // Адабий мерос // 1979. Б. 15.

2 Андалиб, Нурмухаммад. Юсуфу Зулайхойи туркий. Тошбосма – Ташкент: “Азия” литографияси, 1915 йил. Б. 4.

Хабиб СИДДИК

И СМЕХ, И ГРЕХ...

Последняя страница

- Знаешь, с какой страницы обычно начинают читать газету?
- С последней.
- Почему?
- Потому что на этой странице обычно печатаются некрологи.
- Ну и что?..
- Бегло просматриваешь: если нет твоего имени... – значит, жив, скажешь: «Слава богу!» и читаешь дальше.

Предоплата

На крытом рынке Москвы Садир-простак, продавая виноград, закури-
вает сигарету.

- Здесь курить запрещено. С вас штраф сто рублей, – говорит дежур-
ный. Садир отсчитывает двести.
- Штраф не двести, а сто рублей, – возвращает сто дежурный.
- Да возьми, братан, – отвечает Сади, – все равно скоро еще одну за-
курю.

По специальности

- Сейджан, бросив работу по специальности, перешел в торговлю?
- Почему?.. Он по специальности в магазине работает.
- Неужели?.. Он разве окончил кооперативный институт?
- Не-ет, он окончил сельскохозяйственный – поэтому заведует мага-
зином сельхозпродуктов.

---

*Хабиб СИДДИК. Родился в 1953 г. в Андижанской области. Окончил Андижанский сель-
скохозяйственный институт. Редактор газеты «Қишлоқ оқшоми». Член СП Узбекистана и
Творческого союза журналистов. Автор нескольких книг сатирических рассказов и много-
численных научных работ.*

Как рыба в воде

- Эркабай возле своего начальника чувствует себя как рыба в воде.
- Хотите сказать, что очень свободно, да?
- Нет, рот откроет, но ни слова вымолвить не может.

Привычка

- Уф-ф.
- Что случилось, друг? Почему нервничаешь?
- Да видишь... у меня в кармане ни сума не осталось.
- Да не огорчайся, постепенно привыкнешь... У нас давно денег нет!

Ответ редакции

«Факты об учетчике бригады № 8 нашего колхоза, изложенные в фельетоне, подтвердились. Тов. Ю. Абкачаров освобожден от занимаемой должности учетчика и назначен кассиром».

Из заявления в профком

«С учетом тяжелого материального положения нашей семьи прошу оказать денежную помощь на строительство гаража для недавно приобретенной мной легковой машины».

Чтобы всем хватило

- Это у вас целая порция гуляша?
- Да, брат, целая порция.
- Почему так мало?
- Чтобы всем хватило, брат, – улыбнулся повар.

Объявление в ресторане

«Постоянные клиенты, употребляющие спиртные напитки, обслуживаются вне очереди».

Совет

Врач порекомендовал больному:

– Бросайте курить. Вам ни в коем случае нельзя. Курение вообще вредно для здоровья человека. Об этом Минздрав уже устал предупреждать. Знаете... один грамм никотина убивает лошадь.

– Хорошо, доктор, спасибо.

Больной направился к двери, врач его окликнул:

– Закурить, пожалуйста, дайте...

Повышение...

- Сторож хозмага был очень скромным человеком. Но в последнее время он почему-то изменился, даже здороваться не хочет!
- Не слышали, что ли, его повысили.
- Куда? Как?
- В винно-водочный магазин продавцом направили...

Характеристика

- Сотрудник, который сидит с тобой в одной комнате, видимо, заболел гриппом. Будь осторожен, это инфекционное заболевание.
- Про Хасисходжу говорите, да? Можете не беспокоиться.
- Почему?
- Хасисходжой его не зря называют: он даже вирус гриппа даром никому не отдаст.

Не только платим...

- Вай, не трудно третью часть зарплаты выплачивать в качестве алиментов?
- Не очень. Моя вторая жена от своего первого мужа получает гораздо больше, чем я выплачиваю.

Сколько лет учишься?

В поезде Андижан–Ташкент старик спрашивает молодого попутчика:

- В Ташкенте учишься, сынок?
- Да, отец.
- Пять лет будешь учиться?
- Нет, я институт окончил, в аспирантуре учусь.
- Что это?
- Это, значит, занимаюсь научной работой.
- Так учишься или работаешь?
- Учусь, учусь! Диссертацию пишу.

Старик никак не мог взять в толк и долго еще допытывался:

- Так сколько лет обучаются в аспирантуре?
- Три года.
- Эх, сынок, зачем голову морочишь? Так бы и сказал сразу, что в колледже учишься!

Перевод с узбекского Кодиржона Носирова.

Кодиржон НОСИРОВ. Кандидат педагогических наук, профессор НамГУ. Родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Автор ряда монографий, учебно-методических пособий и 400 научно-популярных статей, переводчик.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, САМАРКАНД!

Нигора ЯДГАРОВА

В XX веке Самарканд обрел особенное значение в культурной и художественной жизни Узбекистана. С 1925 по 1930 годы Самарканд был столицей Узбекской ССР. Этот город и сейчас сохранил статус одного из культурных центров страны. Для многих людей Самарканд ассоциируется с раннесредневековой живописью или средневековой архитектурой эпохи Темуридов. Однако весьма значительны роль и место города в творчестве художников XX в.

Известно, что на формирование живописи в стране оказали большое влияние русские художники конца XIX – начала XX века, побывавшие в Узбекистане. Одна из знаковых фигур в истории искусства Узбекистана – Павел Петрович Беньков (1879 – 1949), основатель узбекского импрессионизма, внесший неоценимый вклад в развитие национальной живописи. П. Беньков был одним из организаторов Самаркандского художественного училища и его ведущим преподавателем. В честь него было названо художественное училище в Ташкенте.

Такие художники, как З. Ковалевская, Ю. Елизаров, Р. Тимуров, Р. Ахмедов, продолжили традиции П. Бенькова, в их творчестве отразились тенденции «беньковского импрессионизма». Каждый из этих художников – искусный живописец, однако ни один не смог повторить импрессионистскую живопись П. Бенькова. По яркости талант Бенькова сравним лишь с солнцем, а его одаренные ученики подобны звездам на небосклоне искусства.

Среди таких художников, продолживших традиции своего учителя, особое место занимает Рашид Тимуров (1912 – 1991). Как и П. Беньков, он был влюблен в Самарканд, его памятникам и природе посвящено большинство пейзажей художника. Не зря еще при жизни он был назван «певцом Самарканда». Он признавался в любви к этому городу в своих картинах, в беседах о творчестве: «Я люблю Самарканд, его памятники, поля и сады. Особенно нравится Самарканд своими многовековыми памятниками» [Н. Абдуллаев. Певец Самаркандской природы (о творчестве художника-пейзажиста Рашида Тимурова). Т., 1968. С. 35.].

Рашид Махмудович Тимуров родился в Бухаре в 1912 году. Его отец старался дать образование своим детям. Семья будущего художника жила в квартале ремесленников и занималась ткачеством. Поэтому еще ребенком

Нигора ЯДГАРОВА. Родилась в Ташкенте в 1985 г. Окончила Национальный институт художеств и дизайна им. К. Бехзада (отделение искусствоведения). Докторант Института искусствознания АН РУз. Автор нескольких научных публикаций в отечественных журналах и зарубежных изданиях.

Рашид вместе с матерью рисовал узоры на тканях. В двадцатые годы один за другим покинули этот мир средний брат, потом отец и мать Рашида Махмудовича. Он остался со старшим братом, который, отучившись в Москве, работал в отделе народного образования в Бухаре.

В 1930 году он отправился в Самарканд для поступления в Самаркандский техникум художественной промышленности на коврово-ткацкое отделение. Первые уроки изобразительной грамоты он получил в техникуме у художника из Украины Вячеслава Константиновича Розвадовского (1875 – 1943).

В годы обучения Р. Тимуров участвовал в выставках с пейзажами-этюдами, увлекался поэзией. После техникума Р. Тимуров поступает в Самаркандский государственный университет на филологический факультет. «Вначале его любовь к поэзии и искусству ему казались одинаковыми, но он ошибался. Это стало для него очевидным, когда он поступил в университет. Здесь он понял, что его больше влечет искусство, чем литература и поэзия»¹.

В итоге Р. Тимуров по его желанию был зачислен в Самаркандское художественное училище на второй курс живописного отделения, где обучался рисунку у Л. Бурэ, а живописи у П. Бенькова и З. Ковалевской. С тех пор началось его увлечение пейзажами.

В 1930-е годы Р. Тимуров уже принимает участие во многих выставках Ташкента и Самарканда. Его ранние пейзажи, к сожалению, не сохранились, дошли лишь упоминания о них в трудах исследователей – современников художника. В 1956 году была издана монография Н. Абдуллаева, где собраны не только важные факты из жизни и творчества художника, но и подробное описание его ранних работ.

Самые ранние произведения Р. Тимурова, дошедшие до нас, датированы началом 1950-х годов. К этому времени ему исполнилось 40 лет, за его плечами было уже 20 лет художественного опыта. Зрелый художник, окончивший студию повышения квалификации художников при Союзе художников Узбекистана, открытую в 1939 году в ташкентском Музее искусств, получивший уроки живописи у художника Варшама Еремяна, обращался к различным жанрам и темам – пробовал писать большие картины-пейзажи с индустриальным сюжетом, в результате чего появились такие полотна, как «Строительство Ташкентского канала» (1939), «На строительстве Ташкентского канала» (1940), «Ферганский канал» (1941).

Многие полотна посвящены теме хлопка, ставшей особенно востребованной в военные годы. Если в картинах «Начало сева», «Хлопковое поле» или «Портрет хлопкороба» отражены общенациональные идеи, патриотические чувства гражданина Р. Тимурова, то в пейзажах «Осень», «Весна» проявляется лирическое мировосприятие художника. Местная пресса отмечала «особенности колорита, нежность цветового строя», а также «манеру интимного письма»². Возможно тогда Р. Тимуров и нашел собственный живописный стиль, близкий к импрессионизму, свободный от суеты современной жизни. Он часто старался уехать подальше от города, чтобы в горных селениях Ургута или окрестностях Ташкента уединиться на природе. Этюды, выполненные во время этих поездок, объединены в циклы «В горном селении Ургут» и «Самарканд».

С 1950-х годов наступает новый период в творчестве Р. Тимурова, озаглавленный новым отношением к наследию, более глубоким пониманием действительности и проникновенным чувством к пейзажу. В 1951 году он

¹ Н. Абдуллаев. Певец Самаркандской природы (о творчестве художника пейзажиста Рашида Тимурова), Т., 1968, с. 13.

² Там же, с. 26.

поступил в ТТХИ им. А. Н. Островского на факультет живописи, но по семейным обстоятельствам был вынужден вернуться в Самарканд, тем не менее, оставаясь верным искусству и совету В. Еремяна изучать прежде всего тех, кто по своему духу близок ему – русских и французских художников: И. Левитана, В. Серова, К. Коровина, Н. Крымова, барбизонцев и импрессионистов. «В произведениях французских художников, особенно в манере исполнения, нравился К. Коро: в выборе мотивов художников-барбизонцев он видит свой идеал. Ему кажется, что в их работах воплощены его собственные взгляды на мир, его чувства»¹.

В 1957 году Р. Тимуров принял участие во «Всесоюзной юбилейной художественной выставке», посвященной 40-летию Советского государства, представив работы «Колхозное стадо», «На хирмане», «Начало весны» и «Медресе Улугбека весной». Эта выставка ознаменовала «рождение художника тонального пейзажа, пейзажиста настроения, лирика»², о нем узнали за пределами Узбекистана. Он выступил как представитель школы Бенькова, которая, хоть и опиралась на художественные традиции русской пейзажной живописи, развивала новаторские тенденции французского импрессионизма.

Через год после участия в московской выставке Р. Тимуров написал картины «Площадь Бибиханум», «Во дворе Бибиханум», «Весна в Бибиханум» (1958 г.), которые затем приобрели музеи Ташкента и Самарканда. Комплекс Бибиханум для художника имел особое значение (это был один из самых любимых памятников Р. Тимурова, к которому он обращался в своем творчестве много раз).

Несмотря на критику и обвинения в этюдизме (этюдности), несостоятельности картин Р. Тимурова, которые не могли «подняться на уровень большой трибуны, трибуны искусства»³, художник продолжал писать пейзажи с любимыми памятниками. В 1960-е годы он создал два триптиха: первый посвящен Самарканду, состоит из картин «Самарканд», «Шахи-Зинда» и «Самаркандский театр оперы и балета», второй – «На лодке», «Водохранилище» и «Голуби, вечер».

В 1962 году Р. Тимуров совместно с художником Ч. Ахмаровым написал несколько картин для колхозных клубов Хатырчинского района, посетив для этого живописное село Хатырчи, расположенное в 100-120 км от Самарканда. Ярko-красный, оранжевый, изумрудно-зеленый, светло-голубой колорит одежды местного населения, особенно женщин и детей, на фоне охристо-глинобитных домов и цветущей природы создают какую-то специфическую поэтическую картину и необычное настроение.

Итогом совместной творческой деятельности стали картины «Первые дни колхоза, 30-е годы», «Весна», «Самаркандские дети» (1962 г.), в которых живопись принадлежит Р. Тимурову, а рисунок Ч. Ахмарову. В них, в отличие от предыдущих работ Р. Тимурова, заметно усиление цветовой гаммы, некоторая декоративность. Красные, голубые, зеленые цвета становятся сочнее, локальнее. Яркость колористического решения присутствует и в более поздних пейзажах Р. Тимурова «Медресе Шердор», «Голубая лазурь», «Ранняя весна на Шахи-Зинда».

В 1968 году Р. Тимуров был удостоен звания Заслуженный деятель искусств Уз ССР. Последующие двадцать лет были очень плодотворными: он пишет картины на излюбленные сюжеты, среди которых панорама гор, лик родного города, архитектурные пейзажи и цветущие сады. Художник

1 Н. Абдуллаев. Певец Самаркандской природы (о творчестве художника пейзажиста Рашида Тимурова), Т., 1968, с. 23.

2 Там же, с. 30.

3 Там же, с. 41.

обыгрывает их в триптихе «Мой город» (1978-1980 гг.), картинах, близких по композиционному решению и тональности. На переднем плане на белой скатерти изображены дары осени – букет цветов и натюрморт из свежих фруктов, занимающий центральную часть триптиха под названием «Осенний день». На втором плане художник изобразил зеленые кроны деревьев, написанные крупными мазками. За деревьями открывается панорама старого города с древними памятниками. Небо с низкими, медленно плывущими облаками по манере написания напоминает скатерть со складками.

Во многих произведениях последних лет Р. Тимуров сохраняет и продолжает традицию «беньковского импрессионизма», привнося в свои картины определенно новые цветовые интонации, обогащая их своеобразным звучанием. Такие его произведения, как «Утро в горах Нуроты» (1971 г.), «Голубая лазурь» (1973 г.), «Улица Иттифок» (1975 г.), написаны с использованием более ярких и локальных цветовых соотношений. И если вдохновленный Востоком П. Беньков пасмурному дню всегда предпочитал солнечный пленэр и даже затененные виноградниками дворы с высокими дувалами, то его ученик Р. Тимуров яркому, солнечному, типично «самаркандскому» пленэру, контрастам жгучего света и резких теней предпочитал жемчужно-перламутровые гаммы и прелесть полутонов несолнечных дней, тоже нередких в этом колоритном городе¹. Так, в пейзажах «Вечер у памятника» (1971 г.) и «Серый день» (1972 г.) художник обращается к романтике пасмурного дня, используя приглушенные тона.

Отдельного упоминания заслуживает техника живописи Р. Тимурова. Многие пейзажи художника выполнены маслом на картоне. Выбор техники был не случаен. Предположить, что картон был доступнее, чем холст, конечно можно. Но при более детальном исследовании мазков и характера письма Р. Тимурова становится очевидным, что материальная сторона вопроса имела второстепенное значение для художника. Потому что на картонах художника лучше воплощается его способность передать «impression», т.е. свежесть первого впечатления.

Искушенному зрителю сразу видна подлинность эмоции живописца, так как картон менее всего поддается наслоению красок, нежелательному для художника. На холсте художник часто прибегает к исправлению мазка, а изменения первоначального слоя меняют силу и направление кисти. Таким образом, если на холсте мастера отражаются не только его чувства, но и его кропотливый труд, то на картоне проявляется талант художника выразить только самое важное, первостепенное, яркое чувство.

Р. Тимуров оставил богатое художественное наследие: более ста живописных произведений, в основном пейзажей Родины. Большинство работ, созданных в 1950-1980-х годах, хранится в фондах Самаркандского Государственного музея-заповедника, Государственного музея искусств Узбекистана и Дирекции художественных выставок в Ташкенте.

В настоящее время мастерская Р. Тимурова перешла молодому поколению художников Самарканда, представители которого помнят и чтят память певца природы Самарканда. Ведь, как верно отметил Ч. Ахмаров, «...его нельзя заставить писать на другие темы и сюжеты. Он родился, чтобы воспевать вечную красоту Самарканда, и этой первой своей любви он останется верен до конца своей жизни»².

¹ Искусство Советского Узбекистана. 1917 – 1972. М., 1976. С. 97-98.

² Н. Абдуллаев. Певец Самаркандской природы (о творчестве художника пейзажиста Рашида Тимурова). Т., 1968. С. 46-47.

В ПОИСКАХ ФЕМИННОГО ДИСКУРСА

Наргиза ИБРАГИМОВА

Современная женская проза активно заявила о себе, обратив внимание критиков и литературоведов, в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия. М. Абашева в журнале «Литературное обозрение» (1992 г.) справедливо отметила: «Судя по всему, у нас появилась женская проза. Нет, не то чтобы женщины раньше, десятилетие или два-три назад не писали рассказов и повестей. Писали. Печатались. Но такого изобилия женских имен в “толстых” журналах не встречалось, специальные женские сборники (“Женская логика”, 1989 г., “Чистенькая жизнь”, 1990 г.) один за другим не выходили. Да и споры о том, существует ли женская проза, не возникали, поскольку не было предмета» (Абашева М. Чистенькая жизнь не помнящих зла // Литературное обозрение, 1992, № 5-6, С. 9).

К концу прошлого столетия в связи с происходящими социально-политическими событиями рухнул тип ментальности, распался социальный базис всеобщего понимания действительности, наступил кризис «советской цивилизации», что, несомненно, нашло свое отражение в литературном процессе. Произошла смена художественных эпох, эволюционировало творческое сознание художника, выкристаллизовались новые задачи и новые приоритеты. В центре внимания оказались нравственные и философские проблемы, аналитические задачи, предполагающие всесторонний разноректорный анализ действительности, исследование жизни сквозь призму восприятия различных социальных и гендерных групп, расширение лингвистического поля текстов.

Литература стала расслаиваться на высокохудожественную и массовую (коммерческую), соответствующую запросам массового читателя, нередко далекого от магистральных направлений культуры. Активное присутствие и развитие массовой литературы – знак социальных и культурных перемен, происходящих в обществе.

Нельзя не признать, что массовая литература, наряду с публицистикой, стала мощным каналом, через который идет активное вторжение субстандартов в современное общество, именно она погружает читателя в стихию современной жизни, ее бесчисленных повседневных проблем, создает эффект «познания реальности», представляет портрет рядового современника.

Наргиза ИБРАГИМОВА. Родилась в Навои в 1982 г. Окончила УзГУМЯ, магистратуру при ТГПУ им. Низами и аспирантуру при УзГУМЯ. Работает на кафедре русского языка пединститута в г. Навои. Литературовед, переводчик.

Выделение «женской прозы» в контексте современного литературного процесса, несмотря на возражения отдельных критиков, представляется вполне целесообразным: она выполняет многие перечисленные функции, рассчитана на «массового» читателя и вместе с тем обладает специфическими качествами, особой системой эстетического мировосприятия, образует целостное культурное пространство. Выделение «женской прозы» из общего массива современной литературы обусловлено сочетанием нескольких факторов, делающих ее устойчивым социокультурным феноменом, возникшим в процессе освоения женщинами публичного пространства и выражающимся в появлении литературных текстов, описывающих мир глазами женщин, их социальный опыт. Это произведения, написанные женщинами и о женщинах (центральная героиня – женщина). Проблематика этих произведений так или иначе связана с непростой женской судьбой, мир отражается сквозь призму восприятия женщины с учетом особенностей женской психологии, с использованием специфических приемов фиксации и расширением границ традиционной поэтики жанров. Повышенная публицистичность стиля, экспрессивность, интертекстуальность (обилие культурных отсылок, аллюзий); особая организация сюжета, в основе которого, как правило, бытовая история, возникающая будто из непосредственных наблюдений над жизненными явлениями или характерами, истории, которые могут случиться с каждым, и герою важно не преодолеть, разрешить ситуацию, а извлечь из нее урок, причем читатель не остается в стороне, он сопереживает, делает выводы; глубокий психологизм; особый тематический диапазон (исследование социально-психологических и нравственных проблем: добро и зло, кризис духовности, утрата морали, отсутствие религиозного фундамента, изменение роли женщины в семье, разлад мечты и действительности, поиски смысла жизни, любовь, кризис семьи, материнство, внутрисемейные отношения, душевные метания и дискомфорт обычного «маленького» человека, что для автора не менее важно, чем глобальные злободневные политические и социальные катаклизмы); фактографичность, «жесткий реализм», даже натурализм, нередко сочетающийся с тонким лиризмом; жанровые предпочтения (литературная миниатюра, рассказ, эссе, повесть, реже социально-психологический роман, авторские жанровые образования); художественное своеобразие стиля.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что «женская проза» выделилась как устойчивое значимое явление современной литературы, вызывающее глубокий интерес и читателей, и критики. Это не просто произведения, написанные женщинами, но особый взгляд на мир и людей, особый тип художественного творчества, нашедший художественное воплощение не только в русской литературе, но и в творчестве многих женщин-писателей всего постсоветского пространства. «Женская проза», как и остальная литература, ориентируется на поиск новых отношений в реальности, новых приемов их фиксации, на отражение новой действительности, обусловленной временем.

В современной узбекской литературе «женская проза» представлена творчеством Зульфии Куролбой кизи¹, Саломат Вафо², Дильбар Саидовой³, Фарида Афруз⁴, Шаходат Исахановой⁵, Мехринисо Курбановой⁶ и др.

1 Куролбой кизи З. Улим хеч нарса эмас. «Янги аср авлоди». – Т., 2011 йил.

2 Вафо С. Тилсим салтанати. «Шарк». – Т., 2004 йил.

3 Саидова Д. Кисмат уйини. «Шарк». – Т., 2005 йил

4 Афруз Ф. Поэзия и проза. – М., 2004 г.

5 Шаходат Исаханова. Заветное желание. «Шарк». – Т., 2011 г.

6 Курбанова М. Мухаббат Мавсуми. «Шарк». – Т., 2007 г.

Разрушение устоявшихся табу дало возможность этим писателям без ограничений выражать свою художественную позицию, а лозунгом художественного творчества стали эстетические поиски самого себя, индивидуальное решение дилеммы «Я и Мир» (кто этот Я и каков Мир), поиски механизмов выявления или сохранения нравственности, исследование социально-психологических и нравственных координат современной жизни и нашего современника.

Интересны в этом плане рассказы Зульфии Куролбой кизи «Женщина», «Грех», «Достоинство», «О Жизнь», «Солнце на моей стороне», анализ которых позволяет сделать некоторые выводы не только о поэтике прозы этого автора, но в немалой степени о своеобразии и путях развития узбекской «женской прозы», отражающей новую картину мира. Конечно, литература отражает общечеловеческие ценности, но художник опирается на свой опыт – национальный, религиозный, духовный. Как справедливо отмечала Е. Трофимова, «Искусство – это индивидуальный творческий акт, где личность художника, его особенности, его психологический рисунок самым непосредственным образом определяют форму и содержание произведения»¹.

Рассказы Зульфии Куролбой кизи отражают перемены, происшедшие в стране, в частности, сдвиги в сознании и положении женщин региона, который представляет писатель. Их отличает тщательный отбор жизненного материала, сделанный с тонким эстетическим чутьем в соответствии с художественным замыслом. Она умело как бы извлекает из потока повседневной обычной жизни нужный ей эпизод, заставляя читателя сопереживать, мучиться трагедиями своих героев и вместе с ними извлекать жизненные уроки без всякой дидактики и подсказок. Многие рассказы З. Куролбой кизи остаются как бы незавершенными, оставленными читателю на самостоятельное дальнейшее завершение. Глубинное исследование человеческой души, включенной в противоречивую, сложную, далеко не всегда позитивную реальность, высокая степень концентрации, «густота» жизни, сжатой порою в миг, искренность и реалистичность потрясают читателя, заставляют мучиться бедами и страданиями героев ее рассказов. В рассказе «Женщина» (переведенном С. Камиловой в 2012 г.) описывается экстремальная ситуация из жизни Назокат. Она обречена, доживает последние дни, при этом не упуская возможности радоваться солнцу, каждому новому дню. Страшная неизлечимая болезнь уродует прекрасное когда-то тело, обрекает на муки и страдания, однако любовь к мужу, желание нравиться, быть любимой заставляет женщину всем существом своим бороться за жизнь, стремиться к красоте: «...я не хочу умирать в таком ужасном виде! Не хочу! ...я потерплю. Я все выдержу... Назокат улыбнулась, затем вынула косметичку из-под подушки...» Жесткое натуралистическое описание физиологии страдающего тела, распростертого на больничной койке, ассоциируется с болью души. Антиномия «любовь – смерть», реализуемая в рассказе, исподволь утверждает мысль о том, что, если в сердце нет любви, человек мертв. Живым он только притворяется. Совершенно пронзительно звучит авторское замечание в день смерти Назокат: «Каким бы ни было лучезарным и сияющим солнце в этот день, никто не признался ему в любви, не погрузился в нежные его лучи...»²

1 Трофимова Е. Феминизм и женская литература в России. // Материалы первой российской летней школы по женским гендерным исследованиям. М. 1997. С. 47.

2 Цит. из рассказ З. Куролбой кизи «Женщина», перевод С. Камиловой. Сб. «Река души моей» Т. Изд. «Adib», 2012.

Рассказ «Грех»¹ – история недолгой любви Даврона и Бахорой. Кратковременное счастье тайных встреч обернулось для молодых людей (у каждого из них была семья) трагедией. Забеременев, Бахорой терзается чувством вины перед мужем, ненавидит свой грех и его «результат» и решается на преступление. Дискурс вины приходит из внешнего мира (страх перед тем, что скажут люди?) и подразумевает женское покаяние как само собой разумеющееся. «Чувство стыда охватило женщину... Оно было сильнее того, что ее радовало... Дошло до того, что Бахорой, чтобы освободиться от тяжелого чувства, которое давило сердце ... готова была на любую жертву... Стыд! ... Неужели не смою свой грех будущими мучениями, болью?»² В сознании героини понятие и признание своей вины влечет к покаянию, направленному не к спасению, а к утверждению альтернативы: я виновна – это мой грех, рок... Чувство вины формирует финал рассказа, в котором авторская позиция не обнаруживается, героиня решается на преступление, желая избавиться от ребенка. «Женщина поняла, что больше не может выдерживать холод в душе. И однажды... дрожащими руками сняла платок, которым был подвязан живот: “У тетушки Назокат был выкидыш, когда она поскользнулась и упала...” Трижды прыгнув с возвышения во дворе и упав, она почувствовала боль, которая становилась все сильнее, она еле сдерживалась... Бахорой удовлетворенно закрыла глаза. Это была родовая боль».³

Поступок Бахорой – это добровольно принятое ею наказание, возможно, трагедия всей ее последующей жизни. Зульфия Куролбой кизи объективно и отстраненно повествует о событиях и душевном состоянии героини.

Душа женщины в ее рассказах загадочна и непознаваема, ибо не исчерпывается ни виной, ни покаянием. Внутренняя борьба, не находя выхода, заканчивается трагедией: женщина, мечтавшая о материнском счастье, решается на добровольное убийство ребенка, не находя в себе сил независимо и самостоятельно определить свое место в жизни, противостоять общепринятому общественному порицанию. Рассказ заканчивается мыслью удивленной героини: «Как может быть боль столь приятной? О Господи!», предполагающей дальнейшие самостоятельные размышления читателя, его домысливание, выводы.

Несколько иной по тематике – менее психологичный, лишенный подробной детализации и углубления во внутренний мир героини, но вместе с тем выразительно воссоздающий историю перерождения человеческой души, рассказ «Достоинство»⁴.

Основа сюжета – бытовая история из жизни простых людей, в которой так мало места радостям. История не выдуманная, это то, что может происходить через стенку, в соседней квартире. Автор обращается к исследованию социально-психологической и нравственной проблематики современной жизни, сфокусировав внимание на жизни обычной семьи, в которой нашли отражение проблемы времени. Когда-то благополучная семья красавицы Нодиры и Санжара превращается в ад для обоих супругов. Нет ни бывлой любви, ни взаимопонимания, ни взаимоуважения, ни достатка. Санжар злоупотребляет спиртным, ругает и бьет жену. Нодира, привыкшая к оскорблениям и побоям

1 Куролбой кизи З. «Грех». Перевод Н. Ибрагимовой // ж. «Звезда Востока», № 5, 2019 г.

2 Там же., с. 75-76.

3 Там же, с. 76.

4 Куролбой кизи З. «Достоинство». Перевод Н. Ибрагимовой // Современная женская проза Узбекистана: «В поисках себя» – Н.: «Алишер Навои», 2020 г.

мужа, превращается в сварливую, равнодушную ко всему, озабоченную только долгами и нехваткой денег, бездушную фурию. Писатель прослеживает, как под влиянием обстоятельств происходит деформация личности, и создает нечто вроде национального архетипа женщины, погруженной в неразрешимые бытовые проблемы, глубоко несчастной, потерявшей человеческое достоинство, самоуважение, одинокой и отчаявшейся. Хозяйка квартиры, в очередной раз пришедшая требовать квартплату, предлагает Нодире выход из тупиковой ситуации – выйти на панель, так она, мол, заработает гораздо больше своего мужа. В пьяном угаре разгневанный Санжар убивает хозяйку. В рассказе нет виноватых, повинны обстоятельства. История пронизана болью за несовершенство мира, способного уничтожить все самое светлое, изжить в женщине привлекательность, милость. Именно безысходность и отчаяние толкает людей на шаги, которые уничтожают личность, трагически разрушают их жизнь. Художественная концепция Зульфии Куролбой кизи перманентно сужается до рамок отдельной семьи, частной судьбы и расширяется до глобальных масштабов, не выходя, однако, за рамки размышлений о значимости частной жизни.

Человеческое счастье начинается с малого – с семьи, любви, семейных отношений. Именно эти аспекты жизни, как основополагающие, и привлекают З. Куролбой кизи.

Как гимн жизни во всех ее проявлениях, звучит рассказ о старике Назаре¹, немало пожившем, повидавшем на своем веку много трудностей и горя, потерявшем своих близких – сына, жену – и уже практически никому не нужном, но продолжающем радоваться всякому новому дню, ценить жизнь. «Я только начинаю жить!» – думал он каждое новое утро».

Женская проза Зульфии Куролбой кизи – явление, несомненно, заметное и значимое в современном узбекском литературном процессе, позволяющее взглянуть на мир под особым, женским, углом зрения, увидеть духовные и нравственные проблемы, волнующие современную женщину, задуматься над ними, увидеть истоки зарождения зла.

В рассказах З. Куролбой кизи образ женщины, увиденный, осмысленный и воссозданный самой женщиной, не схематичен и безлик, но наделен особой ментальностью, раскрывающейся в женском предназначении. З. Куролбой кизи намеренно самоустраняется, отказывается от всякой авторской оценки, погружая читателя в свой, из жизни выхваченный, текст, «осколки житейских историй» настолько знакомых и близких читателю, что он не может остаться к ним равнодушным, испытывая боль и сострадание.

Создавая свою художественную картину мира, З. Куролбой кизи стремится исподволь, ненавязчиво представить собственный взгляд на заявленную в произведении проблему. Тематика ее рассказов зачастую совсем не нова, нов ее уникальный взгляд на мир и все происходящее в нем.

Через злключения своих героинь З. Куролбой кизи сумела художественно запечатлеть суть многих духовных процессов, происходящих в современном кризисном мире, показать уровни духовного перерождения современной женщины, зачастую переступающей, в силу новых жизненных обстоятельств, общепринятый национальный уклад жизни.

¹ Куролбой кизи З. «О жизнь!» Там же.

УЗБЕКСКАЯ ТЮБЕТЕЙКА – СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА

Дилором МУРОТОВА

С первых дней независимости в республике начался процесс возрождения национальных ценностей, традиций и обычаев. В честь многих писателей, ученых, мыслителей были созданы парки, реконструированы и обновлены места поклонения великим людям, возвращены народу тысячи святых мест, возрождаются народные ремесла.

В соответствии с многовековыми традициями живет и развивается искусство вышивания тюбетеек, передающееся из поколения в поколение и обусловленное своеобразием климатических условий местности и эстетического мировоззрения народа. Если андижанская, наманганская, чустская, ферганская, кокандская, маргиланская школы по изготовлению тюбетеек отличаются своим изяществом, четкой графикой и композицией, искусными швами, то бухарское золотошвейное искусство известно совершенством дизайна и своей спецификой. Школы вышивания тюбетеек Бойсуна, Сурхандарьи, Шахрисабза и Кашкадарьи сохранили народные традиции. Все эти школы объединяет общая национальная идея, в них живут национальные гордость и достоинство.

Тюбетейка, являясь главным аксессуаром национального костюма, заняла значимое место в ряду вековых ценностей, превратившись в своеобразный знак, символ. Тюбетейка не только элемент национальной традиции и менталитета. Это головной убор, который, являясь произведением искусства, воплощает в себе все достоинства народа – отвагу и гордость мужчин, красоту, изящество и нежность женщин. Иначе говоря, она является символом самобытности мировоззрения и мироощущения народа, его традиций и образа жизни, сформировавшихся на протяжении тысячелетий.

История узбекской тюбетейки корнями уходит в глубокую древность. Убор, напоминающий тюбетейку, украшает головы каменных скульптур правителей на древних медалях и монетах, встречается в настенных росписях древних городищ, на керамических изделиях, найденных во время археологических раскопок на территории Узбекистана. Она стала традиционным атрибутом средневекового искусства, книжной графики и миниатюры XV – XVI вв.

В уютном дворе, на деревянном помосте, собрались девочки-подростки:

Дилором МУРОТОВА. Родилась в 1963 г. В Самарканде. Окончила Ташкентский политехнический институт (ныне ТПУ). Автор прозаических сборников «Кўнгил шафақлари», «Таҳайул тонги», «Ишқ ёмғири», книги переводов «Куст сирени» и нескольких научно-популярных книг и пособий: «Тюбетейка моя, вышита золотом она...», «Тюбетейка узбеков», «Правовые стороны семейных отношений» и др.

брови накрашены усьмой, ногти – хной, а руки размеренными движениями вышивают узор на тюбетейке. Их доверительные беседы вплетаются в узор вышивки, самые сокровенные чувства сельских девушек, картины первозданной природы, ощущение полноты счастья узбекского народа, живущего на этой благодатной земле, его врожденная любовь к искусству, наукам нашли воплощение в тюбетейке.

Разумеется, в рисунке и композиции старинных и современных тюбетеек есть различия. Это результат движения творческого процесса, отражающего становление художника, на долю которого выпадало жить в разные периоды: и во времена упадка, и во времена подъема общества. Его искания, стремление осмыслить жизнь, ее очередной этап, мир, время вносили коррективы и изменения в художественное творчество.

Андижанские тюбетейки

В Андижане тюбетейки подбираются к одежде девушек – «окпар» – в основном белого цвета. С помощью вышивки составляется композиция «чоргул». Верхняя часть отделяется зигзагами на четырех сгибах. На каждом сгибе располагаются одинаковые бутоны, иногда между цветами делают украшения в виде надписей.

На мужских тюбетейках верхняя часть с четырех сторон украшается изображением миндаля. Вышитый у широких околышей тюбетейки полумесяц одинаковой высоты. Во внутреннюю часть швов добавляется прокладка (бумага, ткань и т. д.), которая отличает тюбетейку от той, в которой ее нет. Для андижанских тюбетеек «сетора» и «инжик» характерны мелкие и тоненькие стежки, образцы «андижан», «калин», «шахрихон» и «пахтаобод» сохранились до настоящего времени.

Бухарские тюбетейки

Для бухарских тюбетеек характерен известный способ вышивания золотом. Вышивание является наследием, сохранившимся благодаря золотошвейному искусству бухарских мастеров и ремесленников. Содержание узоров, отделка разноцветными швами, тончайшая техника сформировались в далеком прошлом.

Женские тюбетейки в основном вышивались техникой «зардузи-гулдузи» и «зардузи-заминдузи». Для их пошива использовались грубая белая хлопчатобумажная ткань, желтый сатин и разноцветный бархат.

В широком употреблении с давних времен в Бухаре были мужские тюбетейки конусообразной формы. Четырехугольные, высокие, куполообразные тюбетейки украшались вышивкой белой шелковой нитью. Верхняя часть широкого околыша украшалась арабскими надписями. При вышивании применялись такие техники, как «тагдузи» или «ироки».

В слове «зардузи» («вышивка золотом») «зар» означает «золото», а «дузидон» – «шить, вышивать золотыми нитями».

Кашкадарьинские тюбетейки

В Шахрисабской и Китабской областях тюбетейки «ироки» восходят к далекому прошлому.

В процессе изготовления тюбетеек используются украшения в виде полумесяца или особая тесьма на широком околыше тюбетейки. Такие

тубетейки в Шахрисабзе и Китабе называют «калпок», а в Ташкенте – «гилламдуппа». Канва тубетеек («буронбой»), изготавливается из грубой хлопчатобумажной ткани способом «тагдузи» и расширяется шелковыми нитями.

В Кашкадарье, кроме тубетеек «ироки», широко распространены такие виды, как «пилтадузи» или «тулдирма». При изготовлении тубетеек способом «пилтадузи» для фитиля в основном используется бумага. Вдоль фитильков на тубетейке вручную делается разноцветная вышивка шелковыми нитями способами «текис» или «илмок». В круглых конусообразных плоских тубетейках в местах с не очень широкими околышами способом «йурма» пришивается особая тесьма. В местах соединения тесьмы на тубетейке шелковыми разноцветными нитями пришивается кисточка как украшение. В середине XX века широко бытовали женские четырехугольные и треугольные тубетейки «ироки».

Каракалпакские тубетейки

Каракалпакские тубетейки обычно имеют форму купола, верхняя их часть состоит из четырех простеганных сегментов. Для твердости тубетейки к подкладке приклеивается ситцевый материал, по краям пришивается каёмка, которая украшается шелковой бахромой. Подростки носят бархатные тубетейки голубого и зеленого цвета, а старики и дети – полувышитые тубетейки со своеобразной композицией вышивки разноцветными шелковыми нитками.

Каракалпакские тубетейки изготавливаются не только из фабричных тканей, но и из материалов местной ручной работы. Тубетейки из бархата называются «токима такая», или «макпал такая». Иногда тубетейки, похожие на ромбики, называются «кучкоршохи». Вышитые тубетейки называются «козба такая».

Наманганские тубетейки

В начале XIX века в Намангане были знамениты тубетейки «чуст». Это ровно складывающиеся четырехугольные и треугольные тубетейки, изготовленные техникой «пилтадузи» (с бумагой в «пилте»). Вышивка выполнялась преимущественно белыми нитями, а бутоны вышивались розовыми, желтыми, бордовыми, фиолетовыми и зелеными нитками. Для вышивания детских тубетеек использовались цветные нити.

Чустские тубетейки состоят из четырех сегментов («каржа») с выпуклыми линиями. Для основы используется черный, синий или зеленый сатин. В верхних частях делений («каржей») вышиваются узоры в виде пера.

Самаркандские тубетейки

В Самарканде мужские тубетейки имели форму купола. Четырехсторонние, высокие, с широким околышем («кизаком»), к краю которого пришивалась особая широкая тесьма («джияк») из темного материала.

Тубетейки такого типа изготавливались из черного сатина или шелка. Макушка и «кизак», как правило, вышивались узором «куптирма». Обычно вышивка выполнялась разноцветными нитями. На верхних сторонах и «кизаке» вышивались аналогичные узоры в технике «пилтадузи».

Ургутские тубетейки своим изяществом и красотой во все времена привлекали внимание в Самарканде.

Округлые, с высоким «кизаком», тубетейки вышивались цветными

шелковыми или простыми нитями на черном сатине в технике «пилтадузи» и вышивкой под названием «канда хаёл» и «йурма».

Рисунок состоял из цветов и геометрических фигур. Тюбетейки, предназначенные для детей, украшались бусинками и металлическими «листьями» между цветами.

Сурхандарьинские тюбетейки

В тюбетейках Сурхандарьинской школы сохранилось искусство традиционной национальной вышивки. Тюбетейки, изготовленные в Сурхандарьинской области, отличаются особым изяществом.

Особенно привлекателен прекрасный тон цветов на бойсунских и дашнабадских тюбетейках, символизирующий душевную близость и любовь к природе.

Тюбетейки под названием «тулдирма», «пулакча», «тангача» или «лолагул» с удовольствием носят как взрослые мужчины, так и юноши. Такие тюбетейки шьются из бархатно-плюшевой ткани, поэтому называются «патдузи».

«Тулдирма»

Женские тюбетейки «мунчок», или «шабانونк», имеют круглую форму и расшиваются мелким цветным бисером. К краю околыша тюбетейки («кизаку») прикрепляется тесьма («джияк»), изготовленная в стиле «йурмадузи». Женские тюбетейки отличаются от мужских узором и цветом. После прикрепления тесьмы («джияка») место соединения украшается бубенчиком из разноцветных нитей.

Ташкентские тюбетейки

Мужские тюбетейки в Ташкенте изготавливаются в основном из ткани «духоба» синего, черного, темно-зеленого и фиолетового цветов. Тюбетейки складываются в треугольник без «каржа», в верхней части они круглые.

К середине XIX века были созданы тюбетейки, предназначенные для девушек, под названием «Башорат». Такие тюбетейки шьются из ткани «сидирга духоба» с четырьмя делениями и расшиваются цветными нитями.

На точно такие же синие или темно-фиолетовые тюбетейки из ткани «такир духоба» в форме четырехугольника нашиваются разные цветы из бусинок («нозик») на четырех сторонах делений («каржей») и по краям.

С 1940 года для девушек начали изготавливать тюбетейки под названием «ироки нусха». От тюбетеек для девушек Шахрисабской и Китабской областей ташкентские «ироки» отличаются четырьмя делениями и ровным верхом.

Ферганские тюбетейки

В Фергане были созданы маргиланские тюбетейки, аналогичные чустским. Верхняя часть у них делится на четыре сегмента («каржа»). На каждом карже вышивается рисунок в виде перца. Шьется тюбетейка из черного сатина с использованием цветных нитей. Маргиланские тюбетейки отличаются от тюбетеек Чуста тонкостью и стилем вышивания. Цветы на тюбетейках вышиты белыми нитями, рисунок в процессе вышивания становится выпуклым, рельефным. Чтобы добиться такой выпуклости, по линии рисунка выполняется шов нитями («тушама») под основной вышивкой, куда прикрепляется тонкая

лента, вырезанная из водостойкой бумаги или ткани. Тюбетейки изготавливаются в стиле «пилтадузи». К краю околыша («кизака») прикрепляется тесьма («чалма джияк») из черной хлопковой или шелковой нити.

Тюбетейки для мужчин, детей, девушек и женщин различаются.

Кокандские тюбетейки

«Чоргул»

Для кокандских тюбетеек используются черные и зеленые хлопчатобумажные ткани. К краю околыша тюбетейки крепится тесьма – «чалма джияк», сделанная из черных хлопковых нитей. Четырехгранные невысокие тюбетейки выполнены в стиле «пилтадузи» с использованием ручной вышивки «хомдузи», «чиндахаёл» и «илмок». На тюбетейках используется композиция «чоргул», вышивка выпол-

няется в виде «каламбир» и «бодом». К краю подбираются «мехроб», «арка» или лепестки цветка, соответствующие образцу вышивки в верхней части. Для вышивки обычно используются белые, желтые, розовые и фиолетовые нити.

Хорезмские тюбетейки

В Хорезме тюбетейки называются «такя», «токи», или «тейха». Они выделяются своей оригинальностью и шьются из шелка или тканей «духоба» и «зарбофа». Известны также «зартакя», «козма такя», «папакли такя», «монатли такя» – знаменитые хорезмские тюбетейки. Они преимущественно круглые – из бумаги или ваты, а некоторые из них изготавливаются с помощью «тушама» из жесткой бумаги. Тюбетейки шьют с использованием импортных тканей – «фаранги» и парчи. К краю прикрепляется «чалма джияк» (тесьма) из красных и оранжевых нитей. Место присоединения джияка украшается бубенчиком.

Легенда об иголке и напёрстке

Однажды один принц выехал на охоту и оказался в пустыне. Его мучила жажда, он метался в поисках дороги и оказался перед хижинкой. Войдя, он увидел старика, старушку и их красавицу-дочь, которая вышивала тюбетейку. Принц попросил у них воды. Очарованный красотой девушки, принц вдруг заметил, что пальцы девушки окровавлены. Удивившись, он спросил о причине этих ран. Вместо ответа девушка указала на красиво вышитые тюбетейки. Деревянной иглой в своих чудных узорах она сумела передать всю красоту природы. Принц отдал должное тонкому вкусу девушки, был очарован вышитыми узорами и в прекрасном настроении возвратился домой. Прибыв во дворец, он тут же приказал своему кузнецу сделать металлическую тонкую иголку и приспособление для защиты нежных пальцев при шитье. Так появились иголка и напёрсток.

Девушка в знак любви и благодарности, отразив в узорах, вышитых на тюбетейке, все свои чувства, подарила ее принцу. Ремесленники страны были благодарны принцу за создание чудесных инструментов для шитья.

ПОСТМОДЕРНИЗМ – МАССОВЫЙ ПАРАЛИЧ РЕАЛЬНОСТИ

Маргарита ШИН

Если говорить о чистоте литературных направлений, то как такового чистого направления, как и «чистого искусства», в природе не существует. Они (направления) – классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, авангардизм, их ответвления – засели глубоко в корне дерева под названием литература. В любой момент, в любом месте может появиться новая тенденция – это всего лишь дань времени и моде. Каждая эпоха диктует свои правила, возникают новые потребности, рождаются новые возможности, обуславливающие новую форму мысли.

Постмодернизм нельзя назвать литературным направлением, так как это понятие охватывает все сферы деятельности, врывается в искусство, переворачивает музыкальную индустрию, преобразует кинематограф. Под постмодернизмом понимается стиль жизни, который меняется в зависимости от смены исторических эпох, однако не стоит полагать, что постмодернизм меняет свой облик ежесекундно. Это направление напоминает калейдоскоп множества идей, которые сменяют друг друга, образуя паутину сверкающих звеньев. Невозможно точно назвать время, когда постмодернизм закончит свое существование, какое направление его сменит, но одно очевидно – постмодернизм переживает свой закат.

Если в каждом литературном направлении можно вычленить фигуру автора, то в постмодернизме настала «смерть автора», конечно же, не в прямом смысле. Автор произведения расщепляется, приглашая читателя творить свою историю произведения. Читательская парадигма меняется, на ее место приходит соавторская ступень, которая позволяет автору уйти за кулисы лишь с одной целью – наблюдать за действием. Читателю предоставляется полная свобода в интерпретации смыслов, принцип айсберга становится главенствующим. Не обременяя массового читателя, он позволяет увидеть лишь часть ледяного айсберга, а элитарная масса должна прорваться на самое дно, чтобы познать истинный замысел произведения. Вскрыть двойные смыслы, пытаться распознать истинное за ширмой – вот к чему должен стремиться читатель, погруженный в постмодернизм. Одной

Маргарита ШИН. Родилась в г. Ангрене в 1996 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз. Магистрант кафедры Мировой литературы (Литературоведение. Русская литература) ФЗФ НУУз, имеет несколько научных публикаций.

видимой поверхности бывает достаточно только в том случае, когда читатель не ориентирован на познание чего-то затаенного. Важным фактором в постмодернизме становится печать туманности, влекущая недопонимание, отсылку к другим произведениям... Зачем же тогда произведение, которое представляет из себя только выжимки из других произведений? Разве это не плагиат? Как бы ни странно звучало, но это не считается плагиатом, это метод творчества, способный из совокупности «чужого» создать уникальное «свое», в постмодернизме это явление считается не только уместным, но и оптимальным.

При всей хаотичности предтеч и русел постмодернизма можно выделить наиболее очевидные:

- экзистенциализм – бытие иррационально, личность пребывает в тисках страха и тревоги, в ожидании чего-то неизбежного. Меланхолия и апатия сопутствуют жизни каждого человека, жизнь нельзя изменить в корне, она движется по спирали повторов и бесконечных замен;

- постструктурализм – символизирует весь негативный пафос, охватывающий дебри сознания мятущегося в поисках истины, подвергающего всё и вся сомнению субъекта. Оторванность от реальной действительности мешает приобретению позитивных знаний.

- поп-арт – визуальное искусство, ориентированное на захват массового мышления. Его выбор бытийных предметов изображения делает искусство более доступным и понятным. Обычные вещи, например, стакан кока-колы, этикетка от конфеты, превращаются в символы, им отдают дань на выставках, их инсталляции заволаживают зрителей и суровых знатоков традиционного искусства.

- магический реализм – смешанная гамма чувств, двояко обусловленных фантастикой и реальностью. Сказочные, фантастические явления даются вместе с фактами из жизни. Перемешиваясь в одном историческом срезе, они образуют причудливую мозаику элементов, грани которых стираются, и остаются только туманные подсказки.

Важным является вопрос о позиции автора. Что же представляет собой автор в произведении? Отмечают «Смерть автора». Это глубокая метафора, автор не умер, он жив, только его произведение не принадлежит всецело ему, оно порождено идеями множества писателей, на которые ориентировался автор. Читательская позиция обуславливает переливы мотивов, понимание идеи, читатель – властитель текста. В постмодернизме все подвергается критике, вернее сомнению, нет ничего святого. Единственным неизменным способом познания мира остается излюбленный приём Н. В. Гоголя – смех, ставящий в тупик, не шадящий никого, жалящий, вскрывающий язвы общества. Он позволяет смотреть на мир и все происходящее в нем без трагизма, впоследствии ошущая их послевкусие.

В постмодернизме смешано столько ингредиентов, что порой он теряет конкретность в их множестве, однако все элементы тем не менее подчиняются единому замыслу и полностью зависят от него. На сегодняшний день эталонов для подражания много, но они часто меняются, появляются другие лидеры. Постмодернисты отнюдь не нигилисты, они как маятники, которые носят из стороны в сторону благодаря беспрецедентной вспышке течений. Писатель зачастую творит в онлайн-пространстве, где готовое

произведение сразу же получает широкую огласку и публикуется на всех сайтах. Массовая доступность, покоряющая мир, заставляет искусство менять платформу и ориентироваться на обыкновенных пользователей Интернета. Однако это не обесценивает книжные и журнальные издательства, тем более что и они переходят на электронное издание.

Характерной особенностью постмодернизма является его эклектичность, позволяющая находить общий язык как с приверженцами бульварной литературы, так и с ценителями классики. Необходимо уяснить, что полюса искусства не должны находиться только на одной оси. Каждому читателю необходимо задуматься над раскодировкой произведения, хотя некоторым достаточно первого слоя. Таким произведением, полным аллюзий и иллюзорных картин, является роман Т. Толстой «Кысь». Название романа не дотягивает до глубинного замысла писателя, оно слишком сжато и имеет ограниченное количество аналогий, несмотря на это именно его краткость заставляет читателя проникнуть в смысл слова и прочувствовать его значение. Все герои охвачены страхом, который совсем неясно обрисован автором с целью наведения тумана. Сам образ «кыси» дается как лейтперсонаж, постоянно появляющийся из зарослей леса, наводящий ужас на жителей Москвы. Главное то, что автор описывает не предвидение апокалипсиса, а его последствия и как бы предупреждает всех о том, что глобальная катастрофа не надвигается, она уже настала. Чуждаковатые образы оправданы только тем, что они физиологически и духовно трансформировались и все поражены каким-либо дефектом. Из-за отсутствия конкретики исчезает потребность в дальнейшем прочтении, лишь особо любознательные читатели дочитывают текст. Одного прочтения для произведения постмодернизма всегда недостаточно, требуется несколько прочтений. Это вовсе не означает, что нужно мусолить книгу, пытаясь вникнуть в замысел автора. Нужно попытаться понять и учесть все художественные детали, которые помогут усвоить материал и осмыслить его.

Как справедливо отмечает Р. Барт, «понятие “постмодернизм”» не следует понимать буквально, само искусство выступает как некая абстрактная сущность, грани которой распространяются на все сферы деятельности человека».¹ Нельзя утверждать, что постмодернизм – это новейшее искусство XXI века и будущего, нет, ему на смену придут новые направления, которые представят свои вариации взгляда на мир.

Итальянский ученый и писатель У. Эко утверждает, что постмодернизм – это ответ модернизму, некое духовное состояние, вовсе не ограниченное хронологическими рамками: «В мире всё уже сказано. Литература XX века связана с иронической подачей уже известных истин».² Но тем не менее после любого кризиса наступает новый расцвет, предлагающий свои формы бытия, которые необходимо будет отражать. Не исключено, что в искусстве появится новое течение, которое, как и постмодернизм, вберет в себя все сливки прошлых лет и оправдает чаяния будущих поколений.

¹ Барт Р. Нулевая степень письма. – М., 1983, С. 78.

² Эко У. О литературе. – Милан, 2016, С. 25.

ФИЛОСОФСКАЯ СУБСТАНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ

Донат ИНОГАМОВ

В начале XXI века в музыкальную культуру Узбекистана пришло новое поколение композиторов, внесшее свежую струю в современную музыкальную жизнь. Внимание музыкальной общественности Узбекистана привлек молодой композитор Фаррух Акрамов своим оригинальным сочинением – Симфонией «Big Bang», премьера которой состоялась в 2012 году в исполнении Национального симфонического оркестра Узбекистана в программе концерта симфонических произведений молодых композиторов.

Симфония «Big Bang» написана в 2010 году, как результат увлечения композитора научной теорией «Большого взрыва». Оригинальность идеи симфонии обусловила выбор современных выразительных средств, применение инновационных технологий музыкального письма. Симфония предназначена для тройного состава оркестра с расширенной группой ударных инструментов, с включением арфы и фортепиано. Ее одночастная композиция представляет собой замкнутую систему, внутри которой происходит постоянное преобразование тематического материала, энтропия звуковых элементов, способствующая флуктуации формы. Проблема формообразования в симфонии, самом философском из всех музыкальных жанров, является одной из ключевых. Композитор Виктор Хандамян отмечает, что экспликативный порядок в форме и структуре музыкальных произведений рассказывает о времени и эпохе создания той сущности, что «зажигает огонь и высекает его из сердец человеческих». В этом смысле в симфонии «Big Bang» проблема времени и пространства решена композитором в философском аспекте осмысления глобальных вопросов мироздания.

Сочетание разностилевых элементов, подобных наночастицам, драматургия их взаимодействия приводят в итоге к созданию целостного образа, сформировавшегося в процессе сложного развития. К успеху Фарруха Акрамова привели годы упорного труда и непрерывного совершенствования, овладения мастерством.

Начальный этап формирования творческой личности Акрамова связан с древней Бухарой, где он родился, ее культурными традициями,

---

Донат ИНОГАМОВ. Родился в 1982 году в Термезе. Самостоятельный соискатель (PhD) кафедры истории музыки и критики Государственной консерватории Узбекистана. Автор научных статей о современной симфонической оркестровой культуре Узбекистана.

неповторимой самобытной архитектурой, сохранившей уникальные духовные ценности. Свое первое произведение будущий композитор сочинил для аккордеона в тринадцатилетнем возрасте.

Ф. Акрамов окончил музыкальную школу, колледж и композиторское отделение Государственной консерватории Узбекистана, написав немало произведений различных жанров за время учебы: струнных квартетов, хоро-вых сочинений а саррелла, вокальных циклов, пьес для фортепиано, сольных, ансамблевых, оркестровых произведений.

Молодой композитор достойно заявил о себе, активно участвуя в международных конкурсах и фестивалях, завоевывая награды. В числе его несомненных творческих удач следует назвать такие произведения, как «Ничего не спрашивай» на стихи Сирожиiddина Рауфа для сопрано и струнного квартета, «Падение» по мотивам творчества немецкого поэта Георга Тракля для кануна, клавесина, сопрано и струнного трио, «Атмосфера» для ударных инструментов, написанная для голландского перкуссиониста Арнольда Мариниессена, «Музыка для камерного ансамбля».

В этих сочинениях воплощены философские размышления, сложные психологические состояния, в которых взаимодействуют сознательное, бессознательное и подсознательное начала. Как отмечал композитор Эдисон Денисов, «При композиционном процессе одновременно вступают в работу различные слои человеческого сознания, а роль подсознательного возрастает в огромной степени»¹. Интересно в этом плане сочинение «Сумерки» для на-ая, чанга, ударных инструментов, написанное в 2009 году, неоднократно исполнявшееся ансамблем «Omnibus» в разных странах: Южной Корее, Киргизии, Австрии, Германии.

Ф. Акрамов со своими произведениями («По ту сторону сознания», Рубаят» на стихи Омара Хайяма, «Хайку» по мотивам поэзии Мацуо Басё и др.), исполненными глубокого философского смысла, неоднократно участвовал в международных фестивалях, конкурсах, завоевывая почетные призы и звания.

Весьма успешно композитор экспериментирует в сфере создания электронной музыки. В 2017 году он сочинил вокальный цикл для флейты, вибратона, арфы, тенора, альты и виолончели на стихи Абдуллы Арипова, Рудаки и Эркина Вахидова и цикл «Дни недели» для гобоя, валторны и фортепиано, которые обратили на себя внимание музыкальной общественности.

Профессор Анатолий Советович Варелас отметил, что Фаррух Акрамов обладает яркой индивидуальностью, оригинальностью идей, современным художественным и философским мышлением, увлечен инновационными технологиями... Он ищет смелые экспериментальные пути и вместе с тем не нарушает контакта между композитором, исполнителем и слушателем, не прерывает связь с традицией... Действительно, музыка Акрамова захватывает юношеской пылкостью, богатством тембровых красок, пафосом самовыражения выдающейся личности, и несомненно, что у молодого композитора главные успехи еще впереди.

¹ Денисов Э. В. О композиционном процессе // Денисов Э. Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники. – М., 1986. – С. 13.

АСПЕКТЫ ОБЩНОСТИ ТЮРКСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Наврузбек СОБИРОВ

Музыка тюркских народов, населяющих обширную территорию в середине части азиатского континента, – явление уникальное, имеющее давнюю историю и богатые традиции. Разнообразен и специфичен звуковой мир музыки тюрков с широким спектром звучаний: от низких, обертоново богатых, грудных с хриплыми, фальцетными призвуками до высоких и напряженных. Имея разную степень «плотности», высотную подвижность, они неотделимы от понятия «национальной идентичности». Их тембровая специфика, чуткий и рафинированный звук указывают на существование оригинальной звуковой системы, которая, как и звуковой мир музыки тюрков в целом, пока не стала объектом специального изучения.

Учитывая неослабевающий интерес к феномену звука во всем мире, данный аспект исследования позволит по-новому взглянуть на музыку тюркских народов как в региональном, так и в мировом контексте, расширить представление о ее происхождении и эволюции. Изучение истории и структуры музыкальных инструментов, безусловно, поможет противостоять процессам глобализации и унификации.

Предметом анализа в статье являются музыкальные традиции и инструменты тюркских народов, проживающих в Центральной Азии (казахи, киргизы, туркмены, узбеки, каракалпаки), Южной Сибири (алтайцы, тувинцы, хакасы), северо-западной части Китая (уйгуры и казахи Синьцзян-Уйгурского автономного района) и Монголии (казахи).

Древнетюркские племена входили в состав могущественных кочевых империй, межплеменных союзов и государственных объединений, возникавших на обширных пространствах Великой степи, имевших тесные экономические, политические и культурные контакты со своими соседями (Китаем, Ираном, Россией, арабскими странами) и оставивших разнообразные памятники материальной и духовной культуры.

В регионе сложилось два хозяйственно-культурных типа: кочевой и оседло-земледельческий. Для музыки кочевых и оседлых тюрков общими были жанровый состав, функционирование обрядовых эпических и лирических форм, музыкальный инструментарий, в котором доминантное положение занимают составные музыкальные (смычковые и шипковые) инструменты. У оседлых тюрков использовались жанры классической музыки, основанные на

Наврузбек СОБИРОВ. Родился в 1992 году в Ферганской области. Окончил Ташкентскую консерваторию по специализации «Национальные инструменты» и магистратуру при ней. Публиковался в республиканских и международных научных сборниках.

принципах макома, и привлекались адаптированные к местным условиям танбур, уд, афганский рубаб.

К сожалению, традиционная музыка тюрков во всем ее многообразии не столь известна в мире и как единое явление почти не изучена. Существующие труды посвящены в основном культурам отдельных народов. Обобщающих, сравнительно-типологических исследований почти нет.

Как известно из восточной средневековой науки (Аль-Фараби, Ибн Сина, Джами, Сафи-ад-Дин, Мараги, Махмуд Кашгари, Рашид-ад Дин, Абулгази и др.), многие центрально-азиатские музыкальные инструменты производятся из тутового (считающегося самым «поющим»), или абрикосового (реже орехового) дерева, или можжевельника: узбекская и таджикская домбры, туркменский и узбекский дутар, таджикский и узбекский танбур, сетор и рубаб (многострунные лютни). Корпус азербайджанского саза (восьмиструнный плекторный музыкальный инструмент) сделан из тутового, а гриф – из орехового дерева. Дека для узбекской домбры тонкая, изготавливается преимущественно из тутового дерева.

Танбур широко использовался народами Востока и Средней Азии. Инструмент отличался тем, что имел маленькую головку и длинный гриф, внешне был похож на дутар. Основание инструмента было деревянным, его изготавливали из ореха, туты, абрикоса. Танбур – трехструнный инструмент, лады состояли из шелковых струн в количестве от шестнадцати до девятнадцати.

Для игры на этом инструменте использовался серебряный или металлический нохун (ноготь), который надевался на указательный палец. Гиджак (гыджак, гыржак, гижак, gijjak) – струнный смычковый народный музыкальный инструмент узбеков, таджиков, каракалпаков, туркменов, уйгуров. Конструкция гиджака близка персидской каманче, распространенной в Азербайджане, Иране и Армении.

В народных музыкальных инструментах заложена философия и мудрость веков. На гиджаке, используемом в узбекских национальных оркестрах, исполняют народную музыку, песни, инструментальные пьесы, макамы (вокально-инструментальный циклический жанр, в мелодической основе которого чаще всего лежит интонация плача).

Корпус гиджака шаровидной формы, по традиции изготавливается из тыквы специального сорта, дерева или другого материала (например, крупного кокосового ореха), он обтянут кожей. Размеры инструмента часто зависят от материала, из которого он изготовлен. В современном гиджаке четыре струны, хотя исторически встречались и трехструнные гиджаки. В старину у гиджака были шелковые струны, сегодня – металлические. Принято считать, что гиджак еще в XI в. изобрел Авиценна (Абу Али ибн Сина) – великий узбекский ученый, врач и философ, который заложил основу науки о музыкальных инструментах, описал почти все существующие в то время музыкальные инструменты и подробно их классифицировал.

В производстве киргизского комуза предпочтение отдается ореху, березе. Корпус инструмента выдалбливается из цельного куска дерева. Дека – еловая или сосновая.

В производстве узбекской и таджикской домбры, туркменского дутара, имеющего длинную шейку с металлическими ладками, а также танбура предпочтение отдается инструментам с выдолбленным корпусом. У узбекских дутаров, азербайджанских сазов преобладает клееный ребристый корпус.

Шелковица и абрикос, орех или бук в какой-то мере определяют специфику тембра таких шипковых музыкальных инструментов, как дутар, танбур, сетор, рубаб. Звучание инструмента зависит не только от дерева и его

свойств, но и от струн, которые используются в музыкальной практике, а также от деки, ее качества. Особое значение имеет сочетание данных компонентов.

С давних времен в производстве музыкальных инструментов в Центральной Азии используются натуральные материалы: кости и кожа птиц, животных, обитающих в регионе, дерево, позже металл, а также струны животного происхождения: волосяные, жильные (кишечные), позже появились шелковые, металлические струны. Для деки используют различные кожи: верблюжью, коровью, овечью, оленью, осетриную. По мнению специалистов, сочетание верблюжьей кожи и конского волоса особенно удачно для извлечения звука на кыл-кобызе. Их звучание гармонирует с окружающим миром и внутренним состоянием человека.

В результате взаимодействия названных компонентов складываются целые музыкально-акустические системы с разным набором составляющих и, соответственно, специфическими тембро-звуковыми характеристиками. Обладая достаточной гибкостью, они ориентированы в равной мере на природно-климатические условия и этническую характерность, т.е. служат своего рода индикаторами той или иной этнокультурной среды.

Определенные сорта и виды деревьев, используемые в практике создания музыкальных инструментов, являются потенциальными носителями тембра, произрастая в конкретной природно-климатической зоне, они влияют на звуковые представления, как и типы хозяйствования (скотоводство, земледелие) и образ жизни (кочевой, оседлый). Музыкальный инструмент – результат гармонии внешнего (материальный памятник) и внутреннего (чувства и творческое вдохновение мастера-творца) миров. Будучи определенной музыкально-акустической и, соответственно, музыкально-слуховой системой, он имеет свою этнокультурную, природно-географическую принадлежность.

В Центральной Азии был распространен в основном кочевой образ жизни. Кочевые государства отличались мобильностью и могуществом, особое развитие там получило воинское искусство: кочевое государство – военная организация, с централизованной сильной, как правило, ханской властью. Обязательным атрибутом военных действий были духовые и ударные музыкальные инструменты – трубы, боевой барабан, (ногора) литавры (дол).

Одно из занятий кочевников – охота – тоже сопровождалась специальными звуковыми наборами.

Звук инструмента и голос оказываются эквивалентными друг другу, обозначаются одними и теми же терминами (товуш/тавыш/дауыс, овоз, сес и др.). Человеческий голос остается ведущим. С ним связаны первоначальные представления о музыке. С помощью голоса извлекаются не только песенные мотивы, напевы (песни), но и любые звуки, включая сигналы, звукоподражания (корпоромузыка), а также речевые фонемы. Об этом свидетельствуют группы понятий и терминов, указывающие на определенные виды и жанры музыкального творчества тюрок. Некоторые из них характеризуют не только речевые и музыкальные звуки (см. товуш, ун, сес, дауыс), но обозначают мотив, мелодию, одновременно говор (см. аялга, тув.).

Интересны народные термины (см. куй, айтишув, жыр, айдым) и обозначаемые ими явления, функционирующие в разных формах. Например, слово айтиш – песня (туркм.) означает не только сказать, но и спеть, поэтому одинаково широко используется в речи и в музыке.

В представлении многих народов музыкальные инструменты «поют», «играют» и «говорят». У тюрок музыкальные инструменты в основном связаны с речью. Наиболее типично выражение «домбра говорит».

Непосредственно связаны с категорией «музыка» в современном ее

понимании термины, обозначающие напевы, мотивы, мелодии, а также виды и жанры музыкально-поэтического творчества тюркских народов. Так, мотив, напев – эуен, саз (каз.), куй, оханг (узб.), акэн – у татар), саз, хеиш, лабыз (туркм.), аялга (тув.) (ср. мотив – наво; напев, мелодия – оханг, тадж.)

Высота звука музыкальных инструментов зависит от способов и степени натяжения струны, ее длины и толщины. Благодаря колкам они могут быть настроены на любую высоту (кулак куй, кулак бурау – каз. настройка). Чем длиннее и толще струна, тем ниже производимый ею тон. И, наоборот, короткая и тонкая струна дает более высокий звук. Соответственно, на сильно натянутой струне звук выше, чем на спущенной.

В настоящее время на домбре крепятся струны разного диаметра. Их толщина оказывает влияние на высоту строя (оптимальными являются струны 0,7 мм).

Высота звука определяется и качеством струны. На хордофонах тюркских народов используются струны волосяные (конские), жильные или кишечные (бараньи, козы), шелковые, металлические. В настоящее время на многих из них (домбра, комуз и др.) натягивается капроновая леска (кетгут, искусственное волокно).

На шипковых и смычковых инструментах в прошлом были представлены почти все виды струн. Волосяные преобладали в музыкальном инструментарии тюрко-монгольских народов Сибири, Алтая. На шипковых хордофонах такая струна дает глуховатый и не всегда выразительный звук. На струнных инструментах среднеазиатских тюрков чаще используются жильные (комуз, разновидности домбры, гиджак, афганский рубаб) и шелковые (мангыстауская домбра, туркменский и узбекский дутары, кашгарский рубаб) струны. Металлические струны в азиатской музыкальной практике стали использоваться позже.

Анализ качества струн, используемых на составных хордофонах тюркских народов, дает возможность дифференцировать их на «живые», органические, изготовленные из натуральных материалов (волосяные, кишечные, шелковые) и «неживые», неорганические (металлические), а также искусственные, синтетические (кетгут, полимеры), созданные человеком. В изучении «живых» струн, обладающих (как и голос) широким звуковым спектром, следует учитывать не только физико-акустические, но и биофизические законы. Их внутренний состав, а также взаимодействие с пальцами рук оказывают влияние на характер звучания тюркских музыкальных инструментов.

Потенциальные возможности струн различны и во многом обусловлены способом звукоизвлечения. Волосяные и кишечные (жильные) струны характерны для музыкального инструментария кочевых, полукочевых тюрков. Волосяные (кил-узбекский) исторически более ранние, используют в составных (смычковых), а также простых музыкальных инструментах. Игровые характеристики волосяных струн достаточно специфичны. Они имеют несколько шероховатую поверхность. Для скрепления волос их нередко смазывают смолой или канифолью. В соответствии с физико-механическими свойствами волосяные струны обладают удивительной прочностью, достаточной упругостью и длительное время сохраняют свои конструктивные особенности. Правда, еще выдающийся ученый Востока Аль-Фараби в своем знаменитом труде «Большая книга о музыке» проницательно заметил, что для извлечения музыкального тона струна должна быть тонкой и гладкой.

При всем разнообразии музыкальных инструментов тюркских народов, в их структуре, конструкции, звучании прослеживается некая схожесть, указывающая на схожесть жизненных обстоятельств, что обуславливает историческую необходимость их глубокого изучения.

ТВОРЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИРИЖИРОВАНИЯ

Шерзод УМАРОВ

Дирижерское искусство – один из самых сложных видов творческой деятельности музыканта, имеющий важнейшее значение в области коллективного исполнительства. Дирижирование создает творческую атмосферу в репетиционном процессе, помогает достичь идеального исполнения произведения, обеспечивает гармонию и правильное коллективное музицирование и ансамблевое исполнительство, способствует духовному воспитанию слушателей на концертных площадках. Так что дирижер – в какой-то мере духовный наставник народа, что обуславливает большую ответственность профессии. В развитии многих видов творческой деятельности функция дирижера и художественного руководителя имеет основополагающее значение, как убедился автор статьи, на протяжении нескольких лет руководя камерным оркестром узбекских народных инструментов «Навруз». В первичный состав вновь созданного коллектива вошли молодые педагоги и талантливые студенты кафедры «Исполнительство на народных инструментах» Государственной консерватории Узбекистана. Естественно, что состав коллектива ежегодно обновлялся и пополнялся вновь поступающими студентами. За годы творческой деятельности был накоплен определенный опыт работы, дающий возможность обобщить результаты, поделиться размышлениями, которые, несомненно, окажутся полезными дирижерам и музыкантам-исполнителям.

Художественное руководство исполнительским коллективом – это сложный коммуникативный процесс, требующий от дирижера не только профессиональной компетентности, но и умения находить общий язык с коллегами. «Основой процесса общения дирижера, – подчеркивает П. Ержевеский, – является установление взаимных психических контактов и коммуникаций с исполнителями» (Ержевеский П. Психология дирижирования. М., 1988, с. 43.). Поэтому, формируя состав участников оркестрового коллектива, целесообразно ориентироваться на качественно высокий уровень

Шерзод УМАРОВ. Родился в 1971 году в Андижане, окончил Государственную консерваторию Узбекистана по классу «Дирижирование и народные инструменты». Работает в консерватории на кафедре «Оркестровое дирижирование» Создатель, дирижер и художественный руководитель оркестра «Навруз», автор 6 публикаций по дирижированию и 3-х учебников.

технического и исполнительского мастерства музыкантов. Это, безусловно, способствует достижению высокого уровня ансамблевой слаженности. Объединение в коллективе творческих сил молодых педагогов и студентов весьма полезно и продуктивно. Такое сотрудничество позволяет добиться высоких результатов в работе с исполнительским коллективом.

Очевидно, что главными творческими принципами деятельности оркестра являются: строгая дисциплина, ответственность и организованность, способствующие установлению необходимых контактов для совместного музицирования и создания творческой атмосферы. Алгоритм художественной практики оркестра включает в себя следующие параметры:

- Воспитание творческой дисциплины и активности участников;
- Создание творческой атмосферы в коллективе;
- Разработка новых методов репетиционной работы;
- Выбор репертуара;
- Составление концертных программ;
- Совершенствование технических приемов игры в оркестре.

Что же касается непосредственной работы с членами исполнительского коллектива, то необходимо отметить, что дирижер обязан, в первую очередь концентрировать внимание на сосредоточенности и организованности сознания музыкантов в процессе совместного музицирования, что очень важно. Не менее важным фактором и залогом успеха деятельности любого коллектива является правильный выбор репертуара, ориентированного на определенную аудиторию слушателей. Дирижеру важно установить социально-детерминированные художественно-культурные параметры при составлении концертных программ. Поэтому репертуар коллектива должен быть достаточно широк как в историко-процессуальном, так и в жанрово-стилевом плане. Психологическая и социальная ориентированность музыки на слушателя имеет огромное значение, помогая в воспитании интеллектуального, гуманитарно-развитого слушателя, готового к восприятию и пониманию различных музыкальных форм, жанров и стилей. «Исследование музыкальной аудитории, – отмечает Ю. Капустин, – имеет большое теоретическое значение при изучении актуальных проблем функционирования музыкального искусства».¹

Составляя концертные программы, дирижер, прежде всего, обязан ориентироваться на уровень слушательской аудитории, учитывать возрастные категории, художественные вкусы и эстетические запросы. Наряду с ориентацией на определенный контингент слушателей необходимо

***Праздничный концерт, посвященный
Дню Республики Индии***

¹ Ю. Капустин. Музыкант и публика. Л., 1985, С. 160.

в концертный репертуар включать произведения универсального плана, представляющие интерес как для специалистов, так и для неподготовленных слушателей, а также сочинения, которые призваны активизировать восприятие слушателей. «Эти сочинения, – подчеркивает А. Ташматова, – такие как: «Тўена» («Свадебная») для оркестрового исполнения, «Шарқона рақс» («Восточный танец») для дутара с оркестром, «Панжобча» («Пенджабский») для афганского рубаб с оркестром и другие, отлично воспринимаются публикой, ориентируют на праздничную атмосферу в концертном зале».¹

Изюминками концертной программы камерного оркестра узбекских народных инструментов «Навруз» являются такие яркие и эффектные произведения, как вальс «Оқ лолалар» («Белые тюльпаны») Манаса Левиева из узбекского ретро кинофильма «Маҳаллада дув-дув гап» («Об этом говорит вся махалля»), «Андижанская полька» Орифа Гармона, «Навруз уфориси» («Радость весны») Надима Нарходжаева, «Гуллар рақси» («Танец цветов») Уста Мухаммада Умара, «Шутка» из сюиты си минор Иогана Себастьяна Баха, «Чардаш» Витторио Монти, Хорезмская народная мелодия «Лязги», узбекские народные мелодии «Чертмак» («Шелчок») и «Ҳануз» («До сих пор»), «Ритмы народов мира» в исполнении ансамбля дойристов. Участие солистов в концертах оркестра, безусловно, создает яркость и театральность для легкого восприятия слушателей.

Камерный оркестр «Навруз» получил широкое признание публики. В 2016 году оркестр принял участие в III Международном фестивале национальных оркестров мира в Москве (Россия) и стал Дипломантом этого престижного творческого состязания.

Глубоко продуманная концертная программа и вдохновенная творческая работа дирижера с коллективом, является важным условием и фактором профессионального роста и совершенствования любого коллектива.

¹ Ташматова А. Камерный оркестр узбекских народных инструментов «Навруз» (статья). Т., журнал «San'at» № 1, 2014 . С 21.